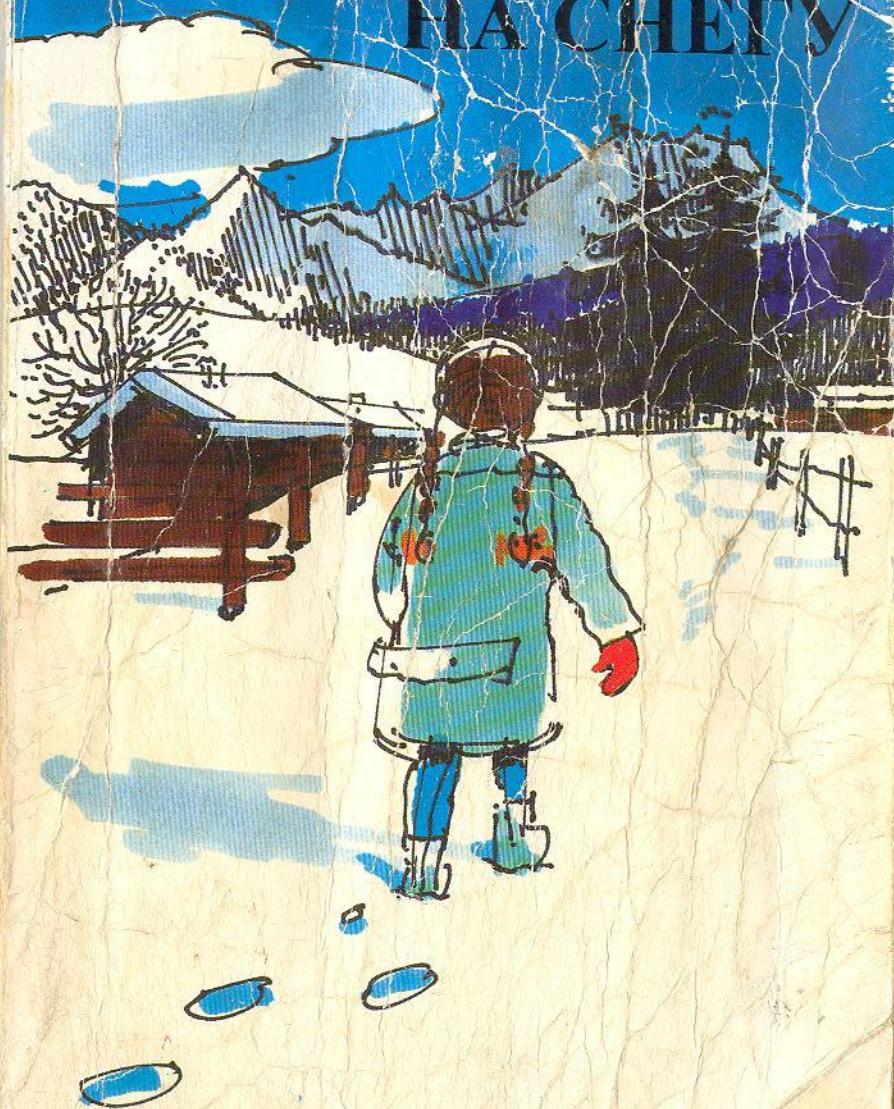

Патриция М. Сент-Джон

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семилетним ребенком я жила в Швейцарии, в деревянном доме в горах, немного выше той местности, в которой разыгрывается история Аниты и Даника.

При лунном свете я, как и они, спускалась на санках с горы в деревню. Летом я помогала убирать сено. Сопровождая коров, я ночевала на сеновале. В сочельник я отправлялась в деревенскую церковь и восторженно разглядывала рождественскую елку, украшенную апельсинами и пряничными фигурками зверей. Меня также приводили к врачу в соседний городок. Меньший мой брат катался в повозке молочника, которую тянул громадный сенбернар. А Белоснежка была кошечкой, принадлежавшей лично мне.

Но все это было много лет назад, и с тех пор я бывала в Швейцарии только как гостя. Несомненно, условия жизни за это время изменились, и сегодня трудно себе представить, чтобы ребенок мог годами пропускать занятия в школе. Улучшилось, наверное, и здравоохранение; может быть, теперь в каждой деревне есть свой врач — этого я не знаю.

Но мне известно, что небольшое здание школы и церковь стоят еще на прежних местах, что с горных лугов и пастбищ все еще доносится звон колокольчиков стад и что каждой весной долина наполняется ароматом нарциссов. Думаю, что дети в сочельник все еще поют рождественские песни и так же радуются пряничным медвежатам, как в свое время я.

Название деревни я преднамеренно опустила, так как некоторые подробности не соответствуют дейст-

вительности. Так, например, нет города, в который можно попасть только через перевал. Однако я пыталась отобразить жизнь такой, какой она здесь была.

Если ты когда-нибудь будешь в этой местности, то садись в Монтре в горную электричку и поезжай до небольшой станции, где луга подступают к самому перрону и вокруг поднимаются зеленые склоны с раскиданными по ним деревянными домами. Справа от железнодорожного пути склон простирается вниз до самой пенящейся и ревущей реки, на другом берегу которой снова поднимается гора. И там, наверху, между зеленым откосом и остроконечной скалой, — перевал.

Если ты недалеко от вокзала увидишь низенькое белое здание школы и верхушку деревянной колокольни, то знай, что это та деревня, о которой этот рассказ.

Автор

Глава 1

ПРЕДРОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Накануне Рождества по крутой горной тропе взбились три одинокие фигурки. При лунном свете их силуэты казались тенями на фоне белого снега. Посредине — женщина в длинной широкой юбке и с накинутым на плечи большим черным шарфом. Рядом с ней, крепко держась за ее руку, шагал черноволосый шестилетний мальчуган, который с полно набитым ртом безостановочно о чем-то рассказывал. Чуть поодаль, задумчиво глядя на звезды, шла семилетняя девочка. Скрестив руки на груди, она крепко прижимала к сердцу пряник — большого медвежонка медового цвета. У мальчика тоже был такой пряник, только он его почти уже съел. Мальчик задиристо посмотрел на девочку и похвастался:

— Мой был больше твоего!

— Все равно ни за что бы не променяла, — спокойно ответила девочка, не поворачивая головы.

Она нежно посмотрела на свой пряник. Какой у него сладкий запах и как он сверкает в лунном свете! Никогда она не захотела бы откусить от него. Восемьдесят деревенских детей получили сегодня такие пряники, но ее был самый лучший, и она решила оставить его себе на память. Каждый раз, глядя на него,

она будет вспоминать этот предрождественский вечер, холодное темно-синее небо, празднично освещенную церковь и елку, украшенную серебряными звездочками, песни, ясли с Младенцем и интересный, но печальный рождественский рассказ.

Ей хотелось плакать, когда она думала о гостинице, где не было места для Младенца Иисуса. Она бы широко распахнула свои двери и с радостью приняла бы усталых путников.

Луку (так звали мальчика) злила ее молчаливость.

— Я уже со своим почти справился, — хвастался он. — Дай мне откусить от твоего, Анита, ты же еще даже не попробовала его.

Но Анита покачала головой и крепко прижала к себе своего медвежонка.

— Я никогда не съем его, я сберегу его навсегда, навечно.

Так они дошли до развилки, где санные следы расходились в разные стороны. В нескольких метрах направо от дороги виднелись ярко освещенные деревянные дома, а за ними — темные коровники и сараи. Анита была уже почти дома. Госпожа Марель нерешительно спросила:

— Анита, пойдешь дальше одна или проводить тебя до дверей?

— О нет, я лучше одна пойду, — заторопилась Анита. — Большое спасибо, что взяли меня с собой. Спокойной ночи, госпожа Марель, спокойной ночи, Лука.

Она быстро ушла прочь, боясь, что госпожа Марель передумает и решит все-таки пойти с ней, а ей так хотелось побыть одной. Она ждала этого момента,

чтобы избавиться от болтовни Луки и окунуться в тишину ночи. Разве она могла думать или рассматривать звезды, если постоянно должна была отвечать на вопросы госпожи Марель и Луки? Ей никогда еще не приходилось одной быть ночью на улице. А сегодня это случилось совсем случайно.

Она должна была вместе с матерью и отцом на санях поехать в церковь — об этом они говорили неделями и радовались заранее. Но в это утро мама внезапно заболела и отцу пришлось поехать в город за врачом. Врач приехал часа в четыре. И из-за того, что он приехал так поздно, они не смогли поехать в церковь вместе. Очень разочарованной Аните пришлось идти в церковь вместе с госпожой Марель, дом которой стоял немного дальше на горе. Когда же Анита вошла в церковь, она позабыла обо всем — так здесь было красиво. Украшенная елка и таинственность Рождества совсем пленили ее.

Волшебный вечер все еще продолжался. Теперь, когда она стояла на снегу, одна под звездным небом, ей не хотелось входить в дом. Она задержалась немного у лестницы, ведущей к балкону и гостиной, и оглянулась. Напротив находился коровник. Она могла слышать каждое движение животных и как они жевали сено. У нее возникла прекрасная мысль. Перескочив через санные следы, она подняла засов и вошла в коровник. Родной запах животных, молока и сена обласкал ее. Она протиснулась между коровами и залезла в ясли.

Корова усердно жевала. Анита обняла ее шею, но та спокойно продолжала жевать. Наверное, точно так было и тогда, когда Мария находилась с новорож-

денным Младенцем в хлеву с животными. Анита посмотрела на ясли, и в ее воображении возник Небесный Младенец, лежащий на сене, а возле Него тихо и чинно стояли коровы. Через чердачную щель она увидела мерцающую звездочку и подумала, что такая же звезда стояла над Вифлеемом и вела мудрецов к месту рождения Иисуса. Она могла хорошо представить себе, как эти мудрецы ехали, покачиваясь, верхом на верблюдах. И, конечно, сейчас тоже может открыться дверь, и на пороге покажутся пастухи, держа в руках маленьких ягнят.

Глубокое сострадание охватило Аниту, когда она подумала о бездомном Младенце, перед которым все двери оказались закрытыми.

— В нашем доме нашлось бы много места, — бормотала она, — но несмотря на все, здесь, в хлеву, наверное, самое лучшее место. Сено чистое, дыхание коров теплое и ласковое. Бог все-таки избрал самую лучшую колыбель для Своего Младенца.

Кто знает, сколько бы времени просидела здесь Анита, если бы внезапно не блеснул луч фонаря через приоткрытую дверь коровника. Анита услышала приближающиеся твердые шаги по скрипучему снегу и обеспокоенный голос отца. Она соскользнула с яслей, ловко увернулась от хвоста коровы и с распростертыми руками побежала навстречу отцу.

— Я хотела навестить коров в канун Рождества, — засмеялась она. — Ты искал меня?

— Да, — ответил отец.

Он не смеялся. Его лицо было бледным и серьезным. Он взял Аниту за руку и повел ее в дом.

— Ты должна была сразу прийти домой; ты же знала, что твоя мама очень больна. Уже целых полчаса она спрашивает о тебе.

Сердечко Аниты сильно забилося: как же она могла забыть свою любимую маму? Она высвободила свою руку и, чувствуя себя виноватой, побежала по ступенькам наверх в спальню матери.

Ни врач, ни медсестра не заметили появления Аниты, пока она не очутилась у кровати больной. Она была девочкой маленького роста с легкой, неслышной походкой. Но мама тотчас увидела ее и с большим трудом протянула к ней руки. Анита подбежала к ней и положила голову ей на плечо. Она стала тихо плакать. Лицо матери, такое же белое, как и подушка, испугало ее. О, как она жалела о том, что не сразу зашла в дом.

— Анита, не плачь, — прошептала мать, — у меня есть подарок для тебя.

Анита сразу же замолчала. Подарок? Конечно, ведь сегодня канун Рождества. Мама всегда делала ей в этот день подарок. Что же это могло быть? Она с нетерпением посмотрела по сторонам. Мама обратилась к медсестре.

— Подайте ей, — прошептала она.

Медсестра откинула одеяло и приподняла что-то, завернутое в белое. Она подошла к Аните и протянула этот сверток ей.

— Твой братишка, — объяснила она, — пойдем, положим его в люльку около печки, и ты покачаешь его. Твоя мама должна сейчас поспать. Пожелай ей спокойной ночи.

— Твой братишка, — повторила мать глухим голосом, — он принадлежит тебе. Воспитай его и люби, и позаботься о нем вместо меня. Я дарю его тебе.

Ее голос ослаб, и она закрыла глаза. Анита от оцепенения не могла произнести ни слова. Она даже не подумала сопротивляться, когда медсестра медленно вывела ее из спальни матери.

Анита села на стул около стены. Перед ней стояла кроватка, в которой лежал ее рождественский подарок. Она долго сидела не двигаясь, глядя на маленький комочек, который теперь был ее братиком. Мерцание снега каким-то необычайным светом отражалось на стенах, а отблески догорающих поленьев розовыми бликами плясали на потолке.

В доме было очень тихо. В не закрытое ставнями окно светила рождественская звезда. Точно так же она светила в вифлеемский хлев на Того Младенца. Анита сидела у печки и охраняла братишку. Точно так же сидела Мария у яслей маленького Божьего Сына. Анита благоговейно погладила бархатную головку. Затем она устало вздохнула, положила голову на край люльки и размечталась. Звезды, стада, новорожденные младенцы, закрытые двери, мудрецы и пряники — все смешалось у нее в голове, и она мягко сползла со стула на пол. Час спустя отец на-

шел ее мирно спящей с прислоненной к люльке белокурой головкой.

— Бедные мои сиротки, остались вы без мамы, — простонал он, наклоняясь над своей дочуркой. — Как же я воспитаю вас без нее?

Ибо Бог призвал мать Аниты к Себе, Рождество она праздновала вместе с ангелами.

Глава 2

БАБУШКА

Маленький Даник Бурни спустя три часа после своего рождения лишился матери и стал личной собственностью своей семилетней сестренки Аниты. Добрая медсестра из деревни осталась еще на некоторое время в доме господина Бурни и ухаживала за малышом. Когда же она ушла, то отец нанял в деревне няню, которая приходила ухаживать за Даником.

Но малыш все-таки принадлежал Аните. После того, как Анита пережила первую большую боль, вызванную смертью матери, она из глубины своего печального сердца извлекла всю любовь и отдала ее своему братишке.

Она кормила его из бутылочки и часами могла сидеть молча возле люльки. Ночью, когда он плакал, она подходила к нему; она выносила его днем на балкон — на солнышко и свежий воздух. Окруженный та-

кой любовью, малыш расцветал. Во всей округе не было мальчика красивее и здоровее его. Он спокойно спал; когда просыпался — смеялся, ел, барахтался и снова засыпал, никому не доставляя никаких хлопот.

— Он родился под счастливой звездой, — подметила няня.

— Он родился под рождественской звездой, — возразила Анита. — Я думаю, что он будет всегда добрым и счастливым.

А как он рос! Когда солнце стало пригревать снежную массу и на желтоватых лугах начали всходить шафраны, для него пришлось сшить новую рубашонку. После того, как выпустили коров на альпийские пастбища, у него прорезался первый зубик. Так как Анита не имела никакого понятия о том, как прорезываются первые зубы, и не предчувствовала никаких проблем, то и малыш не увидел в этом ничего сложного. И вместо того, чтобы плакать и кричать, он гудел и смеялся, посасывая свой кулачок.

Осенью, когда буковые листья засверкали золотыми факелами между темными елями и подули первые сентябрьские ветры, люлька стала мала для Даника. Даник начал ползать по полу. Он хотел разузнать обо всем, что находилось вокруг — от печки до балконной лестницы, и Аните стало трудно смотреть за ним и оберегать его от подстерегающей опасности. Наконец она нашла выход. Она привязала его за ножку к большому кухонному столу, так что он мог ползать вокруг стола, не причиняя себе вреда. Теперь жить в доме стало легче.

Однажды вечером, уложив Даника в постель, Анита вошла в залу. Отец сидел у печки, подперев голову

руками. Он выглядел старым и усталым. После смерти матери это случалось часто, но сегодня он выглядел хуже обычного. Анита, старавшаяся во всем заменить в доме хозяйку, взобралась к отцу на колени и прижалась своей мягкой щечкой к его шершавой щеке.

— Папа, что с тобою? — спросила она. — Ты очень устал сегодня? Сварить чашечку кофе?

Отец посмотрел на дочурку нежным взглядом. Она была такая маленькая и хрупкая, как фея с золотистыми волосами. При этом она была такая умная и рассудительная. Он не знал, как это произошло, но в прошедшем году он часто делился с ней своими трудностями и даже прислушивался к ее серьезным советам. Вот и теперь он прислонил ее головку к своему плечу и печально объяснил:

— Дочурка, мы должны продать одну корову. Нам нужны деньги. Иначе я не смогу купить тебе зимние ботинки.

Приподняв головку, Анита удивленно посмотрела на отца. У них было всего десять коров, и каждая была близка как друг. Нет, ни в коем случае! Нужно найти другой выход, чтобы заработать деньги.

— Смотри, — продолжал отец, — у других есть мама, которая заботится о детях. Я же должен платить няне, которая смотрит за Даником. Это обходится очень дорого. Но кто-то же должен ухаживать за ним, за нашим бедным мальчиком.

Анита выпрямилась и энергично отбросила назад косы.

— Папа, — она заговорила медленно, но твердо, — нам больше не нужна няня. Мне уже почти во-

семь, и я сама могу ухаживать за Даником. Тебе не нужно будет платить мне, и тогда мы сможем оставить у себя всех коров. Подумай только, коровы ведь будут очень страдать, если хотя бы одной придется уйти от нас.

— Ты же должна ходить в школу, — возразил отец, — я не имею права отрывать тебя от учебы. Это против закона. Учитель обязательно спросит, почему ты не ходишь в школу. Он же должен будет заявить об этом властям, а что тогда?

— Забота о Данике важнее, — возразила Анита, нахмурившись. — Если ты все объяснишь учителю, он поймет, он же очень добрый и твой школьный друг. Давай попробуем и посмотрим, что получится. Знаешь, папа, я буду утром делать уроки на кухне, а Даник будет играть там на полу. Ему ведь всего еще только девять месяцев. Когда Данику исполнится пять лет и он пойдет в детсад, я буду водить его туда по пути в школу.

Отец был в нерешительности. Несмотря на свой маленький рост и возраст, Анита была рассудительна, как взрослая. Она могла ухаживать за малышом и хорошо убирать комнаты. Но она не могла варить, штопать, вязать и выполнять другие домашние работы. Кроме того, она же должна учиться! Пять минут отец сидел молча. Вдруг прекрасная мысль осенила его.

— Интересно, согласится ли твоя бабушка приехать к нам? — сказал он вдруг. — Она старенькая, страдает от ревматизма и плохо видит. Но бабушка могла бы готовить и помогать тебе с уроками по вечерам. Тебе не придется оставаться одной дома, когда я погоню коров в горы. Ты, Анита, слишком мала, что-

бы оставаться целыми днями одной. Возможно, учитель позволит, если я напишу ему, что бабушка будет заниматься с тобою. Через год или два ты пойдешь снова в школу. Даник будет тогда уже побольше.

Анита сползла с колен отца и принесла бумагу и чернила.

— Пожалуйста, напиши сейчас обоим, — попросила она. — Завтра утром я пойду за хлебом и отправлю твои письма. Возможно, мы сразу получим ответ.

Анита оказалась права. Через несколько дней они получили ответы на оба письма. Первой ответила бабушка. Она собиралась приехать поездом.

В назначенный день Анита встречала ее на вокзале. Поезд очень опоздал, время стоянки сократили, и бедная, сгорбленная и страдающая от ревматизма бабушка едва успела сойти с поезда. Ее аккуратный деревянный сундучок небрежно поставили на платформе, и поезд быстро отошел. Но бабушка вовсе не расстроилась. Она тяжело оперлась на свою палочку и спросила Аниту, как подняться на гору. Анита, ничего не понимая в ревматизме, предложила идти пешком.

— Пешком я никогда не дойду, — возразила бабушка.

Житель одной горной хижины привез свой сыр на вокзал и возвращался обратно на гору. Он согласился взять их с собой. Дорога была тряская, колеса деревянные, а мул шагал неровно. Такая езда была мучительна, но бабушка терпеливо сносила все. Только когда она уже сидела в комнате на диване, она облегченно вздохнула. Что-то бормоча, из-под стола выглядывал Даник, который, как всегда, ползал по полу. Он засунул свои пальчики в рот и, улыбаясь, смо-

трел на бабушку, которая надела очки, чтобы лучше рассмотреть его. Несколько мгновений оба смотрели друг на друга: мутные старческие глаза и голубые детские. Но тут Даник закинул голову назад и снова засмеялся.

— Ребенок протрет свои штанишки, если так будет ползать, — заметила бабушка, улыбаясь ему в ответ. Она с трудом поднялась, опираясь на палку. — Так, — проговорила она, — вот я и приехала к вам. Что смогу сделать, я сделаю. Что не смогу сделать, сделаешь ты, Анита. А теперь покажи мне кухню.

С этого момента бабушка делала все, что могла, остальное выполняла Анита, и был полный порядок. Данику не мешало присутствие бабушки — он продолжал ползать вокруг стола, несмотря на ее уговоры.

Спустя несколько дней бабушка послала Аниту в магазин за куском крепкой ткани. Затем она нашла заплатки на штанины Даника. Конечно, Даник выглядел теперь немного странно, но цель была достигнута: Даник мог ползать без ущерба для штанишек.

Получив письмо от господина Бурни, деревенский учитель решил сам навестить эту семью и поговорить с отцом девочки. Отца не было дома, и Анита, пригласив учителя в дом, подала ему самый лучший стул.

— Я пришел поговорить с твоим отцом, — сказал учитель, — по поводу непосещения тобой школы. Это недопустимо в твоем возрасте и противоречит закону нашей страны.

— Страна ничего про Аниту не узнает, если вы промолчите, — заметила бабушка. — Я сама буду зани-

маться с нею. Маленький Даник не может быть без присмотра сестренки.

— Хорошо, — улыбнулся учитель, — я буду молчать, но с условием: каждую субботу утром, спускаясь в деревню за хлебом, Анита должна заходить ко мне, и я буду проверять ее домашнее задание. Будут сдвиги в учебе — я буду молчать. Если же она не будет дома учиться, то я буду настаивать, чтобы она снова посещала школу.

С этого дня Анита каждую субботу стучалась в дверь маленького белого дома, где жил учитель. За спиной у нее была большая корзина, а в руке — старый учебник. Учитель каждый раз приветливо встречал ее. Зимой они сидели у печки, ели пироги с яблоками, пили какао; летом сидели на балконе, ели вишни и пили лимонад. Затем он проверял ее домашнее задание. Под конец они занимались библейскими историями. С тех пор, как бабушка стала жить с ними, Анита хорошо познакомилась с Библией. Каждый вечер она с увлечением читала из Библии вслух и очень полюбила ее.

Глава 3

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Прошло пять лет. Опять настал день двадцать четвертого декабря. Этот день был очень важным для Даника. Ему исполнилось пять лет, и он первый раз в своей жизни смог поехать с Анитой в церковь на пред рождественский вечер.

А вечером Даник сидел в своей кроватке и поедал картофельный суп. Его белокурая головка была почти не видна из-за пышной перины. Анита сидела рядом и держала в руке большой пряник — испеченного медвежонка. Даник получил этот пряник на пред рождественском вечере.

— Даник, — внушительно объясняла Анита, — если ты возьмешь с собой в постель свой пряник, то от него к утру останутся одни крошки. Смотри, я положу его рядом, на комод. Луна будет светить на комод, и тебе его будет хорошо видно.

Даник хотел было возразить, но передумал и наполнил свой рот картофельным супом. Он не понимал, почему Анита не позволяла ему спать в обнимку с медвежонком. Но с другой стороны, это — не причина для печали. Он всегда был счастливым и веселым мальчиком. Сегодня же он был особенно счастлив: он услышал церковный звон, увидел сверкающую елку и смог прокатиться на санках по скрипучему снегу, раз-

глядывая на небе многочисленные звездочки. Даник протянул сестренке пустую тарелку, лег и укрылся пуховиком.

— Веришь ли ты, Анита, — доверительно прошептал он, — что Дед Мороз придет, если я поставлю на подоконник свой башмачок?

Анита удивленно посмотрела на него. Откуда у него такие мысли? Она никогда не рассказывала ему о Деде Морозе, которого сама видела только в книгах. В Швейцарии Дед Мороз не пользуется такой известностью, как в других странах.

Даник же продолжал:

— Говорят, что он приезжает на санях в оленьей упряжке и что он хорошим мальчикам кладет в башмачок подарок. Скажи, я хороший мальчик?

— Да, — ответила Анита и поцеловала его, — ты очень хороший мальчик, но ты не получишь от Деда Мороза подарок. Он приходит только к богатым детям, а мы бедные.

— Разве я не богатый мальчик? — спросил Даник.

Ему и в голову не приходило пожелать от жизни чего-то большего.

— Нет, — ответила Анита твердо, — ты не богат. Мы бедные. Папе приходится тяжело работать; бабушке и мне приходится чинить твою одежду, так как мы не можем купить новую.

Даник засмеялся.

— Мне все равно, что мы бедные, мне так нравится. А теперь расскажи мне про Рождество, про Младенца, про коров, про большую сверкающую звезду.

Анита стала рассказывать, а Даник, который должен был уже давно спать, слушал ее с открытым ртом.

— Я бы лучше спал на сеновале, чем в гостинице, — сказал он, когда она закончила свой рассказ. — Я бы охотно поспал рядом с Буренкой, это было бы так хорошо!

Анита покачала головой.

— Это тебе совсем не понравилось бы, особенно зимой и без перины. Тебе было бы холодно, и ты думал бы о своей теплой постели. Люди жестоко отнеслись к новорожденному Младенцу, не дав Ему места в гостинице. Где-нибудь они могли бы найти Ему местечко.

Часы пробили девять. Анита вскочила.

— Даник, теперь ты должен спать. А я пойду приготовить для папы какао.

Она обняла и поцеловала брата, хорошенько укрыла его, выключила свет и оставила одного. Но Даник не мог уснуть. Он уставился в темноту и усердно думал. Даник не был жадным мальчиком, но он так хотел получить подарок от Деда Мороза! Оказывается, он был бедный, и, по всей вероятности, Дед Мороз не придет. Но кто знает, так ли это? Может, Дед Мороз все-таки придет? Во всяком случае, не помешает выставить на улицу башмачок. Но вот вопрос: куда? На подоконник нельзя, потому что сам он не может открыть тяжелые ставни. На балкон веранды тоже нельзя, потому что вся семья находится в зале. Одна единственная возможность — открыть заднюю дверь кухни и поставить башмачок прямо на снег. Тут опять возник вопрос: заметит ли Дед Мороз башмачок там, за домом? Но ведь можно попробовать.

Даник слез с кровати и на цыпочках спустился по ступенькам вниз. Он пошел босиком, чтобы никто не

услышал его. В руке он держал маленький красненький башмачок, сшитый из заячьего меха. Даник решил, что Дед Мороз все-таки заметит его башмачок, уж очень он был красив. С большим усилием Даник отодвинул тяжелую задвижку — для этого ему пришлось

стать на холодный табурет. Он чуть не упал, когда дверь внезапно открылась, и выронил башмачок в снег. Он быстро спрыгнул, поставил башмачок прямо на крыльцо и захлопнул дверь. Никто ничего не заметил.

С облегченным сердцем он возвратился в комнату, лег в кровать и свернулся клубочком. Он уже помолвился с Анитой перед тем, как она его уложила, но теперь он решил добавить еще кое-что.

— Дорогой Господь, — зашептал он, — пожалуйста, пришли ко мне Деда Мороза в оленьей упряжке и сделай так, чтобы он увидел мой башмачок и положил в него маленький подарок, хотя я и бедный мальчик».

После этой молитвы он повернулся на бочок и уснул крепким сном. Ему, как и тысячам других детей, приснилось, как старый Дедушка Мороз в красном

тулупе сидит на санях и мчит по снегу под звуки оленьих бубенцов.

Даник проснулся очень рано — дети в день Рождества рано просыпаются — и, конечно, он сразу подумал о своем красном башмачке. Его сердечко сильно застучало. Он приподнялся. Сестра еще спала. Неужели еще ночь? Но вдруг он услышал, как отец загремел ведрами внизу в кухне. Ночь прошла, и отец собирался идти доить коров. Значит, все-таки настало рождественское утро. Теперь надо было быстро встать и найти свой подарок, прежде чем папа обнаружит его. За ночь у Даника исчезли все сомнения.

Осторожно, чтобы не разбудить Аниту, Даник вышел из спальни и направился в кухню. Отец был так занят, что не заметил его. Он мыл ведра из-под молока. Даник подошел к нему сзади и крепко обнял его ноги. Отец оглянулся. Краснощекий сынишка со сверкающими глазами стоял рядом и в ожидании смотрел на него.

— Дед Мороз приходил? — спросил Даник.

Как-никак отец, который поздно ложился и рано вставал, должен был бы услышать звон бубенчиков и скрип снега под копытами оленьей упряжки.

— Дед Мороз? — удивленно переспросил отец. — Нет, он не приходил сюда. Мы живем слишком высоко для него.

Даник покачал головой.

— Мы совсем не живем высоко, — уверенно сказал он. — Его олени могут до любого места добраться. Ты, наверное, крепко спал и ничего не слышал. Папочка, дорогой, открой дверь, может быть, он все-таки принес мне подарок.

«Если бы я это раньше знал, — подумал про себя отец, — я бы хоть плитку шоколада положил на стульчики». Он очень жалел, что ему придется разочаровать своего мальчика. Но было поздно. Даник с нетерпением смотрел на дверь. Могло помочь только чудо. Отец накинул на сына пальто, подошел к двери и открыл ее. Даник выглянул на улицу и склонился над своим башмачком. Затем он закричал не своим голосом и, держа в руке своей башмачок, вбежал на кухню. Произошло на самом деле чудо: Дед Мороз приходил и оставил в башмаке подарок. За всю свою пятилетнюю жизнь у Даника не было такого драгоценного подарка. В башмаке, свернувшись в клубочек, лежал маленький белый котенок с синими глазами и черным пятнышком на носу. Котенок был худ и очень замерз. Но теплая заячья шкурка, из которой был сшит башмачок, все же защитила его от мороза.

Отец забыл о своих ведрах, присел на пол рядом с сынишкой и принялся отхаживать котенка. Он завернул его в мягкую тряпочку и положил около теплой печки. Затем подогрел молока и осторожно, ложечкой, вливал котенку в рот. Вначале только брызги летели, но мало-помалу котенок стал облизываться своим красненьким язычком, и его красивые синие глазки засверкали. Немного погодя он дернул хвостиком и потянулся. А когда совсем наелся, то опять свернулся в клубочек и начал тихо мурлыкать. Отец с сыном были так заняты котенком, что за все время и словом не обмолвились. Теперь, довольные, они посмотрели друг на друга. Щеки Даника горели, как красные маки, а глаза сверкали, как две звездочки.

— Я же знал, что он придет, — прошептал он, — но я не думал, что он принесет мне такой необыкновенный подарок. У меня еще никогда не было такого хорошего подарка. Папа, как мне назвать его?

— Назови котенка Белоснежкой, потому что он совсем беленький, — сказал отец.

Он испытующе, но с каким-то уважением посмотрел на Даника. Все сложилось на самом деле чудесно.

Оставив спящего котенка и сына, отец направился в коровник доить коров. Сидя на скамеечке возле коровы, он задумался, ища объяснения всему случившемуся. Конечно же, котенок заблудился. Чудесным было то, что он нашел башмачок Даника.

Естественно, Небесный Отец, думая о Своем Единственном Сыне, не захотел разочаровывать маленького мальчика на земле, у которого не было мамы. Конечно же, это Он направил белого котенка к башмачку, и все это во имя Младенца, рожденного в Вифлееме. Отец на мгновение прекратил дойку и поблагодарил Бога от имени своего маленького сына за оказанную милость.

Немного позже в кухню вошла Анита, чтобы приготовить что-нибудь к завтраку. От удивления она словно приросла к полу, когда увидела Даника в ночной рубашке и накинутом поверх нее пальто, склоненным над белым котенком. Она уже хотела было спросить о чем-то, но увидев ее, Даник приложил пальчик ко рту:

— Тихо, тихо, а то разбудишь.

Он на цыпочках подбежал к ней, потянул ее к столу, взобрался к ней на колени и шепотом, на ухо, рассказал ей обо всем. Аните не трудно было объяснить себе

эту историю. Ей было уже двенадцать, и она не верила в Деда Мороза, но она верила в рождественских Ангелов. Конечно же, этот белоснежный котенок должен был быть подарком неба.

Анита присела на пол и взяла на колени братишку с котенком. Через полчаса в таком виде их застала бабушка, которая зашла на кухню, надеясь найти на столе чашку дымящегося кофе.

Глава 4

ССОРА

Лука лежал под пуховым одеялом. Ему очень не хотелось вставать. В постели было тепло и уютно, а на улице страшно холодно. Вздохнув, он залез поглубже под одеяло.

— Лука! — прозвучал резкий голос матери.

Он быстро вскочил. Мама уже три раза звала его, но он делал вид, будто не слышал ее. В школу ведь он еще успеет. Только вот подоить коров — на это у него не хватит времени. Но ведь подоить коров может и мама. В последнее время ей все чаще приходилось делать это.

— Другим мальчикам не нужно доить коров перед школой, — ворчал он, застегивая пиджак. — И вообще, я не понимаю, почему я должен работать больше, чем другие? Только потому, что у меня нет отца?

Его взгляд был сумрачным и упрямым, когда он вошел в кухню и сел завтракать. Он еще только наполовину съел свой бутерброд, как в кухню вошла мама.

— Лука, — сказала она строго, — почему ты не встаешь, когда я зову тебя? Каждый день одно и то же. Утром ты вообще не помогаешь мне. Твоя сестра тоже рано встает и уезжает на работу без всякой суматохи. Я знаю, у других мальчиков есть папы. Но ты теперь уже большой и умный мальчик и должен пони-

мать, что мы без наших трех коров не сможем прожить. И какой позор, что всю утреннюю работу ты оставляешь на меня!

Лука нахмурил брови.

— Я же помогаю тебе вечером. Никогда у меня нет времени даже поиграть. Я привожу тебе дрова, и мне дальше всех приходится взбираться на гору. Я привожу корм и по субботам чищу коровник.

Мама сердито нахмурилась.

— Пока ты придешь из школы, я почти все это сама сделаю. Я знаю, что у тебя зимой не так много свободного времени, как у других детей. Но я ведь стараюсь делать все, что могу. Эта ранняя дойка изнуряет меня. Ты уже достаточно взрослый, чтобы делать эту работу. Я хочу, чтобы ты вставал вовремя. А теперь спеши, а то опоздаешь в школу.

Лука одел куртку, мрачно попрощался с матерью и, схватив санки, умчался в полутьме морозного утра.

Полозья салазок нарушили утреннюю тишину. Казалось, что эта могущественная тишина перед рассветом сдерживала дыхание всего мира. В другие дни такое великолепное зрелище не осталось бы незамеченным Лукой. Но сегодня он был до того расстроен, что не обращал внимания на прелесть природы.

— Это несправедливо, — бормотал он. — Все против меня. Причем я, если мое домашнее задание не всегда выполнено? Я же должен помочь матери. Сегодня мы получим отметки по чтению. Я, наверное, буду самым плохим. А эта воображая Анита Бурни — самая лучшая. Я уверен, что ей не надо утром доить коров перед школой. О-о-о!..

В отчаянии он затормозил, но было уже поздно.

Лука был настолько зол, что не заметил, куда едет. Поэтому на развилке он с разгону ударился в бок Анитиных санок и опрокинул ее в сугроб. Это была уже слишком грубая мальчишеская шалость. Лука густо покраснел, ему и вправду стало не по себе. Он соскочил с санок, чтобы помочь Аните, но она опередила его. Анита никогда не уважала Луку и теперь сильно рассердилась на него. С гневом в глазах и стоя по пояс в снегу, она набросилась на него.

— Осел ты! — кричала она, чуть не плача. — Разве ты не видишь, куда едешь? Посмотри на мою тетрадь, она вся намочка и помялась. Подожди, я расскажу учителю. Это ты во всем виноват.

Лука, которому всегда приходилось бороться с тем, чтобы сохранить спокойствие, вскипел.

— Ну ладно, — крикнул он в ответ, — не устраивай такую суматоху. Я же не нарочно задел твои санки. Можно подумать, что я убил тебя, а не помял твою тетрадь. Ничего не случится, если ты раз останешься без хорошей отметки. Я поехал дальше.

Он вскочил на санки и умчался.

* * *

В школу Лука успел как раз вовремя. Но совесть его была неспокойна. С ним часто случались неважные выходки, поэтому он и сейчас постарался забыть о том, что натворил.

— Ей надо только выбраться из сугроба, — бормотал он про себя, — она все равно не позволила бы помочь ей. Слава Богу, я хоть вовремя успел в школу. На этой неделе я и так уже два раза опоздал.

Выбраться из сугроба было не так легко, как попасть в него. Аните пришлось побарахтаться, прежде чем она выкарабкалась и собрала свои тетради и книги. Она не могла удержать слез. Плакала она от холода, от страха, от боли в коленках, но главное — от обиды. Анита явилась в класс через пятнадцать минут после начала урока. Глаза ее были красными, нос синим, расцарапанные руки и колени кровоточили. Все это, вместе с промокшими книжками и тетрадками, придавало ей очень жалкий вид.

— Анита, — испуганно проговорил учитель, — что случилось?

Несколько секунд Анита серьезно боролась с искушением: выдать товарища или нет. Но при одном только виде Луки, сидящем за партой в теплом сухом классе, вся ее нерешительность исчезла.

— Лука во всем виноват, — со злостью выпалила она. — Он столкнул меня в глубокий сугроб, сам же уехал и оставил меня одну. Я едва смогла выбраться, — она прижала кулаки к глазам и снова заплакала.

Анита была очень взволнована, и, ох, как она злилась.

Возмущенные ученики затаили дыхание. А Лука, несчастный мошеник, опустив голову, мрачно глядел в одну точку.

За неблагородный поступок учитель наказал Луку, что, нужно сказать, к сожалению, обрадовало и снова оживило Аниту. Затем учитель объявил оценки. Анита получила самую лучшую оценку, отчего почувствовала себя лучше. Лука же получил самую плохую, и ему пришлось остаться после уроков.

И вот он сидел один в классе. Его одноклассники все уже были дома. Злость, негодование, возмущение закипали в нем. Ему казалось, что он вот-вот лопнет от злости. Наконец ему разрешили пойти домой.

Поднимаясь на гору, он тянул за собою санки. Что это за кошмарный день сегодня?! Утром мать сердилась на него, Анита нажаловалась на него, учитель наказал его. По учебе он был самым плохим в классе. Да разве есть на свете хотя бы один мальчик, которому так худо жилось бы, как ему?..

Тени под косогором были в этот вечер особенно синими. Эта синева была почти сверхъестественна, синий пар над далекими долинами напоминал синий цвет на груди лесного голубя. Солнце еще освещало самые верхние зубцы гор, чуть ниже клубились маленькие облака. Величественная красота горного пейзажа распростерла руки, чтобы обнять Луку. Природа и дети — близкие друзья. Тишина природы способна утешить печальное возмущенное детское сердце лучше любых человеческих слов.

Постепенно злоба в усталом сердце Луки сменилась страдальческим чувством, и он, думая, что один, прижал кулак к глазам и тихо заплакал. Но тут он вдруг обнаружил, что был на улице не один. У перекрестка, в снегу, стоял маленький мальчик и с большим удивлением смотрел на Луку. Этот мальчик выглядел здоровым и счастливым. У него были румяные щечки и светлые глазки. Чубчик белокурых волос выглядывал из-под шерстяной шапочки. Это был Даник. Он лепил снежную бабу. Сегодня она у него получилась особенно хорошо. Он хотел позвать Аниту, чтобы она посмотрела.

— Почему ты ревешь? — спросил он.

— Я не реву, — сердито ответил Лука.

— Да-да, ты ревешь. Я знаю, почему: учитель наказал тебя в школе. Анита нам рассказала.

Даник не был жестоким, напротив, он всегда был приветливым и добрым мальчиком. Но Лука мерзко поступил с Анитой, а этого Даник не мог простить.

Лука мгновенно вскипел от злости. Он подошел к снежной бабе и, пнув ногой, разбил ее вдребезги. Даник от испуга и растерянности громко закричал. Анита выбежала из коровника. Она тотчас поняла, что случилось. Как лвица она подбежала к Луке и ударила его по лицу. Лука тоже хотел ударить Аниту, но тут увидел господина Бурни, который выходил из дома с молочными ведрами. Ситуация была против него.

— Ябедница ты, трусишка, — закричал он. — Приходишь в школу, как малютка, с ревом.

— Безжалостный грубиян! — кричала ему вслед Анита. — Утром не помог мне выбраться из сугроба, а теперь еще сломал снежную бабу Даника. Он же тебе

не причинил вреда, почему ты не можешь оставить его в покое? Правильно, что учитель наказал тебя. Даник, пойдем домой!

Негодую, она пошла по тропинке назад к дому. За ней шел Даник. Но у крыльца она остановилась и оглянулась. Из-за далекой горной вершины выглядывал кусочек красного неба. И тут она вспомнила стих из Библии, которому бабушка научила ее: «Гневаясь, не согрешайте, солнце да не зайдет во гневе вашем». Почему-то именно теперь он пришел ей на память. Ну что, ведь еще не поздно, и Лука еще где-то поблизости. Она ведь тоже поступила неправильно: наябедничала на товарища. Она заколебалась. Нет, он ведь был намного хуже ее, он должен был извиниться перед ней. Если она станет просить у него прощение, то можно подумать, что она виновата. Но ведь это не так. Нет-нет, она ни в чем не виновата.

Анита вошла в дом и захлопнула за собою дверь.

Лука медленно шел домой. Его лицо горело от удара, и злость еще больше кипела в нем. Шагая, он вдруг посмотрел вверх и увидел нечто удивительное. Облака скучились и образовали сплошную стену, закрывая горы. Только в одном месте эта стена была разорвана, и через эту щель Лука смог увидеть снежную вершину, сверкающую золотистым светом. Казалось, будто там, окруженный Божьей славой, стоит небесный замок, показавшийся из-за стены только на одно короткое мгновение. Несмотря на то, что Лука привык к красотам заходящего солнца, он остановился и глубоко вдохнул воздух. Его гнев по сравнению с чистым и величественным блеском внезапно показался ему ни-

чтожным и пустым. На него не стоило обращать внимания. Как было бы хорошо начать все сначала!

Если он побежит, он сможет еще догнать Аниту. Но нет, Анита воображала и зубрила. Она бы даже не посмотрела на него. И вообще, почему он должен просить прощения у девчонки?

Между тем облако закрыло щель. Небесный замок исчез из виду.

Так как оба не хотели сделать первого шага к примирению, началась ссора, которая длилась очень долго и причинила обоим много горя.

Глава 5

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

В апреле был день рождения Аниты. К этому дню Даник уже заранее готовил подарки. Ничто не доставляло ему столько радости, как дарить подарки. Посторонний человек сказал бы, что эти подарки незавидные, но для Даника они были очень дорогими. Подарки он хранил в ящике, где обычно лежали дрова. Анита знала, что ей нельзя заглядывать в этот ящик, и она делала вид, будто верила, что в нем лежат только дрова.

В ящике уже находилась целая семья сосновых шишек. Они были покрашены в различные цвета и расставлены в ряд. Папа-шишка был красным, мама-шишка была зеленой, а рядом стояло пятеро детишек ярко-желтого цвета. Еще там была картина — портрет Буренушки. Даник сам нарисовал его: корова паслась на лугу с голубыми цветами, которые были такими же большими, как и корова. Там же были чистый белый камушек и браслет, сплетенный из волос коровьего хвоста.

Иногда рядом с этими подарками Даник клал маленькие шоколадки. Но он очень любил шоколад и сам съедал их спустя день или два.

Знаменательный день приближался. Завтра день рождения Аниты. Даник уже сейчас предвкушал ра-

дость этого дня. И как только Анита ушла в школу, он рассказал бабушке о своих планах. Бабушка сидела на балконе и, греясь на весеннем солнышке, чистила листья одуванчиков для супа на ужин. Даник подошел к ней.

— Бабушка, я пойду на откос. Там кое-где уже растаял снег. Я хочу нарвать сарданелл и шафранов. Получится красивый букет, который я положу рядом с другими подарками для Аниты.

Бабушка неохотно отпускала его куда-либо одного. Она неуверенно посмотрела на него.

— Ты еще маленький, и тебе нельзя идти туда одному. Откос может быть скользким, и ты поскользнешься и свалишься.

— Белоснежка пойдет со мной, — уверенно ответил Даник.

Бабушка тихо засмеялась.

— Она тебе не сможет помочь, — сказала она и вздрогнула: без всякого предупреждения кошка прыгнула к ней на колени и, мурлыча, начала тереть свою белую головку о грудь бабушки.

— Белоснежка заметила, что мы о ней говорим, — уверял Даник. — Она все понимает, и теперь она тебе говорит, что будет сверху, с горы, следить за мною.

Он взял кошку в руки, поцеловал бабушку и направился по ступенькам вниз, напевая песенку.

«Топ-топ», — стучали его деревянные башмачки. Он продолжал петь громким чистым голосом. Бабушка долго смотрела ему вслед, а потом снова взялась чистить листья одуванчиков. Мальчик вырос, стал самостоятельным, скоро пойдет в детсад. Да, он на самом деле уже большой.

Даник с удовольствием карабкался на холм. Кошка осторожно следовала за ним. Несмотря на то, что она была рождественской кошкой, она все-таки не любила снег.

День был погожим. Весна начала свое дело, стаивала зимний снег и в новый наряд одевала горы. В долине зеленели луга вдоль реки, и там уже паслись коровы. Здесь, повыше, на откосе, снег тоже начал таять и кое-где обнажалась бледно-желтая прошлогодняя трава, а ручьи переполнялись прозрачной ледяной водой. Прошло немного времени, и Даник добрался до низкой каменной стены, ограничивающей пастбище луга. По другую сторону стены отвесно спускался скалистый обрыв, в глубине шумел бурный горный поток.

Летом эти скалы походили на сад чудесной мечты, сплошь покрытые колокольчиками, камнеломкой и густым ковром розовато-красной смолевки. Но в эту весеннюю пору скалы были еще голыми и бурыми. Белоснежка уселась на ограду и стала тщательно умываться. В этом не было надобности, ведь она была такая же белая, как и снег.

Даник шагал от одного желтого пятна к другому. Фиолетовые шафраны чередовались с первоцветами. Даник больше всего любил сарданеллы. Эти нежные цветочки не могли дождаться, пока растает снег. Они выступали наружу сквозь замерзшие края снежного поля, и их стебли все еще были обложены льдом. Даник любил все красивое, и здесь, среди цветов, он был счастлив. Солнце сияло, и цветы улыбались ему. Он мечтал о сказочных гномах, живущих здесь в пещерах под снегом. Он видел даже их белые бороды и красные

шапочки и был уверен, что эти гномы — веселые шапуны. Иногда, если вокруг никого не было, они выходили из своих пещер и качались на лепестках сарданелл. Об этом ему рассказывала Анита.

Даник осторожно, на цыпочках, подходил к цветочкам и, наклонив голову, внимательно разглядывал их. Он так был поглощен своим занятием, что не услышал приближающихся шагов. Даник внезапно оглянулся и вздрогнул: Лука стоял позади него с неприятным выжидающим взглядом и торжествующим блеском в глазах. Он не забыл тот удар в лицо, нанесенный Анитой, когда Даник кричал и звал на помощь. С этого дня Лука искал случая, чтобы отомстить им. Поэтому, увидев Даника высоко на горном лугу, Лука быстро направился к нему. Конечно, он не собирался причинять ему вреда, он лишь намеревался немного подшутить и поиздеваться над ним и этим отомстить за прошлое.

— Для кого ты собираешь эти цветы?

— Для Аниты, — бойко ответил Даник.

Он прекрасно знал, что Луке такой ответ не понравится, но Анита всегда твердила ему: говорить правду даже в минуту страха.

Лука ехидно засмеялся.

— Я ненавижу Аниту, — объявил он. — Она высокомерная воображуля. В школе она — глупышка. Мальши в детском саду могут решать лучше, чем она. Она не лучше ваших коров. Отдай мне цветы, она их не заслужила.

Услышав такое, Даник так возмутился, что побагровел. Он спрятал цветы за спину. Да разве можно ненавидеть Аниту? Она была такая красивая и хорошая,

она все умела делать. Даник, не знавший, что такое зависть, ничего не мог понять.

— Нет, ты не получишь эти цветы! — возразил он, крепко сжав букет за спиной. — Цветы мои.

— А я отберу их, — дразнил Лука. — Ты же маленький, как ты хочешь со мною справиться? Я могу с тобой сделать, что захочу. Ты же глупый маленький хвостун. Я отомщу тебе за то, что ты выдал меня, сказав Аните, что я сломал твою снежную бабу.

Лука грубо вырвал цветы из рук Даника, бросил их на снег и стал топтать ногами. Глядя на растоптанные сарданеллы и шафраны, Даник не выдержал и громко заплакал. С какой любовью он собирал эти цветы, а теперь всё пропало. Даник бросился на Луку и своими маленькими кулаками стал бить его.

— Я все расскажу моему папе! — вскричал он. — Я сейчас пойду домой и расскажу все. Он придет к тебе домой и набьет тебя. Ты злой мальчишка.

Этого Лука не ожидал. Как и все грубияны, он был трусом и боялся отца Даника, рослого и очень сильного. Само собой разумеется, за обиду Даника пощады не жди. Лука крепко держал Даника за руки, оглядываясь кругом и ища, чем бы пострадать мальчишка и заставить его промолчать. Тут он увидел Белоснежку, которая все еще сидела на каменной стене, греясь на солнышке. План его тут же был готов. Он оттолкнул Даника и поспешил к каменной ограде.

Даник подумал, что мучитель оставил его, вытер слезы и стал снова собирать цветы. «Подумаешь, Лука, — думал он. — Какое мне дело, что ему это не нравится? Главное, ко дню рождения Аниты нужен красивый разноцветный букет».

Внезапно на весь луг раздался голос Луки. Даник посмотрел в его сторону, и ему стало страшно: Лука стоял на каменной стене. Он схватил Белоснежку за шею и держал ее над темным ущельем, по которому несся бурный поток.

— Если ты мне сейчас же не пообещаешь, что ничего не расскажешь отцу, я брошу твою кошку в воду!

Даник побежал к нему. Он бежал вслепую, спотыкаясь, ноги его тряслись, и он едва продвигался вперед. От мысли, что Белоснежка погибнет в холодной воде, ему стало страшно, во рту пересохло, и он не мог даже кричать. Он знал одно: надо добраться до Луки, отобрать у этого мерзавца кошку и никогда не оставлять ее одну.

Надо заметить, что Лука вообще-то не собирался бросать кошку в ущелье. Несмотря на то, что он был сорванцом и проказником, жестоким он не был. Но кошка не привыкла, чтобы с нею так обращались, и стала вырываться. А когда заметила, что ее не выпускают из рук, забарахталась сильнее. Страх заставил ее сделать то, чего она никогда не дела-

ла: передней лапкой царапнуть Луку. Лука, который в это время наблюдал за бегущим Даником, от испуга выпустил кошку. Как раз в тот момент, когда смертельно бледный Даник подбежал к каменной стене, кошка камнем полетела вниз в глубокое темное ущелье.

Даник вскрикнул и, ни минутки не колеблясь, полез через стену. Лука, остолбеневший от своего поступка, даже не успел схватить его и оттащить назад. Все остальное произошло в считанные мгновения.

Белоснежка не упала в воду, а зацепилась за выступ скалы и, прижимаясь к нему, жалобно мяукала. Подросток мог бы без всякой опасности добраться до кошки и подняться с ней назад. Но Данику было всего лишь пять лет. Скала была мокрая, и он поскользнулся в тот момент, когда хотел схватить кошку. Раздался страшный крик — крик, который еще несколько лет преследовал Луку, — и Даник исчез за краем ущелья.

Если бы у Луки в панике не помутился разум, то он перегнулся бы через стену и заглянул в ущелье. Но он даже подумать не смел о том, что Даник может остаться в живых. Видеть, как вода уносит безжизненное тело к водопаду, было выше его сил. Ошарашенный, он свалился на траву и закрыл лицо руками. И если бы в это мгновение Анита увидела его, то даже и она признала бы, что он действительно уже был наказан.

— Даник утонул, — простонал он, снова и снова повторяя про себя эти слова. — Я убил его, что мне теперь делать? О, что я должен делать?!

Немного погодя в нем родилась пугливая мысль. Он вскочил и оглянулся. Время шло. Они вскоре придут сюда и будут искать Даника. И если найдут его, Луку, здесь, то догадаются, что это он во всем виноват. Никто пока еще не подозревает о его причастности к этому несчастному случаю. Поэтому, если он сейчас пойдет домой и сделает вид, что ничего не случилось, то никто ничего не узнает.

Он побежал, как преследуемый заяц, ищущий укрытия в сосновом лесу. Побродив немного окольными путями, он, наконец, пришел домой и остановился у задней двери дома. Он не решался войти, так как не мог встретиться взглядом с матерью. Надо спрятаться, но куда? У коровника он заметил лестницу, ведущую на сеновал. Лука забрался по лестнице наверх и, зарывшись лицом в сено, зарыдал, как будто сердце его разрывалось.

Глава 6

ПОИСКИ

Бабушка окончила работу на веранде. Тяжело опираясь на палку, она пошла обратно в дом и присела в свое кресло. Как она устала! Вскоре голова ее склонилась на грудь, и она задремала.

Здоровье бабушки совсем разладилось: глаза видели все хуже и хуже, привычная домашняя работа порой казалась непосильной. Но она беспредельно любила своих внучат и думала, что будет для них трудиться, пока не упадет. Поэтому она продолжала готовить своими искалеченными руками, продолжала штопать и латать, напрягая свои больные глаза. Анита ничего об этом не знала — ей было всего двенадцать лет, да и бабушка никогда не жаловалась. Ведь когда мы трудимся с любовью, то даже самая тяжелая работа становится легкой.

Бабушка спала дольше обычного. Анита спустилась в деревню в магазин, а отец был в лесу: пилил и складывал бревна. Бабушке тоже еще нужно было заштопать пятки на белых шерстяных носках Даника и залатать локти на рукавах его курточки. Но она слишком устала. Она сложила руки на коленях и мирно спала. И даже кукушка на стенных часах, прокуковавшая три раза, не разбудила ее.

Было почти четыре часа, когда бабушка наконец проснулась и посмотрела на часы. Она озабоченно и немного удивленно охнула. Даник вышел погулять в половине третьего и все еще не вернулся. Где же он мог быть?

— Даник! — позвала она, думая, что он где-нибудь прячется.

Он мог вылезти из-за какого-нибудь кухонного шкафа с озорным и смеющимся видом.

Но ответа не последовало. Бабушка вышла на веранду: может, она заметит его, может быть, увидит. Из-за сарая вынырнула фигура, но это был не Даник. Это была Анита с плетеной корзинкой на спине. Из корзинки торчала большая золотистая буханка хлеба. Сегодня после обеда не было уроков в школе, и она походила немного по магазинам. Анита махнула бабушке рукой и вбежала на веранду.

— Анита, — сказала бабушка, — поставь быстро корзинку и пойдика пощи своего братика. Он пошел собирать цветы полтора часа назад и еще не вернулся.

Анита опустила корзинку на пол. Про себя она подумала, что бабушка слишком уж озабочена Даником. Что может случиться с ним в поле, где всякий встречный знает и любит его?

— Он, наверное, в лесу с папой, — ответила она. — Я пойду посмотрю. Дай мне сначала съесть кусочек хлеба с повидлом, я так есть хочу.

Она отломала себе большой ломоть от буханки и намазала его маслом и повидлом. Бабушка же опять вышла на веранду и озабоченно посмотрела на дорогу. Анита все еще жевала свой бутерброд, когда услышала шаги отца и встревоженный голос бабушки:

— Где Даник? Петр, разве он не был с тобою в горах?

— Даник? — повторил отец удивленно. — Его даже близко со мной не было. Когда он ушел из дому?

Бабушка не могла больше скрывать своего беспокойства.

— Он ушел примерно полтора часа тому назад, он и котенок. Они пошли собирать цветы в поле. Что-то случилось с ним.

Анита и отец переглянулись. На их лицах отразилось беспокойство. Ведь тропинка, которая вела из лесу, где работал отец, шла через поле, где Даник должен был собирать цветы. То, что папа и следов Даника не видел, что-то значило. Анита схватила руку отца.

— Может быть, он побрел в лес к тебе, — сказала она утешающе. — Пойдем поищем его. Белоснежка наверняка где-нибудь будет и покажет нам направление. Она не любит далекие прогулки.

Вместе они направились на холм в сторону леса. Шли молча, так как отец боялся высказать вслух свои мысли. Весна в горах Швейцарии каждый раз несла с собой немалые опасности — переполненные горные потоки и внезапные обвалы тающего снега, а Даник был еще таким маленьким.

* * *

Бабушка, оставшись одна, пошла в дом и начала молиться. Она молилась, а в это время перед ней как бы возникали картины. Чем меньше бабушка видела глазами, тем больше она видела в духе, внутренним взором. Перед ней предстала картина темного леса, разрезанного горными ручьями. Тропинки в лесу были перекрыты валунами и снежными лавинами. По

такой вот тропинке бежал Даник с цветами в руках. А возле него шел Ангел с белыми крыльями, и в тени этих крыл было укрытие, тепло и безопасность.

«Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного», — прошептала бабушка, поднимаясь с колен. Теперь она чувствовала себя совершенно успокоенной и принялась готовить ужин.

Между тем отец и Анита все еще не могли найти никаких следов Даника и котенка Белоснежки. Они металась взад и вперед, зовя его, но в ответ раздавалось только горное эхо и шум бурных ручьев. Солнце садилось за горы, тени в поле становились длиннее.

— Папа, — внезапно у Аниты появилась идея. — Может, он пошел сам домой? Я видела, как Лука несколько раз говорил с ним. Я побегу туда и спрошу.

Анита побежала что есть силы и через пять минут была у дома госпожи Марель. Задняя дверь дома была приоткрыта, и, просунув в нее голову, Анита крикнула:

— Госпожа Марель, Лука! Вы здесь? Не видели ли вы нашего Даника?

В доме было тихо. Но они, должно быть, недалеко, потому что дверь оставили открытой. Анита уже хотела было бежать к коровнику, как вдруг увидела госпожу Марель. Она шла по дорожке, соединяющей два дома. Анита побежала ей навстречу.

— Госпожа! — крикнула Анита, тяжело дыша и хватаясь за рукав женщины. — Видели ли вы нашего маленького Даника? Он убежал, и вот уже два часа, как его нет. Может быть, он с Лукой? Знаете вы, где Лука?

— Очень даже может быть, — угрюмо ответила госпожа Марель. — Я только что была у вас дома, чтобы узнать, где Лука. Этот лентяй должен был уже давно быть дома. Коровы мычат, надо бы их подоить. Мне придется снова делать это самой. Но, может быть, он уже пришел, пока меня не было. Если да, то он должен быть в хлеву. Пойдем посмотрим.

Вместе они направились к коровнику и открыли тяжелую деревянную дверь. Красная корова топталась и хлестала хвостом, но Луки рядом не было. Госпожа Марель повернулась со вздохом раздражения и намеревалась уже закрыть дверь, как Анита схватила ее за рукав и указала пальцем вверх.

— Послушайте, — прошептала она, — что это за шорох там наверху?

Обе остановились и с минуту прислушивались. На открытом чердаке коровника было сложено сено, оттуда доносилось всхлипывание. Анита в один миг, как дикая кошка, взлетела на чердак. Госпожа Марель взобралась за ней. Обе поняли, что случилось что-то ужасное, но Анита думала только о Данике, а госпожа Марель думала только о Луке.

— Лука! — крикнула госпожа Марель. — Мой бедный ребенок, что случилось? Ты ушибся?

— Даник, — прошипела Анита, схватив Луку за плечи и тряся его, — где он, что ты с ним сделал? Отдай его сейчас же!

Лука только глубже зарылся в сено и напряженно мотал головой. Он был почти в истерике.

— Я не знаю, где он! — закричал он. — И вообще это не моя вина!..

— Что не твоя вина?! — вскричала Анита, тряся его за плечо сильнее прежнего. — Ты знаешь, где он, скажи правду! Госпожа, — обратилась она к женщине, — заставьте его сказать правду.

Госпожа Марель оттащила Аниту и склонилась над Лукой. Лицо ее было бледным. Она была убеждена теперь, что что-то случилось с Даником, и Лука это знает. Она взяла его лицо в свои руки и повернула к себе.

— Лука, — повелела она, стараясь говорить спокойно, — скажи сейчас же: где Даник?

Лука только дико посмотрел на нее, он понял, что увильнуть не удастся.

— Он мертв, — сказал он и снова заплакал, зарыв лицо в сено. — Он упал в обрыв и разбился.

Анита стояла не двигаясь, как остолбеневшая. На несколько мгновений она потеряла способность двигаться. Ее лицо было настолько бледным, что госпожа Марель подумала, что она упадет в обморок, и хотела поддержать ее. Но Анита отскочила, как ужаленная. Затем она заговорила не своим, а каким-то чужим хриплым голосом:

— Он должен пойти и показать нам место, чтобы мой папа мог хотя бы принести его домой. — Потом добавила полушепотом: — Я убью Луку.

Госпожа Марель не услышала ее последних слов, но первые показались ей разумными. Она схватила своего сына за руку, поставила на ноги и почти снесла его вниз по лестнице.

— Пойдем, Лука, — подгоняла она его уже вниз. — Ты должен показать нам, где Даник. Быстро,

иначе господин Бурни придет сюда с полицией и они заставят тебя идти.

Эта угроза подействовала, и Лука быстро направился к месту несчастья. При этом он не переставал плакать и протестовать, повторяя, что вина не его.

Госпожа Марель и Анита следовали за ним. Госпожа Марель тоже плакала, Анита же не уронила ни слезинки. Ей казалось, что все ее слезы пересохли от горя и гнева. Дойдя до стены, Лука указал пальцем вниз, в ущелье.

— Он вон там, утонул в потоке, — прошептал он, бросился на землю и зарылся лицом в траву.

В этот момент на опушке леса показался господин Бурни. Он поспешно присоединился к маленькой группе. На Луку он не обратил никакого внимания, только бросил один взгляд на свою дочь, а другой — в теснину. Там он заметил то, чего никто другой до сих пор не замечал: по скалистому выступу карабкался вверх дрожащий белый котенок. Увидев котенка, он не нуждался больше ни в каких объяснениях, но просто сказал:

— Нужно принести веревку! — и побежал вниз с холма, как будто его преследовали.

Бабушка, стоявшая в дверях дома, поняла все по его лицу. Без слов она наблюдала за тем, как отец снял со стены толстую веревку и тотчас выбежал из дому.

— В ущелье! — только крикнул он ей, оглянувшись назад, и исчез в темноте.

Оставшись одна, бабушка поставила на плиту чайник, достала старый холст и наполнила горячей водой большую грелку. Затем она села, закрыла глаза и сло-

жила руки. Снова перед ней возникла картина: Даник схвачен темными водами потока; но белые крылья Ангела приостановили бурное течение, и ребенок в безопасности. «Ибо Ангелам Своим Он заповедает о тебе: охранять тебя на всех путях твоих», — молилась бабушка.

* * *

Отец вернулся очень скоро, но ожидавшим у стены показалось, что прошли часы. Никто не вымолвил ни слова. Он обвязал один конец веревки вокруг ствола дерева, а другой бросил в ущелье. Затем, обхватив веревку руками и коленями, он спустился вниз и исчез за обрывом. Еще вися в воздухе, он осмелился посмотреть вниз, в воды бурного потока, которые, по всей вероятности, унесли его мальчика. Но то, что он увидел, ободрило его новой надеждой и заставило вскрикнуть:

— Вот он!

Бабушка была права: Ангелы взяли на себя охрану Даника, когда он падал, и он вообще не достиг воды. Он упал на большую выступавшую скалу. Там он лежал пластом на спине, с подвернутой ногой, ожидая какого-нибудь спасителя. Он плакал, потому что не мог двигаться. Время текло очень медленно. Он, видимо, на какое-то время потерял сознание, ибо двух часов, проведенных в ущелье, он не мог вспомнить. Он помнил только момент падения.

Отец висел над ним, подобно большой птице. Затем он приземлился и наклонился над ним.

— Папа, — прошептал Даник едва слышно, — где Белоснежка?

— Вон там! Прямо над тобой, — ответил успокаивающе отец, глядя маленькое бледное личико. — Мы захватим ее при подъеме наверх.

— Папа, — продолжал Даник, — моя нога очень болит, и я не могу двигаться. Ты понесешь меня домой?

— Конечно, — ответил отец, — для этого я и пришел сюда. Я понесу тебя домой сейчас же.

С этими словами он взял своего маленького сынишку на руки.

— Но, папа, — продолжал озабоченный и слабый голосок, — сможешь ли ты нести меня и Белоснежку вместе? Ты же не оставишь Белоснежку, нет?

— Белоснежка поедет вверх в моем кармане, — пообещал отец, нежно поднимая ребенка.

Даник застонал, потому что каждое прикосновение причиняло ему нестерпимую боль. Он старался не отрывать глаз от лица отца и действительно проявил больше мужества, чем можно было ожидать от пятилетнего мальчика.

Подъем был долгим и трудным. Отец с Даником не смог взобраться по веревке вверх. Ему пришлось спуститься до потока и по скалистому берегу дойти до места, где обрыв был не таким крутым. Только там он смог подняться наверх. Даник на какое-то мгновение потерял сознание, но снова очнулся, когда отец положил его на траву возле Аниты.

— Белоснежка у тебя в кармане? — спросил Даник, внезапно открывая глаза.

— Сейчас я достану котенка, — ответил отец и, схватившись за веревку, снова спустился до места, где сидела Белоснежка. Даник протянул руки, и котенок

улегся прямо у его сердца, сопя и мурлыча. Анита в первый раз за этот кошмарный вечер залилась слезами.

Даника положили на пальто. Госпожа Марель и господин Бурни медленно понесли его с горы домой. Анита тащилась сзади, неся Белоснежку. Маленькая печальная процессия, но сердца их были полны радости, ибо Даник был жив и разговаривал. Этого было достаточно, чтобы не вспоминать о Луке, который все еще лежал на траве у стены. Даже его мать не вспомнила о нем.

Когда Лука поднял голову и обнаружил, что он остался один на один с ночью, ему показалось, что весь мир отвернулся от него и забыл его. Он встал и поплелся домой. Дрожа, он залез в постель, чувствуя себя самым одиноким и самым несчастным на свете.

Глава 7

НЕ МОГУ ПРОСТИТЬ

Даник лежал в постели под теплыми одеялами и чувствовал, что он теперь очень важная персона и может требовать все, что ему вздумается. Так как до сих пор в его жизни такой возможности не было, то он решил как можно лучше воспользоваться этим.

Отец стоял у кровати, наблюдая за ним, и рассказывал ему разные смешные истории, которые он с удовольствием слушал. Анита сидела рядом с шоколадкой в руке, а бабушка — на стуле с другой стороны, держа банку с вишневым вареньем. Каждый раз, когда Даник ее просил, она протягивала ему полную ложку. Вот если бы еще нога не так сильно болела, он вообще думал бы, что находится в раю.

— Папа, — спрашивал Даник уже, наверное, в десятый раз, — ты уверен, что у Белоснежки нет никаких ушибов?

— Да, я вполне уверен, — отвечал папа. — Она вылакала уже целую чашку молока, а затем пробежалась по ступенькам на второй этаж, виляя хвостиком. Только здоровые котята могут так себя вести.

— Папа, — снова сказал Даник, открывая рот, как птенец, чтобы получить очередную порцию варенья, — это Лука бросил нашего котенка через ограду. Он нехорошо поступил, правда?

— Да, очень нехорошо, — подтвердил отец. — Но он еще получит свое наказание.

В действительности же отец был так счастлив видеть сына живым, что мало думал о Луке.

Анита же, молча сидевшая с кусочком шоколада в руке, больше всех помнила о нем: «Я еще придумаю, что сделать с ним, — размышляла она, — но я никогда не прощу ему. Пока я жива, я не прощу. Когда-нибудь я ему отплачу. Я никогда не прощу, никогда».

— Анита, — сказал Даник, — дай мне еще немного шоколада. Потом я буду спать. Но ты оставайся здесь, моя нога сильно болит.

— Да, мой милый, — ответила сестренка, подавая ему шоколад, — я останусь с тобою, пока ты не уснешь.

Отец и бабушка поцеловали Даника и оставили детей одних. Анита обняла Даника.

— Спой мне песенку, — попросил Даник, — ту, которую бабушка всегда поет.

Это была молитвенная песенка к Отцу на небесах. Песенка о том, как Отец Небесный хранит маленьких детей всю ночь под Его крылами, и прощение простить все их грехи. Анита часто пела Данику эту песенку. Но сегодня вечером она не хотела ее петь, да и вообще, она не могла петь о прощении грехов в то время, когда ее сердце было полно ненависти к Луке. Она ни о чем не могла больше думать, как только о расплате.

— Не эту, Даник, я спою тебе другую, про весну, про цветы, хорошо? — попросила Анита.

Но Даник насупился. Еще бы! Сегодня Анита должна делать то, что он хочет.

— Я не хочу другую, я хочу эту молитву.

— Ну хорошо, я спою ее, — вздохнула Анита и начала петь.

«Я устал, иду к покою,
Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною,
Будь Хранитель верный мой.

И сегодня, без сомненья,
Я виновен пред Тобой:
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой».

Пела она медленно и грустно. Даник заснул, не дождавшись конца песни. Анита спрятала голову в одеяло и заплакала. Она очень устала после всех перенесенных страхов и только сейчас почувствовала облегчение. Но это были не слезы радости. Нет, мы не можем быть истинно счастливы, когда ненавидим кого-то. Вздохнув, она наконец встала и пошла вниз. Отец доил коров. Так поздно вечером этого еще никогда не случалось. Коровы вели себя беспокойно, били копытами землю.

Бабушка готовила ужин — ведь с обеда еще никто ничего не ел. Все суетились только вокруг Даника.

— Он спит, — сказала Анита.

Она села, пристально глядя на пламя.

— Скоро придет врач, — вздохнула бабушка, — и тогда нам придется снова разбудить его, бедного мальчика. Пусть теперь спит, сколько хочет.

Анита помолчала еще немного, но больше уже выдержать не могла:

— Бабушка, Лука должен быть наказан. Чем мы можем отомстить Луке? Я не могу придумать никако-

го наказания, которое отплатило бы ему за такой ужасный поступок.

Бабушка не сразу ответила, но помолчав, сказала:

— Анита, ты не думала о том, что сделавший зло сам себя наказывает?

Нет, об этом Анита никогда еще не думала.

— Подумай о страхе Луки, — продолжала бабушка, — когда он увидел Даника летящим вниз. Подумай о том, как ему теперь не по себе от горя. Подумай о том, как ему должно быть стыдно и страшно от того, что вскоре все узнают, что он натворил. Не достаточно ли он уже наказан? Может быть, мы должны простить и помочь ему?

Анита обратила особое внимание только на одну фразу из бабушкиного наставления: «Подумай о том, как ему страшно от того, что вскоре все узнают, что он натворил». Это была прекрасная идея! Она уж позаботится о том, чтобы все люди узнали, что натворил Лука. Куда бы она ни пошла — в школу или в село — везде она будет об этом рассказывать. Каждый человек будет его ненавидеть.

Ее мысли были прерваны резким стуком в дверь, и на пороге показалась сестра Луки. Возвращаясь сегодня домой с работы, она увидела печальную процессию, спускавшуюся с горы и сразу же помчалась в село на почту, чтобы позвонить врачу, который жил в восьми километрах от них.

— Врач Пиляр не может прийти, так как находится в другом селе у одной больной женщины. Он вернется домой только после полуночи. Мне сказали, чтобы Даника на повозке завтра утром отвезли в больницу. Там его врач обследует.

— Спасибо, Мария. Ты очень хорошо сделала, что позвонила вместо нас, — поблагодарила бабушка и направилась в кухню.

Мария, оставшаяся стоять в дверях, спросила с любопытством:

— Скажи, Анита, как это все произошло? Почему моя мама такая молчаливая и подавленная?

— Это случилось в горах, — коротко сказала Анита. — Лука сбросил котенка со скалы, а Даник хотел его спасти. Лука при этом даже не попытался остановить его. Я бы не удивилась, если бы Лука и Даника столкнул с горы. Мне кажется, Даник сломал ногу. Он пролежал там несколько часов, потому что Лука никому не сказал об этом.

Мария побледнела при этих словах — она никогда не испытывала особых чувств к своему брату. Если бы она проявляла к нему больше любви, Лука был бы лучше и добрее. Дети, которых не любят, редко бывают любящими.

— Его надо строго наказать, я сама лично прослежу за этим! — гневно воскликнула она и выбежала из дома.

Анита улыбнулась. Настроить родных Луки против него — это было как раз то, чего она хотела. Анита почувствовала, что ее мщение началось. Ожидать больше было нечего, и поэтому после молчаливого ужина Анита угрюмо побрела в свою комнату. Со свечкой в руках и со слезами на глазах она долго смотрела на своего братишку. Даник лежал с распротертыми над головой руками. Сморщив лоб и время от времени ворочая головой из стороны в сторону, он бормотал странные слова. Анита легла в свою по-

стель. Несмотря на усталость, она не могла уснуть и чувствовала себя сейчас очень одинокой.

Вдруг она услышала осторожные шаги. Это бабушка решила навестить своих внуков и медленно поднималась по ступенькам. Подъем по лестнице давался ей с трудом, поэтому она редко приходила в эту комнату.

— Бабушка! — воскликнула Анита, протянув к ней руки, и горько заплакала.

Бабушка долго молчала. Сидя возле Аниты на кровати, она гладила ее по голове, давая ей возможность выплакаться.

— Послушай, Анита, — сказала наконец бабушка, — когда Да-

ник был совсем маленьким, мы принесли его в церковь и молились о нем Богу. С тех пор мы каждый день просили Господа, чтобы Он сохранил его. И даже когда Даник упал, Спаситель не отпустил его. Его руки были под ним все это время. Даже если бы он умер, он сразу был бы унесен на небо. Поэтому давай вытрем слезы и будем продолжать верить, что Даник в Божьих руках и что Он будет продолжать делать лучшее для него.

— Но почему Господь допустил это несчастье? Бабушка, я ненавижу Луку, я бы убила его.

— Тогда ты не можешь молиться за Даника, — просто ответила бабушка. — Бог есть любовь, и когда мы молимся, мы приближаемся к этой Любви. Все зло и ненависть в нашем сердце должны растаять, как снег под весенним солнцем. Анита, предай Луку Богу, Он воздает за добро и за зло. Но запомни, что Бог любит Луку точно так же, как Он любит и Даника.

Бабушка поцеловала Аниту и ушла. Анита еще долго лежала в постели, размышляя над словами бабушки. Последним словам она не поверила. Ей казалось невозможным, чтобы Бог любил этого грубого, некрасивого, глупого Луку так же, как милого, веселого Даника. Но первые слова бабушки были правдой. Это она сама знала. Эти слова ее беспокоили. Она действительно не могла молиться за Даника и одновременно придумывать план расплаты. Это было несовместимо. Она хотела бы молиться за Даника, но боялась, что тогда ее ненависть к Луке исчезнет, а она так жаждала мести! Пока пусть бабушка молится за Даника, а она будет обдумывать план возмездия.

В момент, когда она решила это, Даник сел на кровати и в полусне начал испуганно плакать:

— Белоснежка, где Белоснежка? Она упала в поток?

Анита подбежала к Данику.

— Нет, нет, Белоснежка здесь.

Подняв пушистый белый комочек с края кровати, она положила его Данику в руки. Даник лег и сразу крепко уснул с котенком на груди.

Анита постояла еще некоторое время у кровати, пока дыхание его стало спокойным и ровным. Потом она сама легла и тоже уснула.

Глава 8

ВСЕМИ ПОКИНУТЫЙ

Лука долго лежал без сна в своей постели. Голова болела и глаза не хотели закрываться, потому что каждый раз, как только он закрывал их, он видел перед собой Даника, летящего с обрыва вниз. Это была не та скала у каменной стены, а темная вертикальная стена, которая переходила в бездонную пропасть, и Даник продолжал туда падать и падать. Время от времени Лука впадал в забытие, но тут же просыпался от ужасного крика с сильно бьющимся сердцем, так как сны его были страшнее бодрствующих мыслей. Если бы только кто-нибудь пришел к нему! Ему было жутко лежать одному в темноте. Он тосковал по своей матери. Он знал, что она дома, потому что слышал шаги на кухне внизу. Но он не осмеливался позвать ее. Быть может, она не хочет прийти к нему. Притом на его зов могла откликнуться сестра, а ее он вовсе не хотел видеть. Ему даже не хотелось думать о том, что бы она сказала ему.

Лука стал размышлять о завтрашнем дне. Нужно будет пойти в школу, а Анита там все расскажет. Его и без того не любили. А теперь все будут его просто ненавидеть. Никто не захочет сидеть с ним рядом, играть, идти в школу.

Вдруг он услышал шаги по лестнице, и в комнату вошла его мать. Лука приподнялся в постели, заплакал и протянул к ней руки. Но она не подошла к нему, а только села на край кровати и угрюмо смотрела на него. Сердце ее было полно сострадания, и она страстно желала утешить его. Но в то же время ей было страшно. Что сделает Бурни, если Даник тяжело ранен? Подадут ли они в суд? А счет врача? Чем она будет расплачиваться? Бедная госпожа Марель боялась показаться слишком сострадательной. Вдруг они еще скажут, что она заступилась за своего сына. Кроме того, она считала своей обязанностью наказать его. Если бы она была мудрой матерью, она бы поняла, что не в наказании нуждался ее сын. Она смогла бы предвидеть бесконечные недели страха, одиночества, самообвинения, которые предстояло пережить ему. Она должна была понять, что ее задача состояла в том, чтобы утешить своего сына, помочь ему, насколько это возможно. Но такой чуткости ей не доставало.

— Такого я от тебя не ожидала, — сказала она устало. — Я не знаю, что еще будет. Если Даник тяжело покалечен, мы обнищаем, потому что все лечение будет за наш счет. А мы его никак не сможем оплатить. Меня очень удивит, если не вмешается полиция. Ужасно, что ты натворил, и я надеюсь, что тебе очень стыдно.

Луке было так стыдно, что он ничего не смог ответить. Это очень озадачило его мать, потому что Лука всегда находил что ответить ей и мог постоять за себя. Безмолвный Лука — это что-то необычное.

— Будем надеяться на лучшее, — сказала она наконец более нежным голосом. — Завтра ты должен пой-

ти к Бурни и извиниться перед ними. Может быть, они простят тебя.

Она ждала ответа, но не получила его. Тогда она замолчала и обеспокоенная вышла из комнаты. Вскоре она вернулась с чашкой горячего супа. Утешить сына она не считала своею обязанностью, но вот покормить его она нашла нужным. Лука взял чашку и начал есть. Но уже на третьей ложке он захлебнулся и отдал суп обратно матери. Затем он уткнулся в подушку и опять горько заплакал. Мать его ничего не сказала, потому что не знала, что сказать. Но она погладила его нежно по макушке, и когда рыдания его постепенно умолкли, тихо вышла и оставила его одного.

Проснувшись утром, он не сразу вспомнил, что с ним случилось и почему у него так сильно болит голова и горят глаза. Но затем воспоминания, как тучи, надвинулись на него. Сегодня он должен пойти в школу и встретиться с другими детьми. Даник, может быть, умер ночью, и все будут знать, что в этом виноват он. Нет, он не пойдет в школу, но будет весь день где-нибудь прятаться. Это нетрудно. Он убежит в сосновый лес и лишь поздно после обеда вернется домой. Никто ничего не заметит. Мать его подумает, что он был в школе, а из школы никто не придет спрашивать о нем: он жил слишком высоко в горной долине, и вообще, кому до него есть дело? Конечно, его обман в конце концов обнаружится, но сейчас он мог думать только о сегодняшнем дне. Завтра, может быть, у него будет другое настроение, или Данику будет лучше. Что будет потом — все равно. Но сегодня он хотел убежать и спрятаться.

Он встал с постели и пошел вниз. Мария была на кухне. Она уже почти позавтракала и готовилась идти на вокзал. Когда Лука вошел, она только покачала головой и отвернулась. Но он даже не посмотрел на нее, молча пересек кухню и пошел в сарай, чтобы помочь матери доить коров. Когда он вошел, мать озабоченно взглянула на него, но он ничего не сказал ей. Завтракал он тоже молча. Затем встал, без слов поцеловал свою мать и вышел.

Мать тоже вышла на крыльцо проводить его взглядом до ворот. Она помахала ему вслед, он тоже в ответ махнул ей. Затем он подождал еще немного за углом, пока не убедился, что она зашла в дом. Тогда он повернулся и что было силы побежал

в горы. Запыхавшись, он добрался до тихого прохладного соснового леса. Тут он был вне опасности. Было еще раннее утро. Он сел на землю и начал думать. Лес был прекрасен в эту пору. Послушные зову весны, на деревьях набухали почки. На стволах сосен выступал смолистый сок, и от этого воздух был наполнен нежным ароматом. Пряный запах поднимался с темной земли, на которой солнце, пробиваясь сквозь ветви, оставляло светлые пятна. Лес был объят миром и све-

жестью пробуждения. Лука почувствовал себя вдруг увереннее, как будто луч света проник сквозь ветви деревьев в его сердце.

Он не представлял себе, что он будет делать весь этот день. У него не было с собою еды, так как обычно он обедал в школьной столовой. Удивительное чувство умиротворенности охватило его. А так как ночь его была беспокойной и кошмарной, он растянулся на земле и уснул. Хорошо защищенный мелкой зарослью ежевики от посторонних взоров, Лука крепко спал.

Теплый весенний ветер гладил его волосы, изредка сквозь ветви деревьев проникал к нему луч солнца. Трудлюбивые белки резвились и скакали в ветвях, где-то вблизи весело журчал ручеек, пробегая по камням, но Лука ничего этого не слышал. Он спал до тех пор, пока солнце не встало высоко над его головой. Школьники в это время садились за длинные столы в столовой, и острое чувство голода разбудило Луку. Но здесь, в лесу, не было обеда.

Лука встал и побрел дальше в гору. Он спрашивал себя: даст ли ему какой-нибудь любезный крестьянин глоток молока? Так шагая, он засунул руку в карман и вдруг обнаружил там свой ножик. Лука вытащил его. В это время он достиг верхней опушки леса и перед ним раскинулись крутые зеленые склоны, поросшие елями и буком. Почки уже набухли и вот-вот должны были раскрыться. Кое-где бархатный листочек уже пробился сквозь защитный покров. Скоро все деревья распустятся.

Лука присел на бревно, поднял с земли кусок дерева и начал его строгать своим ножиком. Он и раньше уже

пытался что-нибудь вырезать из дерева, но пока что ничего хорошего у него не получалось. Сегодня ему нечего было делать, времени было много, и он решил вырезать косулю. Их тут было много в горах.

Лениво он начал строгать кусок дерева. Но мало-помалу обломок дерева в его руках начал приобретать форму, и это вызвало в нем интерес и непривычное волнение. В первый раз он забыл о своем горе и весь погрузился в работу. Мысленно он уже видел перед собой вырезанную фигурку, а пальцы следовали его мыслям. Показалась голова со стройными рогами и вздернутым носом; затем — наостренное ухо, уловившее близость охотника; четыре тонких ноги и тело, готовое к бегу.

Лука держал перед собой косулю в вытянутой руке, чтобы разглядеть ее. Фигурка не была совершенной, но она была очень похожа на косулю. Лука и сам не знал, хороша ли она была. Но в первый раз за эти горькие дни он почувствовал себя почти счастливым. Он нашел чем занять себя. Каким бы бездельником он ни был, он мог вырезать по дереву! Теперь ему одиночество будет нипочем. Если другие дети не захотят играть с ним, он придет сюда, в тихое лесное местечко, и будет вырезать из дерева красивые вещи. Вырезая, он обо всем на свете забыл, а это было то, чего он желал теперь больше всего на свете. Что бы ни случилось, он придет сюда и забудет про все свои горести.

Он взобрался повыше на холм и посмотрел вниз в долину. Солнце приближалось уже к вершкам гор. Далеко в долине он смог рассмотреть маленькие черные точки, двигавшиеся в разные стороны. Дети выходили из школы. Через четверть часа он мог тоже

спуститься домой. Медленно он побрел назад через сосновый лес: слишком рано приходить домой тоже нельзя.

Солнце теперь освещало другую сторону долины. Лес стал прохладным и сумрачным, наполненным разнообразными шорохами. Руку Лука держал в кармане и крепко сжимал округлое тело косули. Она вселяла в него чувство удовлетворения. А в сердце была тревога: что он услышит дома? Может быть, Даник умер? Но Лука тут же отогнал эту мысль. Он вообще не хотел об этом думать. Даник, наверное, был тяжело ранен. Лука снова увидел перед собой бледное и испуганное лицо мальчика, лежащего на траве. Ах, если б он мог что-нибудь сделать, чтобы все исправить. Но ему ничего не удавалось придумать.

Лука вошел в дом немного робко, и мать, стоя у раковины, озабоченно посмотрела на него. Она подождала немного — не заговорит ли он. Наконец, не в силах больше скрывать своего любопытства, она спросила его:

— Как дела в школе?

— Хорошо, спасибо, — ответил Лука.

— Я была у Бурни, чтобы узнать о Данике, — продолжила она. — Господин Бурни и Анита поехали с Даником к врачу. Они вернутся только поздно вечером. Бабушка была очень приветлива со мной, Лука. Они хорошие люди, я думаю, они простят тебя и не отплатят тебе по заслугам.

На это Лука ничего не ответил. Бабушка, может, и простит его, но Анита — никогда! Это он знал твердо.

— Знает ли учитель о случившемся? — спросила мать после короткой паузы.

— Да, — ответил Лука.

— Сказал ли он что-нибудь об этом? — продолжала госпожа Марель.

— Нет, — коротко бросил в ответ Лука.

Мать была ошеломлена. Весь день она переживала, что же будет с Лукой в школе. Оказалось, ничего особенного не произошло. Напротив, Лука выглядел даже чуть увереннее и веселее, чем сегодня утром.

— Я иду доить коров, — сказал он и, облегченно вздохнув, вышел из кухни и направился в коровник.

Коровник был убежищем, где он мог скрыться от вопросов матери. Хоть коровы были о нем хорошего мнения! Он сразу же взялся за работу. Потом, наклонив ведро, он выпил целых поллитра теплого пенистого молока и почувствовал себя лучше. Ведь после завтрака он сегодня еще ничего не ел. Ничего, сегодня он сэкономит часть своего ужина, а завтра снова пойдет в лес, чтобы провести там еще день в покое и безопасности. Каждый день он будет так делать, пока все не обнаружится. Но это может случиться не скоро: ведь он живет так далеко от села.

Лука постарался доить как можно дольше. Затем с полными ведрами направился к дому. У крыльца он встретил сестру, которая только что, запыхавшись, вернулась с работы.

— Ты маленький трус, Лука, — крикнула она ему вместо приветствия. — Просто так прогулять школу! Где он только шатался целый день, мама? Ты должна была заставить его пойти!

Мать возмущенно обернулась.

— Что за чепуху ты говоришь, Мария?! Само собой разумеется, он был в школе. Он только что пришел

домой. Оставь бедного ребенка в покое и займись своим делом.

— Вот еще! — возмутилась Мария. — Если он только что пришел домой, я от всей души хотела бы знать: где он был? По дороге с вокзала я видела учителя — он работал в своем огороде и спросил меня: «Что с Лукой, почему он не был в школе? Заболел?» Тогда я ответила ему, что Лука довольно бодрый. Завтра он придет, а если нет, я его за уши притащу в школу. Итак, Лука, слышал теперь? Кто его знает, где ты сегодня шатался! Во всяком случае, завтра я сама поведу тебя в школу.

— Лука, как ты мог так обмануть меня? — громко, с гневом в голосе, воскликнула мать. — Ты действительно злой мальчишка! Я не знаю, что мне с тобой делать?

Переживания и обман сына лишили ее последней выдержки. Она закрыла лицо фартуком и расплакалась.

В горьком, тяжелом молчании Лука присел у печки. Все теперь были против него. Его единственная надежда на уединение была отнята. Завтра он должен будет пойти в школу, а там будет Анита! Если бы он пошел сегодня, он бы не встретил ее. Он поднял большую стружку и начал строгать ее ножиком. Затем, засунув руку в карман, он нащупал пальцами деревянную козулю.

Глава 9

НА ПРИЕМЕ У ВРАЧА

Даник лежал в повозке на матрасе из сена и смотрел на мохнатые облака. Они чем-то походили на сонных барашков на голубом лугу. Хотелось посмотреть через край повозки, но это было невозможно — он не мог подняться. Поэтому он любовался небом, а Анита описывала ему местность, по которой они проезжали. Нога Даника немного болела, и он начал капризничать. Каждый раз, когда повозку встряхивало, он вскрикивал. Но Анита успокаивала его, занимая разговором, и ему нравилось быть таким важным.

— Теперь мы у верхнего края села, Даник, — сказала Анита. — Мы проезжаем мимо церкви. Эмит, сын дворника, выгоняет коров с церковного двора: кто-то оставил ворота открытыми.

— Коровы уже зашли в церковь? — поинтересовался Даник.

— Нет, — ответила Анита. — Они пытались перескочить через забор, но он слишком высок. Теперь мы около школы, Даник. Там воспитательница детсада моет крыльцо. Должно быть, сегодня ее очередь убирать, и она отпустила всех малышей. О, она идет к нам! Она увидела нас и теперь, наверное, хочет узнать, как твои дела. А там госпожа Пиллет и госпожа Ле-

нуар: они стирают белье у колодца. Теперь они тоже идут к нам.

Анита была права. Все хотели узнать, как дела у Даника. В маленьком селе, где редко что-то случается, новости распространяются очень быстро. Здесь о каждом происшествии много говорят и долго помнят. Жена почтальона узнала кое-что о происшедшем, когда Мария, сестра Луки, разговаривала по телефону с врачом. А жена начальника вокзала узнала остальное от Марии, когда та ожидала утренний поезд. Теперь почти все село говорило об этом, и каждый хотел узнать подробности.

Госпожа Пиллет и госпожа Ленуар оставили рубашки своих мужей полоскаться у колодца, а госпожа Доррит, заведующая сельским магазином, выбежала на улицу вместе с двумя покупателями. Воспитательница оставила у крыльца ведро. Все спешили к повозке с Даником. Женщины, поднявшись на цыпочки, окружили повозку и во все глаза смотрели на Даника, который лежал на сене и был немного бледнее обычного, но веселый и очень довольный тем, что может всех видеть.

— Ах, бедненький, — вскричала воспитательница, разводя руками. — Анита, ты должна нам все рассказать.

И хотя все они уже слышали эту историю, они были готовы слушать ее еще раз. Анита рассказала им по порядку, как все случилось. Женщины то и дело покачивали головами и охали. Их возмущение злополучным Лукой не знало предела.

— Какой отвратительный парень, — сказала воспитательница. — Я велю малышам не подходить к нему.

— Я запрещу своему Петру играть с ним, — подхватила жена почтальона, — у него жестокое сердце, это видно по его глазам. Мне жаль его мать, — она сказала это очень высокомерно и с гордостью подумала о своем потешном веснушчатом сыне, который был любимцем всего села.

Отец Даника нетерпеливо взмахнул кнутом, сказав, что их ждет врач, и дернул за поводья. Женщины посторонились, и повозка покатила по булыжникам дальше. После этого круг женщин снова сомкнулся. Они стояли посреди улицы и продолжали усердно судачить.

Повозка медленно двигалась дальше. Анита, не торопясь, обо всем рассказывала Данику. Слева от дороги гора поднималась круто вверх. Справа низкая каменная стена окаймляла дорогу, а за стеной — снова крутой откос, который погружался прямо в реку.

— Вода в реке прибывает, — заметила Анита. — От такой хорошей погоды снег быстро тает. Вода уже закрывает корни сосен. А вон там упало дерево и выглядит как мост через реку. И, о Даник, на нем стоит маленькая белочка и не знает, пробежаться ей по нему или нет!

— Где? — кричал Даник.

Он забылся и хотел приподняться, но от боли с криком упал назад.

— Осторожно, — предупредила его Анита. — Белочка все равно уже убежала в лес. Мы почти у вокзала, Даник. Там стоят три коровы и ждут, пока их погрузят в вагоны.

Вскоре после этого три путешественника оставили за собой шумный водопад и свернули на широкую до-

рогу, по обеим сторонам которой тянулись молодые деревца рябин. Они проехали мимо пилорамы, где сильно пахло опилками, а затем направились дальше по лугам, усыпанным шафранами. Когда вдали снова показались дома, Анита сказала Данику, что они уже приближаются к городу.

— Расскажи мне о магазинах, — попросил Даник оживленно.

За свою коротенькую жизнь он всего один раз был в городе и думал, что магазины — это одно из прекраснейших мест на земле. Вообще-то в этом городе не было ничего примечательного. Все магазины находились рядом, на одной узкой улице. Но это были очень красивые магазины. Тут была булочная, витрины которой были переполнены сочными фруктовыми пирогами и целыми горами печенья самой разнообразной формы. Затем — магазин одежды с красиво вышитыми национальными костюмами на витрине. Самым красивым был магазин с резными деревянными изделиями. На витрине стоял целый ряд деревянных часов с кукушкой, а также вырезанные из дерева деревянные головы гномиков, в зубах которых можно было щелкать орехи. Аните пришлось так много рассказывать об этом магазине, что, когда повозка наконец подъехала к больнице, она совсем выдохлась.

Как и город, больница была маленькой и скромной. Но в глазах Даника и Аниты она выглядела огромной. Почти все пациенты лежали на солнечных балконах. Входная дверь была широко раскрыта. Отец соскочил с повозки, передал поводья Аните и вошел в больницу. Через несколько минут он появился снова в сопровождении двух санитаров с носилками.

Они отнесли Даника в приемный покой, где его положили на скамейку. Отец присел у его изголовья, а Анита — у ног. Необычная тишина и своеобразный больничный запах произвели сильное впечатление на всех троих, и они сидели молча.

Даник смотрел на проходивших мимо медсестер. Они были одеты в длинные белые халаты и кружевные чепчики. Данику казалось, что они выглядят точно, как Ангелы в бабушкиной Библии с картинками.

Ждать им пришлось долго. Отец и Анита опустили головы и задремали, а Даник вообще крепко заснул. Его разбудил врач, который внезапно появился возле них. Это был пожилой мужчина с длинной черной бородой и грубым голосом. Анита даже немного испугалась его.

С его приходом события развивались быстро. Даника увезли на коляске, чтобы сделать рентгеновский снимок ноги. Это ему показалось очень интересным, и он даже осмелился спросить врача, сможет ли он оставить себе рентгеновский снимок, чтобы повесить его у себя в зале. Затем его привезли обратно. Врач потянул его ногу рукою так, что Даник вскричал от боли. В это время принесли снимки, которые ничем не напоминали Данику его ногу. Но врачу они, казалось, понравились. Он внимательно посмотрел их и понимающе кивнул. Затем он обратился к отцу:

— Ваш ребенок должен остаться в больнице. У него сложный перелом.

Отец наотрез отказался. Он не хотел доверить своего сыночка этому мужчине с черной бородой, грубым голосом и не особенно нежными руками.

— Мы будем ухаживать за Даником дома, — решил он, — это же возможно, не так ли?

Врач пожал плечами.

— Это можно, — ответил он, — но было бы лучше, если бы он остался здесь. Я не могу приезжать к вам. Вам придется каждый раз привозить мальчика сюда для перевязки.

— Мне не составит труда привезти его, — сказал отец твердо.

А Анита украдкой положила свою маленькую ручку в отцовскую большую руку и в знак согласия сжала ее. Она тоже желала, чтобы Даник остался дома.

Врач снова пожал плечами и развел руками.

Даника еще раз укатали на коляске в другое помещение. Оттуда он вернулся только через полчаса. Когда его наконец привезли, он выглядел сонным и странным и не помнил ничего, кроме странного запаха. Анита обнаружила, что от бедра до колена он был в твердой гипсовой повязке. Она указала на это Данику, и тот в изумлении посмотрел на себя.

— Почему я должен носить эти твердые белые брюки? — спросил он взволнованно.

Не дождавшись ответа, он заявил, что ему не нравится черная борода в очках и что ему хочется домой. Аните она тоже не нравилась. А домой им всем очень хотелось: Аните — потому что она была голодной; Данику — потому что он устал; а отцу — потому, что он думал о своих коровах. Поэтому, когда врач вернулся, чтобы сделать второй рентгеновский снимок, он не нашел никого. Только вдаль по дороге поспешно бежала бодрая серая лошадь и тянула за собой повозку с тремя усталыми путешественниками.

— Глупые люди, — пробурчал себе под нос врач. — Они подумали, что я не приду к ним. Теперь мне придется терять свое драгоценное время и тащиться наверх в гору в это отдаленное место, чтобы посетить ребенка. Они ведь даже не спросили, когда им опять прийти.

Правду говоря, они совсем забыли спросить об этом врача. Отец вспомнил это только тогда, когда отвязывал лошадь от забора.

— Анита, — сказал он, — мы даже не спросили, долго ли Данику лежать в гипсе?

— Ничего, — ответила Анита. — На следующей неделе ты все равно должен поехать с сыром в город. Тогда зайдешь и спросишь врача об этом. Теперь можешь быть спокоен, Данику долго придется носить этот гипс. У нас в школе у Лео был тоже такой гипс на руке, и он ходил с ним целых шесть недель.

— Правда! — воскликнул отец, немного успокоившись. — Тогда я не буду возвращаться. Уже довольно поздно. А врача так или иначе нигде не видно.

Он взобрался на свое сиденье и крикнул:

— Ну, старая!

Лошадь, взяв правильное направление, пустилась бежать рысью по дороге. В пять часов они приехали домой. Данику постелили на диване в зале, чтобы ему не было скучно. Анита спала на полу на матрасе на случай, если Даник ночью проснется и позовет ее.

Неделями теперь Даник не выходил из зала и лежал на диване с уложенной на подушке ногой. Все в доме суетились вокруг него. Анита пока совсем перестала ходить в школу и всецело посвятила себя заботам о Данике.

Снова и снова она пересказывала ему все знакомые ей истории и весь день занималась с ним. Бабушка готовила ему самые вкусные блюда, чтобы возбудить аппетит бедного больного мальчика, который, вообще-то, не страдал его отсутствием. На диване он был таким же веселым и радостным и таким же голодным, как и раньше, когда мог бегать.

Если Анита была занята чем-то на улице, то он лежал на диване у открытого окна, под яркими лучами солнца, и пел, словно жаворонок. У него действительно было все, чтобы чувствовать себя счастливым мальчиком. Об этом заботилась не только его семья, но все детское население села. Его красивая ласковая мать выросла здесь, и все жители ее любили. Когда она умерла, всеобщая симпатия перешла к ее детям, особенно к Данику, у которого глаза были словно незабудки, а голос — как у птички. Даник был очень милым и для своих пяти лет уже очень смышленным.

Сам же Даник смотрел на все проявления любви к нему как на должное. Несмотря на все нежности, он не избаловался. Он получил столько хороших подарков от посетителей, что вначале совершенно не страдал от того, что не мог двигаться.

К нему приходили дети, которые перед этим часами бродили в горах, чтобы найти для него самые красивые горные цветы. Вскоре столик около его кровати был похож на альпийский сад. Так как Даник очень радовался приходу детей, то бабушка охотно и терпеливо переносила их шум и грязь от их ботинок. И вскоре веранда стала площадкой для детских игр, которыми руководил сам Даник. Учитель присылал ему интересные книжки с картинками, хозяин птицефермы — раз-

ноцветные яйца. Пекарь пек ему золотых человечков из дрожжевого теста с глазами из смородины и пуговицами из засахаренных орехов. Ласково подмигивая, он клал их в корзинку Аниты, когда она приходила за хлебом. Даник знал это и всегда любил сам распаковывать ее корзинку. Ведь каждый раз там лежал для него сюрприз.

Но самое лучшее придумал для него почтальон. Бурни редко получали почту, поэтому прибытие почтальона к ним было всегда событием. Добрый человек решил каждую неделю подписывать Данику какую-нибудь открытку с видом природы. Он взбирался на холм и собственноручно вручал Данику открытку. Так как каждую неделю он приходил в разные дни, то Даник ждал его каждое утро. Почтальон никогда не топился и следил за тем, чтобы открытка всегда лежала на самом дне сумки. Наслаждаясь возбужденными и радостными восклицаниями Даника, он рылся в письмах в поисках нужной открытки, читая при этом имена отправителей на всех остальных. И никто в селе не сердился и не задавал вопросов, почему почта в этот день выглядела немного истрепанной и помятой.

Глава 10

НОВЫЙ ДРУГ

Вся деревня хлопотала вокруг Даника. Люди делали все, что могли, чтобы утешить его. С другой стороны, они делали все это и для того, чтобы подчеркнуть свое недружелюбие к Луке. Все сторонились его. В течение нескольких первых дней мальчику пришлось пережить настоящее мучение. В школе учитель поставил его перед всем классом и стыдил, называя хулиганом и трусом. Дети гнали его и бросали в него комья грязи. Когда им это надоело, они просто перестали обращать на него внимание. Луку и прежде недолбиливали: он был раздражительный, неуклюжий и некрасивый. Но, несмотря на это, он все же не отставал от других детей и присоединялся к их играм. Теперь же ему приходилось привыкать к ужасному, подавляющему одиночеству. Никто не хотел играть с ним. В школе он сидел за партой один. Все остальные дети сидели парами, он же — один. А маленькие дети и вовсе избегали его. Они уходили с дороги, едва завидев его, так как мамы велели им остерегаться Луки.

— Он жестокий хулиган. Он может сделать с тобой все что угодно, как он это сделал с маленьким Даником Бурни, — говорили матери своим детям, и те смотрели на Луку, как на какого-то людоеда, и разбе-

гались от него в разные стороны, едва он хотел приблизиться к ним.

В деревенском магазине обходились с ним молча. Молочник никогда не задерживался с ним дольше необходимого, а булочница никогда не дарила ему печенья, как она это делала другим детям. Хотя с ним никто и не обращался грубо, но все старались не замечать его. Сам же Лука был слишком подавлен, чтобы как-то побороть их недружелюбие. Поэтому он ушел в себя и погрузился в мир своего одиночества.

Он один шел в школу, один возвращался обратно домой, один шел в магазин, и на улице он также играл один. Его натура просто не позволяла ему присоединиться к другим. Он всегда видел враждебность на лицах окружающих его людей и внушил себе, что все только и думают об искалеченном Данике. Постепенно он стал всех сторониться и бояться, начиная от старого молочника и кончая самым маленьким ребенком в школе. Он боялся их насмешек и издевательств.

Сам Лука часто думал о Данике. Эти мысли не давали ему покоя. Ему очень хотелось узнать у Аниты, что же сказал врач. Но Анита даже не смотрела на него и не разговаривала с ним. Сам же спросить ее он не осмеливался.

Домашние Луки также заметили, что он стал молчаливее, но усерднее в работе. Лука понял, что только в работе он может забыть об одиночестве. И вот из прежнего лентяя Лука превратился в усердного труженика. Мать не могла нахвалиться им, а сестра стала вежливее. Она сама была очень трудолюбивой девушкой, и лень брата всегда до крайности раздражала ее.

Но существовало одно, только одно единственное место, где Лука чувствовал себя совершенно счастливым. Это был лес. Высокие деревья как бы заключали его в свои объятия и вытесняли из его души тоску одиночества. Лука приходил сюда, как только находил немного свободного времени, чтобы отдаться любимому делу: он вырезал фигурки из дерева и при этом забывал все на свете. Радость и счастье переполняли его. Покой и красота окружающего леса утешали и успокаивали. Вокруг было празднично и светло. Маленькие шишки на соснах казались отполированными, а листочки на деревьях были такими нежными и прозрачными, что казалось, будто они больше пропускали света, чем прятали его. И Лука, сидя под сенью деревьев, чувствовал ласковые лучи солнца на своих волосах и неустанно работающих руках.

* * *

Высоко в горах, среди стройных сосен, стоял одинокий маленький домик. В нем жил один старый человек. Он жил там совсем один, и никто уже не помнил, когда он там поселился. Его одиночество разделяли только коза, кошка да несколько кур. Он был немного странным стариком. Все в деревне чуждались его и боялись. И когда он изредка спускался в селение, чтобы что-либо купить из продуктов, дети разбегались по дворам.

Все называли его горным стариком. Одни говорили про него, что он был скрягой, другие — что он прятался там, наверху, от полиции, а третьи называли его глупцом и чудачком. Как бы там ни было, но никто из людей еще ни разу не был в его хижине, и никто не ходил по той тропинке, что проходила возле его дома.

Как-то однажды Лука забрел в лес дальше обычного и, присев на пенек, весь погрузился в свою резьбу. Из небольшого кусочка дерева он вырезал белочку, держащую в передних лапках орешек. Внезапно он услышал над собой чье-то тяжелое дыхание и, быстро обернувшись, увидел горного старика. Какой у него был страшный вид! Огромная седая борода покрывала всю грудь, а большой крючковатый нос придавал ему сходство со злой птицей, высматривающей добычу. Но когда напуганный Лука осмелился посмотреть вверх, в глаза старика, он увидел, что они были добрыми, ясными и полными неподдельного интереса. Лука просто не смог убежать от него. Да к тому же из-за своего собственного одиночества он теперь меньше боялся этого странного человека. Этот старик, может, и был плохим и немного странным, но, по крайней мере, он ничего не знал о Луке, и поэтому Лука осмелел и просто сказал:

— Здравствуйте, господин.

Эти слова он выговорил спокойно и смело и теперь, затаив дыхание, ожидал, что будет дальше.

Старик протянул руку и взял у мальчика выстроганную белочку. Он долго рассматривал ее, поворачи-

вая из стороны в сторону, затем отозвался басовитым голосом:

— Ты вырезаешь отлично для своего возраста. Кто твой учитель?

— Господин, — ответил Лука, — у меня нет учителя. Я сам выучился.

— Тогда ты хороший мастер и заслуживаешь настоящих инструментов для этого дела. Еще немного практики — и ты сможешь начинать зарабатывать на этом. Твоя белочка выглядит, как живая.

— Господин, у меня нет инструментов. И у меня нет денег, чтобы купить их.

В ответ старик указал ему вверх на тропинку и жестом показал следовать за ним. Лука, как во сне, поднялся и пошел за стариком по дремучему лесу. Некоторое время они взбирались молча, пока не добрались до опушки леса, где стоял небольшой домик горного старика. Возле дома не было никакого сарая, а только небольшая пристройка для кур. Коза жила со стариком на кухне. Там же обитала и кошка. Сам старик спал на матрасе, расстеленном на копне сена, — оно было заготовлено для пропитания козы зимой.

Лука огляделся вокруг. Кухня и комната были очень бедно и немного странно обставлены. В кухне была только печка, стол и один стул. Неподалеку стояли доильное ведро, корыто и сырный пресс. Но зато на всех стенах, повыше, так чтобы коза не могла достать, были прибиты полки. На них стояло множество вырезанных деревянных фигурок. Некоторые были очень красивыми, а иные выглядели немного чудно и странно. Но все они были сработаны настоящим мастером. Там были медведи, коровы, овцы,

козы, собаки и белки. Отдельно стояли маленькие человеческие фигурки: мужчины и женщины, гномы, лилипуты и танцующие дети. Там также были шкатулки с вырезанными на крышках альпийскими цветами и деревянные тарелки с венками из колосьев. Но лучше всех был Ноев ковчег с вереницей малюсеньких животных, направляющихся в него. Лука просто не мог оторвать глаз от этих фигур. Он бы смотрел, и смотрел, и смотрел...

— Это мое пристрастие, — сказал старик. — Оно помогает мне коротать длинные зимние вечера. Послушай, мальчуган, если ты будешь приходить ко мне иногда, то я научу тебя пользоваться резцом.

Лука изумленно посмотрел на старика. Лицо мальчика засветилось радостью и уже не казалось больше некрасивым.

— Дедушка, вы говорили, что вскоре я смогу даже что-то зарабатывать? — спросил он немного смущенно.

— Со временем, конечно, сможешь, — ответил старик. — У меня есть один знакомый, который продает резные фигурки по хорошей цене. Ему я и отдаю свои на продажу. Но к некоторым я очень привыкаю за время работы и оставляю их себе. Мой знакомый может заодно продавать и твои фигурки. Моими инструментами ты будешь вырезать намного лучше и быстрее, чем своим ножом.

Лука не мог оторвать глаз от старика. Его сердце ликовало и было преисполнено благодарности. Здесь, далеко в горах, был кто-то, кого ему, Луке, не нужно было бояться и кто думал о нем хорошо. Лука схватил руку старика:

— О, спасибо вам, господин, — громко сказал он. — Вы так добры ко мне!

— Не за что благодарить, — ответил старик. — Я одинок, у меня нет друзей, мы сможем работать вместе.

— Я тоже одинок, — просто сказал Лука, — у меня тоже нет друзей.

Новые мысли и желания наполняли теперь Луку. Но среди них было одно самое заветное и важное всех остальных: он сделает Ноев ковчег для Даника, такой же, как у горного старика, со множеством фигурок — львами, слонами, верблюдами, коровами и овцами. Он также вырежет из дерева Ноя и его жену. Когда весь ковчег будет готов, он пойдет к дому Бурни и отдаст его Данику. Ведь никто еще не дарил Данику подарка лучше этого. А потом, может быть, они разрешат ему немножко поиграть с Даником, хотя бы малость.

От этой мысли сердце Луки учащенно забилось. Целых два часа он был совершенно счастлив. Его счастье продолжалось до тех пор, пока он не вышел из леса и не увидел перед собой свою деревню. Завтра ему снова нужно будет идти в школу. Завтра он снова будет одиноким и отвергнутым. Но вот сегодня, сегодня он провел время с другом.

Глава 11

ЗАВОЕВАНИЕ ЛЮБВИ

Теперь три раза в неделю Лука взбирался по горной тропинке через сосновый лес к дому старика и работал над своим ковчегом. Было просто чудесно пользоваться хорошими инструментами, острыми лезвиями и крючками. Работа шла намного быстрее и легче, чем раньше, когда Лука мог пользоваться только своим старым перочинным ножиком. Старик удивлялся природному дарованию мальчика.

Когда ковчег был готов, Лука принялся вырезать фигурки животных, количество их росло.

Во время работы над ковчегом у Луки в голове неожиданно возникла еще одна хорошая мысль. Директор школы устроил детям конкурс по рукоделию. Девочкам нужно было сдать что-нибудь, связанное спицами или крючком, или какие-нибудь самодельные кружева, а мальчикам, занимающимся резьбой по дереву, принести свои поделки. Многие мальчишки в свободное время строгали куски дерева, и у некоторых получалось уже довольно ловко.

— «Ни у кого нет такого таланта, как у меня, — шептал про себя Лука, шагая домой от горного старика. — Я получу первый приз. Все узнают тогда, на что я способен, хотя я и учусь плохо и никто не хочет со мною играть.

Лука даже запел от радости. Он видел себя выходящим вперед, чтобы получить первый приз, — на удивление всем в школе. Может быть, тогда они перемянутся к нему? Он вырежет скачущего коня с развевающейся гривой, поднятым хвостом и раздувающимися ноздрями. Лука любил коней. У горного старика он видел такого скакуна и любовался им беспредельно. Ноев ковчег будет скоро закончен, а потом он сможет приступить к работе над конем.

На следующий день он побежал наверх, в хижину горного старика, чтобы поделиться с ним своей идеей. Когда он изложил ее, старик одобрил его замысел и был уверен в успехе Луки точно так же, как и сам Лука.

— Но почему ты хочешь сделать коня? — спросил он. — Ты можешь сдать свой Ноев ковчег. Он ведь сделан отлично.

Лука покачал головой.

— Это подарок, — решительно сказал он.

— Подарок? Кому? Маленькому братишке?

— Нет, это для одного малыша, который повредил ногу и теперь не может ходить.

— Правда? Как же он это сделал?

— Он упал в ущелье.

— Бедный малыш! Как же это случилось?

Лука не смог сразу ответить. Ему хотелось рассказать старику всю правду, потому что он подружился с ним и старик всегда был так добр к нему. Лука взглянул на него и наконец промолвил:

— Это моя вина. Я бросил его котенка с обрыва, а он хотел достать его.

Лука тут же пожалел, что рассказал об этом. Лучше бы он откусил себе язык. Теперь старик тоже вознена-

видит его и прогонит от себя, как и все остальные. Но старик этого не сделал. Наоборот, он погладил мальчика по голове и сказал очень нежно:

— Так вот почему у тебя нет друзей!

— Да, — вздохнул Лука.

— Теперь ты хочешь искупить вину перед этим мальчиком вот этим Ноевым ковчегом?

— Да.

— Ты задумал хорошее дело. Завоевать назад любовь — тяжелая работа. Но не унывай. Завоеванная любовь приносит больше счастья, чем полученная даром.

— Я не совсем понял вас, — сказал Лука растерянно.

— Я сказал, — повторил старик, — что если ты будешь стараться проявлять любовь своего сердца на деле к тем, кто не любит тебя, ты часто будешь наталкиваться на враждебность и испытывать разочарование. Но если при этом ты будешь продолжать любить их, то ты найдешь счастье в этой любви, невзирая на то, будут ли они платить тебе любовью за любовь или нет. Тебе может показаться странным то, что я, одинокий и, казалось бы, никого не любящий старик, говорю такие слова. Это так. Но я верю в это.

Этим же вечером Ноев ковчег был закончен, и взволнованный Лука, с сильно бьющимся сердцем, направился к дому Бурни. Он хотел там оставить свой подарок прежде, чем придет домой. Подойдя к их дому, Лука в нерешительности спрятался за дерево. Что он скажет? Как заговорить? Если бы он увидел Даника одного, было бы проще. Но с ним ведь всегда была Анита. Конечно же, они простят его, когда увидят

Ноев ковчег. О, если бы они только простили его, он готов был бы с радостью искупать свою вину перед ними до конца жизни.

Одолеваемый страхом, но с надеждой Лука вышел из-за дерева и зашагал к дому. Кровать Даника была уже занесена обратно в дом. Анита сидела одна на веранде и чинила рукава отцовского пиджака.

Лука судорожно глотнул воздух, поднялся медленно по ступенькам и протянул девочке Ноев ковчег.

— Это... для Даника, — глухим голосом сказал он.

Все остальные слова застряли у него в горле. Он стоял теперь с поникшей головой, ожидая, что будет дальше.

Анита взяла из его рук Ноев ковчег. Лицо ее побелело от ярости.

— Ты еще осмеливаешься приходить сюда?! — закричала она. — Ты еще смеешь делать подарки Данику?! Убирайся немедленно отсюда и не смей больше ступать на этот порог!

Сказав это, она изо всей силы швырнула Ноев ковчег на кучу дров возле веранды. Все маленькие деревянные фигурки разлетелись между бревен.

Лука на мгновение остолбенел и с ужасом посмотрел на нее. Затем повернулся и, спотыкаясь, спустился со ступенек. Все его старания были напрасны — ему никогда не простят. Все это было пустой тратой времени.

Но вдруг слова старика всплыли в его памяти, словно маленький лучик света. Они осветили его горем убитое сердце. «Те, которые не сдаются, находят намного больше счастья в завоевании любви, чем в получении ее даром». Может быть, это неправда? Он

ведь не испытывал сейчас никакого счастья. Но, по крайней мере, он был счастлив, когда делал Ноев ковчег и когда думал о том, как Даник будет радоваться ему. Может быть, если он не сдастся сейчас, а с упорством и любовью продолжит свою работу, кто-нибудь когда-нибудь оценит ее по достоинству и полюбит его за это? Он не знал, что его ожидает впереди, но отчаиваться не стал. Пока еще рано.

Глава 12

НА ПАСТБИЩЕ

Нога Даника не показывала заметных улучшений. Несколько раз врач добирался до горной деревни для обследования, но вид его был мрачным и загадочным.

Когда же в полях зацвели нарциссы и фермеры заговорили о выгоне коров в горы, Даника положили в больницу и сняли гипс. Только тогда врач сообщил отцу Даника страшную новость, которую он не решился сказать в самом начале: Даник не сможет больше ходить нормально. Поврежденная нога была заметно короче здоровой. В очень подавленном настроении господин Бурни вернулся домой. Он пошел к плотнику и заказал ему пару маленьких костылей. Затем он пошел к сапожнику с ботинками Даника и попросил сделать подошву одного ботинка на три сантиметра толще другой. Плотник и сапожник были потрясены новостью и постарались скрасить горе бедного мальчика. Плотник вырезал на костылях медвежьи головы, чтобы таким образом развеселить мальчугана, а сапожник вернул его ботинки, наполненные шоколадными конфетами. Старания обоих увенчались полным успехом: Даник смотрел на костыли как на новую игрушку. Уж очень ему хотелось испробовать их.

День или два он прыгал вокруг дома, как веселый кузнечик. Но потом он услышал, что отец скоро погонит коров на пастбище высоко в горы. При этих словах Даник сел и заплакал. До его сознания вдруг дошло, что даже на своих «медвежьих» костылях он больше не сможет выгнать вместе с отцом коров в горы. Даник редко на что жаловался и плакал, но если уж плакал, то от всей души.

Анита, отец и бабушка втроем бросились успокаивать, обнимая и целуя его. Котенок, не любивший переполоха, выгнул спину и зашипел. Когда все наконец поняли причину горя Даника, каждый начал по-своему утешать его и высказывать разные предложения. В конце концов было решено, что Даник поедет с отцом в маленькой тележке на базарную площадь. Там он сможет увидеть сбор коров для выгона. Затем он поедет на ослиной упряжке за стадом в горы, переспит там ночь на сене и вернется домой на следующий день. Анита поедет вместе с ним, а бабушка и котенок останутся сторожить дом.

И вот день выгона коров наступил. Он выдался ясным и свежим. Даник проснулся рано, предвкушая чудесные события дня. Вспомнив все детально, он даже попытался запеть псалом, но слов еще не знал. Тут он схватил котенка и потащил его к себе под одеяло. Даник начал рассказывать ему о том, что ожидает его сегодня. Но котенка это не интересовало. Он выкарабкался из объятий Даника и убежал во двор.

Час спустя Даник лежал в тележке, которую Анита тащила вниз, в деревню. Вернее, она её изо всех сил сдерживала, ибо дорога спускалась круто и тележку тянуть не приходилось. Поля с обеих сторон пред-

ставляли сплошной благоухающий ковер из нарциссов — желтоватых, когда только распускались, и снежно-белых в полном цвету. Кое-где на белых просторах выделялись ярко-желтые пятна купальниц. Запах был так силен, что чуть не усыпил Даника еще прежде, как они добрались до первых домов.

Звон колокольчиков на шее у коров разбудил его. Уже при въезде в деревню отовсюду доносилось мычание коров, крики мужчин, смех и визг резвящихся детей. Но когда они приблизились, перед Анитой и Даником открылась картина полной неразберихи. Вся базарная площадь была заполнена коровами и телятами. На шее у каждой висел колокольчик. Коровы возбужденно трясли головами, по всей округе разносился звон множества колокольчиков. То тут, то там некоторые коровы вырывались из общей толчеи и прыгали друг на друга. Прямо у входа в магазин мужчины столпились около упрямого быка и кричали на него: быку хотелось просунуть свои рога в окна витрины. А между коровами гурьбой носились дети. День этот был большим праздником для них — ведь в школе не было занятий.

В Швейцарии весной, когда зеленеют поля, коров выгоняют в горы на все лето, а в долинах и полях для них заготавливают сено на зиму. Мужчины уходят в горы вместе со стадами и живут там, а женщины и дети остаются дома. В первый день выгона все стадо собирают в центре деревни и всем детям разрешается сопровождать своих коров в горы и проводить там ночь.

Появление Даника вызвало среди детей настоящий тарарам. Не считая поездки в больницу, это было его первое появление в деревне. Поэтому каждому хоте-

лось взглянуть на него. Детям хотелось повозить его тележку, и удивительно, как еще во всей этой суматохе они не опрокинули его на каменную мостовую. Женщинам хотелось поцеловать его. Но самого Даника интересовали только коровы, а из-за окружавших его людей он ничего не мог увидеть. Поэтому он выставил вперед руки, пытаясь растолкать толпу.

Время шло, и вскоре вся процессия должна была тронуться в путь. Фермеры вывели из толпы ведущих коров. У каждого семейства был свой ведущий, с самым большим колокольчиком на шее. Все другие животные, с меньшими колокольчиками, следовали за ведущим. Господин Бурни вывел свою ведущую корову за поводок, а за ней, пробираясь сквозь толпу, последовали остальные коровы. Ведущей у Бурни была большая корова Буренушка, желтовато-коричневая с белыми пятнами. За ней шел теленок с розовым носом и еще не окрепшими ногами. Теленка звали Наполеон.

Господин Бурни, держа за поводок корову, подошел к коляске Даника.

— Ослиная упряжка готова, — сказал он Аните. — Она стоит за углом, у сапожника. Посади Даника на нее, а эту деревянную тележку оставь на углу у школы. Нам уже нужно трогаться. Я пойду вперед, а вы с Даником догоните меня.

Он пошел вперед. Вереница детей бежала за ним. Все дети любили господина Бурни. Анита на ослиной упряжке вскоре догнала их. Она сидела впереди, держала вожжи и щелкала языком, а Даник сидел сзади, поглаживая свои костыли, которые он с гордостью показывал другим, и кричал во весь голос бежавшей за

ним толпе ребятшек. Даник навсегда запомнил эту поездку в горы.

Стояло свежее и бодрое утро. Небо было ясное и синее, дул легкий ветерок. Они миновали поля и вошли в лес, нарушая его тишину звоном множества колокольчиков. Коровы одна за другой брели по лесной тропинке, усыпанной сосновыми иглами. Вскоре теленок начал отставать от стада, Даник перегнулся через край телеги и, схватив теленка за ошейник, потянул его вперед. Отец оглянулся и улыбнулся.

— Этот малыш уже устал, — сказал он, — мы его лучше посадим к тебе в телегу.

Он поднял шатающегося теленка на телегу, а Даник обнял его за шею своими ручонками и обомлел от счастья.

Это был красивый маленький теленок с кроткими глазами, ленивыми ушами и несколькими кудряшками на лбу. Так они и сидели вместе всю дорогу, глядя на лес и вдыхая ароматы цветов, сосен и елей.

Спустя некоторое время вся процессия свернула с лесной тропинки и вышла на опушку. Впереди открылся красивый вид их летнего жилища. На опушке стоял маленький деревянный коровник с пристроенной к нему жилой комнатой. Всюду росли нарциссы. Само место, где располагался коровник, имело привлекательный вид, как бы приглашающий поселиться здесь. Недалеко от коровника стояло большое деревянное корыто, в которое из небольшой трубы стекала чистая холодная вода. Коровы гурьбой направились к нему и, наклонив головы, долго и жадно пили.

В пристроенной комнатухе было сыро и холодно — ведь всю зиму она находилась под снегом. Они привезли с собою дров и затопили печку. Анита открыла ставни, и горячие лучи солнца залили сырую и темную комнату.

Наступило время дойки коров. Животные одно за другим заходили в коровник. После дойки приготовили ужин. Папа и Анита сели на табуретки, а Даника усадили на коврик на полу, чтобы ему было удобно сидеть. Они ели хлеб, копченую колбасу и сыр и пили кофе из больших деревянных кружек. Все ели молча, разморенные ярким горным солнцем и дурманящим запахом весеннего леса. Съев последний кусок, Даник с трудом поднялся на ноги и протянул руки к отцу.

— Хочешь спать? — спросил отец, беря его на колени.

— Нет, — решительно ответил Даник, — я хочу, чтобы ты понес меня на верхушку горы.

Господин Бурни растерянно посмотрел на своего сына. До вершины горы было добрых полчаса крутого подъема, а Даник был увесистой ношей. Но отцу всегда было трудно отказывать в чем-либо своему маленькому сынишке-калеке. Стряхнув усталость, он посадил Даника на плечи и вышел из комнатухи. Анита вышла следом, держа в руках пальто Даника.

Весь склон горы был усыпан редкими красивыми цветами. Анита бегала между ними и рвала их. Господин Бурни шагал вперед, не говоря ничего из-за одышки. Только добравшись до вершины, он опустил Даника на землю и перевел дух. Все трое присели, очарованные разлитой вокруг красотой. Куда бы они ни

посмотрели, вокруг поднимались снежные вершины гор, озаренные пламенем заходящего солнца.

Солнце садилось. Лиловые сумерки все больше сгущались над долиной, а высокие макушки гор жадно ловили последние лучи заходящего солнца. Они как бы купались в багровом свете. Ребенок, никогда этого не видевший, мог подумать, что Альпы горят. Но Даник, привыкший к этой картине, только восхищенно вздыхал. Пока они так сидели, солнце спустилось ниже и вскоре совсем исчезло за лесом. Ничего больше не было видно, кроме холодных синеватых гор, покрытых снегом. На небе показались первые звездочки. Вскоре из-за гор выплывет луна, и тогда вершины заискрятся серебряным светом.

Анита вздохнула и встала. Ей не нравился этот вечерний холодный сумрак, когда последний луч света и тепла исчезал за горами. Приход сумерек всегда навевал ей печаль и одиночество. Ей казалось, что в этот момент она теряла что-то очень красивое, теряла навсегда. Это было чувство, немного похожее на то, которое было у нее в ту ночь, когда ее разбудили в темноте и сказали, что ее мама умерла. Хорошо было снова вернуться в домик и увидеть веселый свет огня в камине. Хорошо было усесться возле тлеющих поленьев и закрыться от ночи...

Дверь, которая вела из комнатки в коровник, была открыта. И тут к троим, сидящим у огня, вдруг подошел теленок и улегся на полу возле Даника.

— Я хочу спать с теленком, — решительно сказал Даник.

— Нет, Даник, — бойко ответила Анита, — ты нахватаешься блох от него.

— Ну, если у Наполеона есть блохи, то я должен был хвататься их еще в телеге, — рассудил Даник. — Пожалуйста, папа, я очень хочу спать с Наполеоном.

За коровником над горами показалась луна и залила все серебряным светом.

Глава 13

ЗЛАЯ ВЫХОДКА

Лука не ходил в горы с коровами, потому что у них было только три коровы, которых они угоняли с другими стадами на все лето. Поэтому до начала заготовки сена у него было много времени, и часто после школы он забегал на гору к старику. Конь его был почти готов. Это была чудесная работа для мальчика его лет. Изделие это было красивее всех фигурок, вырезанных Лукой раньше. У коня была развевающаяся грива, а копыта, казалось, вообще не касались земли. Глядя на него, невольно представлялась живая красота несущейся вскачь лошади.

Лука долго наблюдал за лошадьми в округе, обращая внимание на каждый мускул при их движении. У него в запасе было много времени, так как конкурс назначен был только на конец летних каникул. Но дети в школе уже начали выдвигать свои предположения о результатах конкурса. Большинство голов склонялось к Мику, сыну молочника. Он вырезал из дерева двух медвежат, взбирающихся на ствол. Он постарался, и фигурка получилась красивой. Но Лука в глубине души думал, что медвежат этих легко было принять за собак или за каких-нибудь других животных. Он смотрел на фигурку молча, в то время как другие ребята громко выражали свое восхищение.

«Вот мой конь — это настоящий конь, — думал Лука. — Его никто не спутает ни с чем».

Но никто из ребят и не подозревал, что Лука может выиграть, так как никто из них ничего не знал о его коне. Сам же он не решался поделиться этим с другими, слишком боялся высокомерных взглядов и неодобрительных отзывов. Но теперь, глядя на Микиных медвежат, он был уверен, что его конь намного лучше и займет первое место. Лучшей работы ни у кого не было. Он уже видел себя выходящим вперед за призом. Глаза всех, в восхищении и изумлении, будут обращены на него, а потом всем захочется взглянуть на его коня. И кто знает, может быть, после этого его полюбят.

У девчонок было больше разговоров по поводу призов. Мария, родители которой работали в магазине, связала красивые кружева. Она умела вязать их уже с пяти лет. Мать Жаклин работала швеей и обучила свою дочку рукоделию. Анита тоже умела искусно вязать. Бабушка научила ее этому, когда она не ходила в школу. Она сидела тогда на своем маленьком стульчике и, наблюдая за Даником, старательно училась вывязывать разные узоры. Бабушка сидела рядом в кресле и всегда была готова дать нужный совет. Анита намеревалась сдать для конкурса синий свитер, который она теперь вязала для Даника. Он будет носить его по воскресеньям и в праздники. На свитере она вывязывала яркий узор из альпийских цветов. Хотя она еще не закончила свое рукоделие, но уже теперь оно выглядело замечательно. Все хвалили ее, когда она работала над свитером на школьных переменах.

— Я думаю, что ты получишь первый приз, Анита, — говорили ей подруги. — Вывязывать узоры на свитере намного труднее, чем плести кружева, как Мария. С этим каждый должен будет согласиться.

Самой Аните также очень хотелось получить первый приз. Она не теряла надежды, что сможет выиграть его. Это хоть немного сможет скрасить ее плохие оценки по арифметике. А как довольны будут бабушка, папа и Даник! Все тогда будут ею гордиться.

Но все же у Аниты не было столько свободного времени после школы, как у Луки. А тут еще началась заготовка сена, и все дети вместе со взрослыми с утра до вечера работали в поле. За это время они объединились и сдружились между собой.

Сосед, у которого были взрослые сыновья, согласился пойти в горы и посмотреть за коровами господина Бурни, чтобы тот смог спуститься в долину и скосить сено на своих участках. А скосив свое сено, господин Бурни всегда шел на участок госпожи Марель. Госпожа Марель была вдовой, а Лука был еще слишком мал, чтобы держать в руках косу. Трактору же невозможно было продвигаться по этим крутым холмам. Поэтому работать приходилось только косой.

Мужчины-косари шли впереди, а за ними — женщины и дети с деревянными граблями, аккуратно разметывая скошенную траву. У маленьких детей были маленькие грабли, потому что все, умеющие стоять на ногах, были уже достаточно взрослыми, чтобы помогать на сенокосе родителям.

Отец с Анитой работали не покладая рук. У них было много пастбищ, а нанять кого-то они не были в

состоянии. Они вставали с восходом солнца, когда роса еще блестела на траве и цветы и петухи только начинали петь в долине. Несколько часов спустя бабушка и Даник присоединялись к ним. Бабушка работала медленно и часто отдыхала. Даник вообще не работал, потому что невозможно было одновременно держать в руках грабли и косы. Он прыгал, как кенгуру, по прокосам, прятался в стогах сена, а когда уставал, ложился на спину под теплыми лучами солнышка и засыпал под песни кукурузы.

Господин Бурни косил сначала свои луга, а затем переходил на луга семьи Марель, оставляя свою семью переворачивать подсыхавшую скошенную траву. Госпожа Марель в этом году много побаивалась, как бы в возмездие за несчастный случай он не отказался косить их участок. Но тревоги ее были напрасны. Проснувшись утром, она через окно увидела, как господин Бурни усердно работал на их участке.

— Лука, скорей вставай, — закричала она, — господин Бурни уже косит наш участок. Бери грабли и начинай раскидывать траву.

Лука сонно поплелся в поле. Нглядя на господина Бурни, он пожелал ему доброго утра. Ему не хотелось работать вместе с отцом Даника и Аниты, поэтому он старался работать подалее от него. Сам господин Бурни также не особо желал разговаривать с мальчиком. Одно дело — косить луг своих соседей, и совсем другое — разговаривать с мальчишкой, который искалечил его маленького сына. Анита пришла в полдень и принесла отцу поесть. Она также не обратила на Луку никакого внимания.

Господин Бурни работал целых три дня на лугах семьи Марель. На третий день кончались и каникулы в школе. Лука с сестрой и матерью неустанно работали, собирая сено в копны и стараясь успеть сделать все до конца каникул.

В этот последний день они все находились на лугу, когда Анита, как обычно, пришла к отцу и принесла ему обед. Она торопилась, так как завтра все дети должны были представить свое рукоделие на конкурс. А ей еще нужно было довязать свой свитер.

«Интересно, заработаю ли я первый приз? — думала она, идя по дороге домой. — Я так хочу его получить! Но если даже и не получу, все равно у Даника будет красивый новый свитер».

Луг находился позади дома Марель, и, идя обратно, Анита проходила мимо их крыльца. День был очень жаркий, и ей хотелось пить. Дверь, ведущая от маленького крыльца в кухню, была приоткрыта.

«Я войду в кухню и попью немного воды из крана», — подумала она, поднимаясь по ступенькам на крыльцо.

В этом не было ничего предосудительного. До несчастного случая с Даником Анита часто забежала в кухню семьи Марель, как в свою. Она поднялась на крыльцо и вдруг замерла от удивления. Ее глаза не могли оторваться от стола, стоящего на крыльце. На нем лежали инструменты для резьбы по дереву, деревянные стружки, а посреди стружек стояла фигурка маленького коня с развевающейся на полном скаку гривой и изящными ногами. Анита стояла целых пять минут, не отрывая глаз от прекрасного зрелища.

«Этого коня Лука принесет, конечно же, завтра на конкурс. И подумать только, этот хитрец даже никому не сказал, что он что-то готовит к конкурсу. Никто из ребят и не догадывался даже, что он умеет вырезать из дерева». Конь выглядел чудесно. Несмотря на враждебность к Луке, Анита вынуждена была это признать. Если Лука завтра принесет на конкурс своего коня, он обязательно выиграет первый приз — с ним ничто не могло сравниться. А если он выиграет первый приз, все начнут восхищаться его работой, и, может быть, даже еще больше — восхищаться Лукой. А потом все и позабудут, что он искалечил Даника. Если Лука выиграет первый приз, он будет сиять от счастья: выйдет вперед за призом, высоко подняв голову. А увидеть Луку счастливым — этого Анита не сможет вынести. Почему он должен быть счастливым? Он заслужил, чтобы никогда больше не видеть счастья. Он не имеет права быть счастливым! И она уж позаботится об этом.

Она пришла сюда как раз вовремя. Стол и перила крыльца были на одной высоте. Ветер гулял среди деревянных стружек. Крепкий порыв ветра легко может опрокинуть фигурку коня через перила на землю. Никто ничего даже и не заподозрит, если найдет деревянного коня разбитым и втоптаным в грязь. Анита быстро протянула руку и толкнула коня. С легким стуком он упал вниз на камни. Анита быстро сбежала по ступенькам вниз и принялась топтать его ногами. Ведь всякий мог наступить на что-то, что ветер сбросил через перила крыльца.

Итак, конь Луки лежал теперь на земле, растоптанный и разломанный. Анита медленно побрела до

мой. Ей вдруг показалось, что свет погас для нее, и весь окружающий мир уже не был таким прекрасным, как раньше. Анита удивилась: отчего бы это? На небе ни одна тучка не заслоняла солнце.

Когда она подошла к своему дому, ей навстречу выскочил Даник с громким и радостным криком. Видно, случилось что-то очень хорошее. Если бы он был здоровым ребенком, он бы бросился вприпрыжку к своей сестре. Но он только старательно заковылял ей навстречу, делая большие шаги на своих костылях.

— Анита, Анита! — закричал он, искрясь радостью. — На нашей куче дров были какие-то волшебники. Я строил домик за бревнами и нашел там маленького слона с длинным хоботом, зайчика с длинными ушами, несколько коров, коз, тигров и даже одного жирафа с очень длинной шеей. Пойдем, я покажу тебе! Они такие все красивые, и никто, кроме волшебников, не мог положить их туда! Правда?

— Я не знаю, — ответила Анита.

В ее голосе звучала досада. Даник с удивлением посмотрел на нее — она совершенно не выразила восторга. Для него же это происшествие было таким же прекрасным, как и то, в рождественское утро, когда он нашел белого котенка в своем башмачке.

Даник был уверен, что, когда Анита увидит этих вырезанных из дерева животных, она тоже обрадуется им. Он потянул ее к куче дров и сам исчез за ней. Вскоре он появился снова с дощечкой в руках, на которой в ряд были расставлены деревянные фигурки животных. Даник взглянул на сестру, но, к своему огромному разочарованию, не увидел на лице Аниты ни удивления, ни восторга.

— Я думаю, что какой-нибудь другой мальчишка выбросил их сюда, Даник, — сказала она наконец раздраженно. — Не такие уж они и хорошие, чтобы из-за них устраивать такую суматоху!

Она резко повернулась и направилась к дому, ненавидя себя в этот момент. Как жестоко она отнеслась к Данику, испортила ему всю радость! Как это она могла говорить с ним таким тоном? Что случилось с ней?

Анита знала, что случилось с ней: она только что совершила предательское, подлое дело. От одной только мысли о содеянном сердце ее сжималось и свет становился тьмой. Вся радость и веселье исчезли. Анита никогда не освободится от этой мысли, никогда не сможет забыть это! Она побежала наверх, в спальню, и, бросившись на постель, зарыдала.

Глава 14

РАССКАЗ СТАРИКА

Тем же вечером Лука с легким сердцем, окончив работу, побежал с поля домой. Он хорошо поработал сегодня и очень устал. Но ведь дома его ожидал конь! Завтра он отнесет его в школу, и все узнают, как он умеет вырезать по дереву. Он поднялся по ступенькам на крыльцо, но затем в недоумении остановился: коня нигде не было видно, на столе лежали только инструменты и стружки.

Мама пришла домой раньше его. Может быть, она занесла его в дом? Он стремительно вбежал в кухню.

— Мама, мама! — закричал он. — Куда ты дела моего коня?

Мать удивленно подняла голову от стирального таза:

— Я не видела его, — ответила она. — Ты, наверное, сам куда-то переставил его.

От этих слов Лука побледнел, и сердце его тревожно сжалось.

— Я не переставлял его, я оставил его на столе. Я это точно помню. О мама, где же он может быть? Помоги мне найти его.

Мать тут же оставила стирку и последовала за ним. Ей точно так же, как и Луке, хотелось, чтобы он вы-

играл первый приз. Они долго и напрасно искали статуэтку, бегая из угла в угол.

Тут у госпожи Марель мелькнула догадка.

— Может быть, она упала через перила крыльца? — сказала она. — Пойди, поищи внизу у крыльца.

Лука побежал вниз. Ему недолго пришлось искать. Там, внизу, в грязи, лежали кусочки дерева, которые раньше были его красивым конем. Лука собрал их все и понес своей матери. Мать громко вскрикнула, увидев их. От ее крика из комнаты выбежала сестра Мария. Обе в ужасе смотрели на поломанную фигурку, не в силах что-нибудь сказать.

— Это, наверное, кошка скинула его, — сказала наконец Мария. — О Лука, мне так жаль! Нет ли у тебя чего-нибудь другого, что ты мог бы понести на конкурс?

Мать же только могла воскликнуть:

— О Лука!

Но голос, с которым она это произнесла, сказал о многом.

Сам же Лука не вымолвил ни слова. Он вошел в комнату и посмотрел на настенные часы.

— Я пошел на гору, — сказал он глухим голосом, — к ужину я вернусь.

Он сбежал по ступенькам крыльца и стремительно понесся по скошенным лугам. Мать с тревогой посмотрела ему вслед. Она смотрела до тех пор, пока он не исчез в лесу, затем вошла обратно в дом и тяжело склонилась над тазом. Несколько слез упало в воду.

— Не везет моему мальчику, — пробормотала она. — Сможет ли он вообще в чем-нибудь успеть?

Лука устало брел по лесу. Маленькие рыжие белочки весело прыгали с ветки на ветку и бросались орешками. Но Лука ничего не замечал вокруг себя. Он думал только о своем разбитом коне и о горьком разочаровании. Кто-то другой теперь займет первое место, которое заслуживал только он. А его, как и раньше, все будут презирать и отталкивать от себя. У него не будет больше никогда такой возможности, чтобы показать всем, как хорошо он умеет вырезать по дереву. Никому он не будет нужен, ведь он не играет первого приза.

Он вышел на небольшую опушку. Отсюда, через верхушки деревьев, он мог видеть белые пики снежных гор. Они возвышались над более низкими горами, покрытыми зелеными деревьями.

«Вот бы убежать куда-нибудь! Убежать далеко, — думал Лука. — Начать бы жизнь сначала там, где никто не знает меня, не знает, что я сделал. Если бы я мог уйти в какую-нибудь другую долину, там бы я больше не боялся людей, как здесь, в моей деревне».

Его глаза остановились на перевале, который лежал между двумя горами и вел к большому городу в другой долине. Там работала его сестра Мария. Вид этого перевала всегда привлекал его. Он казался ему дорогой в другой мир, далекий от всего знакомого и привычного. Он был также тем местом, где не раз погибали отважные путешественники. Дважды он уже сам пересекал этот перевал. Но это было летом, когда ярко светило солнце и перевал весь был усыпан цветами.

Сейчас перевал озарялся последними лучами заходящего солнца. Луке он вдруг показался дверью из

тюремны на свободу, через которую он должен пройти один, чтобы найти облегчение в той стране, где заходит солнце.

Лука увидел горного старика еще задолго до того, как тот его заметил. Старик сидел у входной двери, прислонившись к стене, и пристально смотрел на гору по ту сторону долины. Когда Лука подошел совсем близко, он заметил его и улыбнулся.

— А, — сказал он своим низким голосом. — Это снова ты. Ну, а как твоя работа и когда ты получишь свой приз?

— Не видать мне никакого приза, — ответил Лука угрюмо. — Мой конь разбит вдребезги. Я думаю, кошка столкнула его через перила крыльца, и кто-то растоптал его.

— Ах, как жаль! — сочувственно промолвил старик. — Но ведь ты можешь понести на конкурс что-нибудь другое. Как насчет косули, которую ты раньше вырезал? Это очень хорошая работа.

Лука толкнул ногой камень на дорожке.

— Я вырезал ее без настоящих инструментов. И потом все подумают, что это моя лучшая работа. Нет, если я не могу сдать моего коня, то я больше ничего сдавать не буду.

— Разве для тебя это имеет какое-либо значение — что они будут думать про тебя? — удивился старик.

— Да, — пробормотал Лука.

— Почему?

Лука уставился в землю. Что он мог сказать? Но ведь старик был его другом, и единственным другом на всем белом свете. Может быть, рассказать ему все?

— Это играет большую роль. Потому что все дети ненавидят меня и думают, что я глупый никчема. Вот если бы я выиграл приз и все увидели, что я могу вырезать по дереву лучше других мальчишек в долине, то тогда бы, возможно, они полюбили меня.

— А вот и не полюбили бы, — просто ответил старик. — За счет способностей, использованных в своих личных целях, ты никогда не приобретешь себе любви. Ты, может быть, завоеешь восхищение и зависть, но только не любовь. Если ты преследовал эту цель, то ты потратил свое время зря.

Лука все еще смотрел в землю. Но при этих словах он вдруг взглянул в глаза старика своими полными слез глазами и прошептал:

— Тогда все вообще напрасно. Нет для меня никакой возможности начать все снова, чтобы все полюбили меня. Люди, наверное, никогда больше не полюбят меня.

— Если ты хочешь, чтобы все полюбили тебя, — уверенно начал старик, — ты должен помочь им в этом. Ты должен употребить свои способности только на то, чтобы любить других и служить им. Сразу это у тебя не получится. Быть может, понадобятся годы. Но ты должен настойчиво продолжать любить и слушать.

Лука поднял голову и уставился на старика. На губах его замер невысказанный вопрос. Этот странный старик, который, казалось бы, знал так много о любви, почему он сам скрывается здесь, в горах, вдали от других людей?

Старик как будто отгадал мысли мальчика. Может быть, морщинки на лбу Луки или его пристальный взгляд выдали его.

— Ты удивляешься, не правда ли, почему я говорю о любви и служении другим, а сам живу здесь один? — заметил старик. — Знаешь, ты вправе задать мне такой вопрос. Но это тоже длинная история.

— Вы угадали, — признался Лука. — Я подумал, что вам, должно быть, трудно любить и служить людям. Живете совсем один и ни с кем, кроме меня, не разговариваете.

Несколько минут старик сидел молча, глядя на вершины гор, окрашенные в золото заходящим солнцем. Затем он сказал:

— Я расскажу тебе свою историю. Но запомни, это секрет. Я никому еще не рассказывал ее. Но ты доверился мне, и я хочу тоже доверить тебе свою повесть. Я начну издали.

Был я у своих родителей единственным сыном, и мой отец не отказывал мне ни в чем. Конечно, я рос очень и очень избалованным. Был я смысленным мальчишкой, но большим эгоистом. Когда я вырос, то устроился на работу в один банк. Работал усердно и сделал карьеру. Потом я полюбил одну девушку и женился на ней. Бог дал нам двух маленьких сыновей. Первые годы нашей семейной жизни я был хорошим мужем и хорошим отцом. Но потом я встретил плохих друзей. Они приглашали меня к себе домой. Они играли в карты и много пили. Я восхищался ими, начал следовать их примеру. Постепенно я пристрастился к выпивке и начал тратить на нее все больше и больше денег. Кроме того, я много проигрывал в

карты. Чем дальше — тем хуже. Я все реже и реже попадал домой, а когда приходил, то был почти всегда пьяным. Оба моих маленьких сына начали бояться меня и перестали меня любить. Моя жена умоляла меня и молилась за меня, но я уже не мог бросить такую жизнь. Пьянство крепко держало меня в своих когтях, и я не знал никакой другой силы, которая была бы в состоянии вырвать меня из этого омута. У нас стало не хватать денег, и люди начали плохо отзываться о нас.

Начальник банка дважды предупреждал меня. На третий раз, когда меня нашли беспробудно пьяным на улице, он уволил меня с работы. В тот день я пришел домой трезвым и сказал жене, что потерял свою работу. Она ответила мне просто: «Тогда мне придется пойти работать. Мы не можем без конца позорить своих сыновей».

Я старался найти другую работу. Но к этому времени меня уже все знали, и я нигде не мог больше устроиться. Я пытался выиграть деньги в карты, но мне никогда не везло. В конце концов я просто проиграл все, что имел. Моя жена каждый день ходила на работу. Она успевала работать, смотреть за хозяйством и детьми. Но того, что она зарабатывала, не хватало на жизнь. Однажды она пришла домой и сказала, что мы в долгу, а заплатить нечем. Мне же нужны были деньги, чтобы рассчитаться с долгами и купить себе спиртного. Не зря же я работал в банке на высоком посту. Я знал там все входы и выходы и решил совершить кражу.

Мой план оказался успешным. И мне удалось вынести много денег. Но через некоторое время меня

все-таки обнаружили и судили. А так как сумма была большой, а я не мог возратить деньги обратно, то меня осудили к длительному тюремному заключению. От горя моя жена серьезно заболела. Она слишком много работала, недоедая, чтобы хватило мальчишкам. Три раза она навестила меня в тюрьме и выглядела усталой и бледной, как тень. Затем мой старший сын написал мне, что она больше не может прийти.

Несколько недель спустя в сопровождении полиции меня отпустили домой попрощаться с ней — она умерла. Мне сказали, что она умирает от чахотки, но я знаю, это случилось с ней от убитого горем сердца. Это я убил ее. Я сидел возле ее постели целые сутки, держа ее руку. Она говорила мне о любви и милосердии Бога и о прощении грехов. Я был с ней, пока она не умерла. Потом полицейские повели меня обратно в тюрьму.

Что было дальше — я помню, как во сне. Я был в отчаянии. Только одно утешение еще оставалось у меня: когда-то я очень любил вырезать по дереву. И вот в свободное время мне разрешили пользоваться моими инструментами. Я становился все более и более искусным в этом ремесле. Один добрый надзиратель выносил мои фигурки и продавал их в городе. Таким образом я начал кое-что зарабатывать. И хотя это было очень мало, но я все усердно копил — когда-нибудь ведь мне придется начинать все заново.

День тот настал раньше, чем я думал. Меня вызвали к начальнику и сказали, что за хорошее поведение меня выпустят раньше — через три недели я буду свободным человеком. Я пошел назад в камеру, не зная, радоваться мне или печалиться. Хотя я, конечно, дол-

жен был радоваться, что вскоре выйду из тюрьмы. Но куда мне идти, как начать жизнь заново? Одно я решил твердо: мои сыновья никогда не должны увидеть меня или узнать каким-то образом, где я. В то время, когда я был в тюрьме, они жили у дедушки и бабушки

и совсем отвыкли от меня. Я был уверен, что они вырастут умными и порядочными людьми, будущность их была обеспечена. Я не хотел портить им жизнь моей дурной славой. Для них я должен перестать существовать.

Начальник тюрьмы предложил мне свою помощь, чтобы я мог начать новую жизнь. Но я не хотел, чтобы кто-нибудь знал обо мне, и поэтому отказался. День

моего освобождения настал, я вышел из тюрьмы со своими маленькими сбережениями в кармане и первым же поездом приехал сюда, в горы. Я сошел с поезда в этой деревне, потому что увидел человека со стадом коров: коровы хотели пролезть на чье-то поле через поломанный забор. Я помог ему выгнать коров на дорогу и спросил его, не может ли он дать мне какую-нибудь работу. Он не нуждался во мне, но указал мне на верх горы. «Там, — сказал он мне, — живет один крестьянин, сын которого уехал в город на обучение. Он очень нуждается в помощнике».

Я никогда не забуду тот день. Крестьянин как раз рубил дрова перед домом, когда я подошел ко двору. Я встал перед ним молча, уставший и голодный. Сердце болело от горя. Без лишних слов сказал ему, что слышал, будто ему нужен пастух. Возьмет ли он меня на работу?

Он окинул меня взглядом с головы до ног. Лицо его было добрым, а глаза ласковыми. «Ты не из нашей деревни, — сказал он. — Откуда ты пришел и кто ты?» — «Я сейчас из Женеви», — сказал я. «Кем ты работаешь?» — «У меня нет работы». — «Чем же ты занимался до сих пор?»

Тут я хотел было придумать какую-нибудь красивую ложь, но человек тот так прямо смотрел на меня, с таким честным лицом, что ложь застряла у меня в горле. Я решил рассказать ему всю правду. «Я... я только что вышел из тюрьмы», — признался я. «За что ж ты сидел в тюрьме?» — «За кражу денег». «Как я могу знать, что ты не будешь воровать мои деньги?» — «Я хочу начать новую жизнь. Пожалуйста, поверьте мне. Если вы не поверите, я уйду».

Снова он осмотрел меня сверху донизу, затем протянул мне свою руку. Я сел на скамейку возле него и заплакал. Тюрьма сокрушает человека.

Я работал у него пять лет. Я не заводил друзей и никогда не брал отпуска. Моей единственной радостью было работать для человека, которого я любил и который принял меня, тогда как все другие отвернулись. Часто я задавался вопросом: почему он сделал это? Однажды я услышал, как он разговаривал со своим сыном, приехавшим домой из города на воскресенье. «Отец, — сказал тот ему, — почему ты принял к себе этого ворюгу? Разве это было разумно с твоей стороны?» — «Сын мой, — ответил крестьянин, — Христос принимает грешников, а мы — Его ученики».

Летом мы с ним угоняли коров в горы и жили вот в этом доме, в котором теперь я живу один. Мир, спокойствие гор понемногу оживили меня, успокоили и исцелили. Для меня, грешника, точно так же, как и для него, святого, цвели цветы на холмах, всходы зелени листвой и безоблачное небо раскрывалось по утрам. Эти богатства были в равной мере даны нам обоим. И постепенно я тоже начал верить в любовь и милосердие Бога.

Но после четырех лет моей службы крестьянин заболел. Врачи ничего не могли сделать. Я ухаживал за ним целый год. Сын часто навещал его. Но потом крестьянин умер, и я снова остался один. В ночь перед своей кончиной он говорил со мной точно так же, как говорила со мной однажды моя жена: о любви и милосердии Бога и о прощении грехов.

Итак, я потерял своего единственного друга. Сын крестьянина отнесся ко мне очень хорошо. К тому

времени он был уже богатым человеком. Он продал всех коров, но мне подарил вот этот горный домик. Я купил козу и несколько кур, собрал свои пожитки и переселился сюда. С тех пор я здесь и живу. У меня есть только один знакомый — это продавец в городе, который продает мои деревянные фигурки. Иногда он сообщает мне кое-какие новости о моих сыновьях. Они выросли хорошими людьми. Один из них врач, а другой — бизнесмен. Они не знают, что я жив. Да это и к лучшему. У меня нет ничего, что бы я мог дать им. А имя мое только бы опозорило их.

Жизнь и слова моей жены и крестьянина, у которого я работал, повлияли на меня настолько, что я тоже поверил в любовь и милосердие Бога и в прощение грехов. Я не могу воздать людям, которых я обокрал. Я не знаю, кто они и где они. Но несмотря на это, я работаю и коплю деньги. Я почти уже собрал ту сумму, которую когда-то украл. Когда она будет собрана полностью, я отдам эти деньги кому-нибудь на доброе дело, и таким образом заплачу свой долг.

Ты, Лука, говоришь, что для тебя нет возможности начать все сначала. Но ты не прав. Я согрешил намного больше и намного глубже, чем ты. И много пострадал за это. Ты еще мальчик и не можешь себе этого представить. Но я верю, что Бог простил меня. Я живу теперь, чтобы расплатиться с теми, кому я должен. И стремлюсь стать тем, кем Бог хочет меня видеть. Это то, что я могу сделать. Это все, что любой может сделать: прошлое мы должны предать Богу.

Он умолк.

Коза подошла к старику и положила свою коричневую голову старику на колени. Затем немного побода-

ла его, напоминая, что подошло уже время дойки. Лука встал, посмотрел на доброго старика и улыбнулся ему. Потом повернулся и нехотя направился к двери.

Медленно шел Лука домой. В ушах его все еще звучали слова старика: «Я живу, чтобы расплатиться с теми, кому я должен. Стремлюсь стать тем, кем Бог хочет, чтобы я стал». Лука много думал над этими словами, так много, что происшествие с потерянным призом потеряло для него всякое значение. Он не сможет, конечно, восстановить ногу Даника, но, возможно, он когда-нибудь сможет сделать что-то очень важное и значительное для него. И потом, он ведь может постараться быть хоть чуточку добрее. Вот, например, его мама — она так расстроилась из-за его коня. Он наберется мужества и покажет ей, что это дело не такое уж важное, и она снова станет веселой.

Выходя из лесу, он заметил желтый свет в окнах своего дома, теплый, манящий свет, озарявший летние сумерки. В траве трещали кузнечики, а в воздухе стоял запах свежескошенного сена. Молодой месяц висел над черными елками. Все было так, как сказал старик: ночь была равно доброй как к хорошим детям, так и к плохим.

Он вбежал по ступенькам крыльца и радостно поцеловал мать. Она стояла на крыльце, ожидая его.

— Мама, так есть хочется, — весело сказал он. — Ты мне оставила что-нибудь от ужина?

Поглядывая через край миски с супом, он улыбнулся ей. Тень сошла с ее лица, и она улыбнулась ему в ответ.

Глава 15

ПЕРВЫЙ ПРИЗ

На следующее утро Даник проснулся с первыми лучами солнца. Несколько минут он лежал молча, вспоминая, что же хорошее сегодня должно случиться? Вскоре он это вспомнил, и сев в постели, громко позвал Аниту:

— Анита! Я пойду сегодня с тобою и посмотрю, как ты выиграешь первый приз. Принеси мне мой черный костюм и вышитые подтяжки, быстро!

Анита в своей спальне наверху притворилась, будто не услышала его. После того, как он повторил это четырежды, она присела на кровати:

— Замолчи, Даник, — приказала она. — Я совсем не думаю, что выиграю первый приз. И потом, еще слишком рано одеваться. Папа только что встал.

Даник вздохнул и лег. Но ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Поэтому он взял к себе в постель Белоснежку и начал шептать в ее блестящие белые ушки: «Ты знаешь, Белоснежка, я сегодня в тележке поеду в школу, — бормотал он. — И я увижу все-все вещи, которые дети принесут на конкурс. А у Аниты будет самая лучшая вещь. И я увижу, как она получит самый главный приз. Я буду хлопать в ладоши громче всех. Я надену сегодня мои самые красивые подтяжки».

Белоснежка зевнула, а за нею и Даник — ведь было еще совсем рано. Когда же немного позже Анита сошла вниз, то увидела их обоих крепко спящими в постели.

Часом позже все вместе отправились в путь. Даник был наряжен в свой лучший воскресный костюм и вышитые подтяжки. Отец тянул тележку, а Анита шла рядом, печальная, расстроенная и немного сердитая.

Почему же она была грустной и сердитой в такое утро? Солнце светило ярко, вода в реке переливалась серебристыми блестками, она шла в школу, чтобы получить первый приз. Даник же никогда не печалился и не сердился, разве что когда у него болела нога.

— Анита, — поинтересовался он, — у тебя болит живот?

— Конечно нет, Даник, — ответила Анита. — Почему это у меня должен болеть живот?

— Я просто так подумал, потому что ты немного сердитая, — объяснил Даник. — О Анита, посмотри: на моем ботинке сидит синяя бабочка!

Но Анита даже не посмотрела на бабочку. Она шла дальше, уставившись в землю. Что это случилось с нею?

Когда подъехали к школе, то увидели, что двор был уже полон людей. Парты в классной комнате были отодвинуты к стене, а на них лежали работы учеников. Выставка была очень хороша. Все мамы и папы с восхищением ходили вокруг, разглядывая вещи, в то время как все дети толкались, показывали друг на друга пальцами и громко щебетали. Там был стол вязаных изделий, стол вышитых изделий, кружевной стол. На другой стороне были работы мальчиков. Там

было много разных вырезанных из дерева фигурок. Петр, сын почтальона, со сверкающими глазами стоял возле своей работы. Это была деревянная чернильница со стоящим над ней медведем. Морда медведя была немного кривой, а бока его явно были неодинаковыми. Но все же это был медведь, и никто не мог ошибиться в этом. Это была хорошая работа для ребенка. Петр был скромным мальчиком и немного краснел, когда друзья хвалили его и хлопали по плечу. Но он был очень доволен своим медведем, гордился в душе и улыбался стоящей неподалеку маме.

Лука тоже был тут. Как обычно, он ходил взад и вперед совершенно один. Мама его еще не окончила работу с сеном и поэтому не пришла сегодня в школу. Лука угрюмо уставился на чернильницу, в мыслях невольно сравнивая ее со своим бойким конем. Вот если бы не случай, то все ребята толпились бы возле него, а не вокруг Петра. Он почувствовал в себе гневный прилив зависти. Петр был умным и красивым мальчишкой, хорошо умел играть в разные игры, а теперь вот еще завоюет первый приз, который по праву принадлежал Луке. Он отошел в угол и угрюмо уставился в землю.

Анита, окруженная толпой болтающих подружек, была по-странному молчалива. Некоторые говорили, что она получит первый приз, другие были на стороне Дженни. Было много разговоров на эту тему, много беготни, много перешептываний. Одни говорили одно, другие — другое. Только одна Анита, обычно всегда такая веселая и разговорчивая, не вымолвила ни слова. Даник, крепко держась за папину руку, прыгал кругом, осматривая вещи. Наконец он сел не-

подалеку от связанного сестрой свитера, чтобы видеть его хорошо, когда назовут победителя. Даник был очень маленького роста, его почти нельзя было увидеть из-за стола: виднелась только макушка выцветших волос и большие, широко раскрытые синие глаза.

Тут открылась дверь, и над шумной толпой водворилась полная тишина. Учитель из города прибыл для осмотра работ детей. Все дети с родителями тихо стояли у стены, в то время как высокий мужчина медленно шел по кругу, шупая, поднимая и изучая одну вещь за другой. Он вежливо отзывался о каждой работе, а некоторые хвалил.

— Прекрасная выставка, — снова и снова повторял он, проходя мимо столов.

Затем он просмотрел рабочие тетради детей. Он делал все спокойно, вежливо, но очень уж медленно. А всех интересовало только одно: чья же работа займет первое место? Наконец учитель решил выделить первую работу у девочек. Он снова взял в руки кружева Марии и внимательно рассмотрел их. Затем вернулся к Анитиному свитеру, поворачивая его в руках из стороны в сторону. В комнате было до того тихо, что слышно было, как муха пролетит. И вдруг тишину нарушил детский звонкий голос:

— Моя сестра сделала это!

Голос звучал ясно и отчетливо. Учитель даже немного смутился и посмотрел в сторону говорящего. Он увидел маленькое загоревшее личико и глаза, полные надежды.

— В таком случае, твоя сестра очень хорошая девочка, — ответил учитель.

В этот момент его глаза заметили маленькие костыли в руках мальчика.

— Ведь это самая хорошая работа, правда? — продолжал Даник, не замечая вокруг себя больше никого и горя только одним желанием, чтобы Анита победила.

Видно было, что учитель еще ничего не решил. Но когда Даник начал говорить, он принял решение. Учитель так и не понял, что мальчик помог ему в этом деле.

— Да, я думаю, что это самая лучшая работа, — сказал он.

Даник без промедления повернулся на костылях к своей сестре, очень покрасневшей от такого поведения брата, и воскликнул:

— Ты победила, Анита!

Все засмеялись и начали аплодировать.

Таким неожиданным и необычным образом была названа победительница среди девочек. Среди мальчишек победил Петр. Это было объявлено должным образом после торжественной речи, которую никто из детей не слушал. Потом все вместе пили чай с ватрушками и булочками.

Петр пошел домой, окруженный толпой восхищенных друзей. Они суетились, прыгали вокруг него и, вдобавок к призу, еще купили ему шоколадку. За-

тем он пошел домой, наелся фруктового торта, который испекла для него к ужину мать, и ночью заболел.

Лука возвращался из школы один. Он зашел в деревенский магазин купить хлеба. Затем он медленно поплелся в гору домой. Но не хлеб в корзинке сгибал его плечи и заставлял шагать с опущенной головой, а печаль. Лука был очень удручен. Почему же бывают дни, когда так легко быть смелым и веселым, а после них бывают такие, когда все это кажется абсолютно невозможным? Кроме зависти и гнева, он больше ничего не испытывал. Вчера, когда он возвращался от старика, ему казалось, что он спокойно сможет взирать, как Петр получит первый приз. А вот сегодня он испытывает к нему неприязнь. Старик говорил ему, что нужно стремиться стать таким, каким Бог хочет видеть тебя. Но сколько бы он ни пытался, сделать это было для него ужасно тяжело. «Но ведь горный старик изменился! Как же он этого достиг?» — спрашивал себя Лука.

И тут он вспомнил, как старик ему говорил о Боге. Может быть, Бог может из плохих людей делать хороших, если они просят его об этом? Лука пришел к выводу, что он о Боге знает очень мало. И вообще, Бог, наверное, теперь негодует на него за то, что он так жестоко поступил с Даником. Разве Бог мог любить его после этого? И конечно же, Он не простит ему такой грех очень быстро. И даже если бы Бог простил, другие не простят его.

Печаль камнем легла на его сердце. Он громко всхлипнул и толкнул ногой камень, попавшийся на дороге.

Лука дошел до того места, где тропинка раздваивалась, совсем недалеко от Анитино дома. Он свернул на ту, которая вела к его дому, как вдруг... Вдруг он услышал тонкий детский голосок, напевавший песенку. Он посмотрел в том направлении и увидел Даника, который так углубился в свою игру, что не замечал никого вокруг. В своем безграничном одиночестве Лука сделал шаг поближе к Данику и остановился, наблюдая за мальчиком. Вдруг щеки его покраснели от удовольствия и он облегченно вздохнул. Даник вырыл в куче сена что-то вроде пещеры и расставлял там маленьких деревянных животных, которых он, Лука, вырезал для него с таким старанием.

«Так она все-таки отдала ему их, — подумал он про себя, чувствуя прилив счастья, — и они нравятся ему». Затем он громко спросил:

— Что у тебя там, Даник?

Даник резко подпрыгнул и, посмотрев вверх, увидел мальчика, который когда-то хотел убить его котенка. Первой его реакцией было схватить Белоснежку и крепко прижать ее к себе.

— Уходи отсюда, нехороший мальчишка, — сказал он.

Сказав это, он вдруг заметил печаль на лице Луки. А печаль для него была чем-то таким, чего его маленькое сердце не могло выдержать. Поэтому, все еще крепко прижимая к себе борющегося и вырывающегося на свободу котенка, он сказал:

— Я играю со своими волшебными животными. Но Анита запретила мне разговаривать с тобой.

— Я ничего не сделаю тебе, — нежно ответил Лука. — Я очень сожалею о случившемся и о твоей ноге. И поэтому сделал вот этих животных для тебя.

— А вот и неправда, ты их не сделал, — с насмешкой ответил Даник. — Я нашел их в куче дров. Добрые волшебники положили их туда.

Лука собрался было ответить ему, но тут раздался громкий голос Аниты с крыльца их дома:

— Даник, сейчас же иди сюда, ужин готов!

Лука повернулся и зашагал по направлению к своему дому.

«Так она все-таки не сказала ему», — с горечью подумал он. Но все же ему приятно было сознавать, что они нравились Данику и что он играет ими. Когда-нибудь он, может быть, сможет объяснить ему все, и они станут друзьями. Немного повеселев, он зашагал к себе домой.

Даник, как мог, быстро взобрался по ступенькам на кухню и сел за стол, комично потирая свой пустой животик.

Бабушка налила ему полную тарелку супа.

— Анита, — сказал вдруг Даник, — Лука сказал мне, что это он сделал моих новых волшебных животных. Но ведь это не он сделал их, правда? Это волшебники бросили их в кучу дров, правда? Он ведь говорил неправду, скажи.

— Я ведь говорила тебе, чтобы ты не разговаривал никогда с Лукой, Даник, — сердито ответила Анита. — Он нехороший мальчишка.

— Да, — сказал Даник, — но я только совсем немножко разговаривал с ним. Но Анита, скажи мне, это ведь не он сделал их, правда?

Анита медлила — она не хотела говорить неправду. Но, с другой стороны, Даник был настолько добрый мальчик, что сразу же простит Луке все и помчится благодарить его, а потом... Чем все это может кончиться? За считанные минуты они станут друзьями — ведь Даника вообще было трудно заставить быть к кому-то недружелюбным. И если он узнает всю правду об этих животных, она не сможет больше удерживать его на своей стороне.

— Даник, ты ведь нашел их в куче дров, — ответила она, не глядя на него. — Как же он мог сделать их? Не будь таким глупым, Даник.

— Это он мне сказал, что сделал их, — ответил Даник. — Но я знал, что это не он. Это были волшебники, правда, Анита?

— Ох, я не знаю. Отстань от меня, Даник! — бросила в ответ бедная Анита. — Ты так много болтаешь. Лучше ешь свой суп, а то остынет.

Даник послушно склонился над тарелкой, но бабушка, слабые глаза которой умели многое замечать, пристально посмотрела на Аниту. Она тоже слышала об этом и недоумевала над историей этих животных, найденных в куче дров. Анита почувствовала на себе взгляд бабушки. Она покраснела и, встав из-за стола, подошла к печке, чтобы налить себе еще немного супа. Но есть ей уже больше не хотелось. Только для виду она налила себе совсем немножко.

О, этот день, которого она ждала так долго, был совсем испорчен. Она получила желанный приз, но он несколько не осчастливил ее. Напротив, она чувствовала себя совершенно несчастной. Молча она помыла посуду после ужина, потом, поцеловав сонного Дани-

ка, уложила его спать и, никем не замеченная, выскользнула из дома. Она любила такое уединение в вечерних сумерках, чтобы была только она и высокие синие горы вокруг, чтобы можно было думать о чем угодно.

Но этим вечером все было по-другому. Плеск ручейка и треск кузнечиков, даже ленивый перезвон колокольчиков — все это создавало какую-то странную атмосферу. Покрытые вечерней тенью поля казались одинокими и страшными сегодня. Ей вовсе не хотелось думать, потому что все, о чем бы она ни думала в этот вечер, снова и снова возвращало ее к маленькому растоптанному коню и к погасшему свету в глазах Даника после того, как она сердито поговорила с ним.

«Наверное, я больше никогда не смогу быть наедине с собой, — подумала Анита и побрела обратно к дому. — Ах, как бы мне хотелось рассказать обо всем этом кому-нибудь! Может быть, тогда мне стало бы хоть немножко легче. Вот если бы мама была жива! Ах, зачем, зачем я сделала это?»

Глава 17

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИИСУСА ХРИСТА

Незаметно лето перешло в осень, осень — в зиму. Даник рос очень быстро. В этом году он пошел в детсад. И господин Бурни платил по одному франку в день двум большим мальчикам, которые каждый день привозили его в тележке из детсада домой.

Снова подошло Рождество. Снега выпало в эту зиму много. Притихла и замерзла маленькая речка. Анита и Даник теперь ездили в школу и детсад на санях. Утром всегда было темно, и звезды светили в небе. А когда возвращались домой, ярко сияло солнце на синем небе и снег искрился, как драгоценные камни.

Рождество было особенным праздником для Даника, потому что все важные события в его короткой жизни случились в Рождество. В предрождественский вечер умерла его мама. И хотя Даник никогда не знал ее, он замечал печаль на лице отца и чувствовал в себе особую нежность к нему и Аните. Материнскую любовь он получал от бабушки и Аниты. О маме он думал только тогда, когда бабушка читала ему из Библии о небе. При этом он поднимал свои глазенки на фотографию на стене и думал о том, что, когда ему настанет время пройти через жемчужные ворота, он встретится с этим добрым лицом, так сильно похо-

жим на лицо Аниты. Там, на небе, мама ожидает его и, улыбаясь, выйдет к нему навстречу.

Этот день был также днем его рождения. В этом году ему исполняется шесть лет. Он часто думал, представляя себе, что же случится, когда ему станет шесть лет. Он думал, что в предрождественское утро он проснется новым мальчиком. Поэтому он даже немного разочаровался, когда, проснувшись в теплой, но еще темной комнате, обнаружил, что вообще-то он несколько не изменился: не стал больше и сильнее, чем был вчера. Затем он вспомнил, что сегодня он пойдет в церковь и увидит там большую елку и что бабушка испекла особый торт ко дню его рождения. Эти мысли так захватили его, что он забыл о своем разочаровании.

И, конечно же, Даник был уверен, что Рождество было днем рождения Белоснежки. Вообще-то Белоснежке было уже около двух недель, когда она залезла в башмачок Даника. Но об этом Даник никогда не думал. Для него Белоснежка начала свою жизнь ранним рождественским утром. Она попала к нему в башмачок прямо из саней Деда Мороза. Поэтому Аните пришлось купить для такого дня красные ленточки в деревенском магазине и завязать большой бант на шее кошки. Та выглядела сегодня очень красивой, но в то же время ей было очень неудобно. Ей хотелось в этот день поцарапать каждого, кто оказывал ей знаки внимания.

Но самое главное — этот день был днем рождения Господа Иисуса. Хотя Даник об этом говорил мало, но он много об этом думал. Мысль о том, что он ро-

дился в день рождения Господа Иисуса, делала его как-то по-странному счастливым.

— Что же мне подарить Господу Иисусу в день Его рождения? — спросил он, облокотившись на колени бабушки и глядя ей в лицо.

— Ты можешь отдать ему самого себя, — ответила она, на минутку прервав вязание. — И ты можешь

также попросить Его, чтобы Он сделал тебя хорошим и послушным. Это обрадует Его больше всего.

Поэтому весь этот день Даник старался быть добрым и послушным мальчиком, чтобы угодить Младенцу, с которым он разделял свой день рождения. Его любовь не знала предела. Он помог бабушке почистить рабочую коробку

для вязания. Аните он помог вытереть всю посуду. После обеда он пошел в хлев и навестил каждую корову в отдельности, нашептывая в их бархатные уши рождественские пожелания. А когда день кончился, он склонился на молитву и прошептал:

«Маленький Младенец Иисус! Я думаю, что я подарил Тебе радостный день рождения».

И так как добрые дети всегда радостны, то и у Даника был радостный день рождения. Когда наступил

вечер и нужно было одеваться, чтобы идти в церковь, сердечко его было переполнено счастьем настолько, что в него, казалось, больше ничего не поместится. Сидя на саних между отцом и Анитой, Даник поехал в церковь.

Холодный воздух щекотал ему нос. Луна на небе была почти что полной, и покрытые снегом горы казались серебряными. Все деревья в лесу были укутаны снегом. Когда сани проезжали под ними, нижние ветки качались и осыпали Даника белыми хлопьями. Стук копыт бежавших коней казался ему музыкой. Анита крепко охватила его своей рукой, и от этого ему было тепло и радостно.

Выехав из лесу, они миновали неровный маленький мостик, а потом и уснувшие поля. Впереди уже виднелась маленькая церковь, сиявшая розовым светом множества свечей. Свет лился из окон и больших дверей, а покрасневшие от мороза жители деревни приветствовали друг друга на крыльце. Даник замер от восторга, когда папа внес его в церковь и посадил на первую скамейку с другими детьми начальной школы. Тридцать краснощеких малышей с открытыми ртами смотрели на большую елку. Только три дня тому назад она была покрыта снегом и стояла в лесу, недалеко от дома Даника. Теперь она была ярко украшена и блестела от гирлянд, апельсинов, шоколадных конфет и специально испеченных пряников-медвежат. Даник был счастлив, что сидит впереди. Отсюда все хорошо было видно.

Старшие дети спели новый псалом. Это была колыбельная матери Марии, красивая, но немного печальная. Она пела ее спящему на ее коленях Младенцу.

Анита пела ее вместе с другими, и мысли ее улетели назад, к тому Рождеству, когда она держала в своих руках маленького Даника. Они все ожидали его и хлопотали вокруг него, когда он появился на свет, а вот маленькому Спасителю никто даже не открыл дверь. Его положили в ясли, потому что для Него не нашлось места под кровом гостиницы.

Песня кончилась, и старшие дети вернулись на свои места, а малыши вышли вперед. Даник немного отстал — на костылях он не мог угнаться за другими. Но его подождали, и все присутствующие улыбнулись, когда он последним прыжком занял свое место и повернулся к ним сияющим от радости лицом. Дети запели. Во время пения Даник все время смотрел на большую звезду на верхушке наряженной елки. Он рассматривал, как она отражается в блестящих пряниках-медвежатах, висящих пониже. Он забыл, что ему нужно было петь, и думал о том, какой же медвежонок достанется ему. Он заметил одного на самом верху, который выглядел таким смеющимся. Пекарь по ошибке, наверное, сильно разрисовал ему рот. Данику захотелось, чтобы вот этот медвежонок и достался ему, и, глядя на него, он тоже вдруг рассмеялся.

Малыши пошли на место, все еще оглядываясь на елку. В это время на кафедру вышел старый пастор. Он был пастором в этой деревне уже более сорока пяти лет, и все любили его. Годы сторбили его спину, но он ходил по горам в любую погоду, посещая свою паству. А его борода была такой белой, что Даник спутал его с Дедом Морозом и удивлялся, почему на нем надет черный костюм, а не красное пальто.

Пастор посмотрел на сидящих людей, которых он знал поименно и всех очень любил. Он был уже очень стар, и это, быть может, была его последняя рождественская проповедь. Он помолился, чтобы Бог помог ему сказать слова, которые остались бы в памяти прихожан надолго. Анита слушала без особого внимания. Эту историю она знала почти наизусть. Но вдруг старичок произнес слова, которые преследовали ее каждое Рождество: «Не нашлось и места, никакого места для Него». Он повторил эти слова три раза, и с каждым разом, как казалось Аните, они звучали все печальнее. С какой радостью она бы открыла свою дверь!

— И все же, — продолжал в это время пастор, — Спаситель и сегодня все еще стоит перед закрытыми дверями. Еще во многих сердцах Он не находит Себе места. Вот что Он говорит: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и откроет дверь, Я войду». Что ты сделаешь со Христом в это Рождество? Откроешь ли ты свою дверь, чтобы впустить Христа? Или оставишь Его стоять за дверью? Будут ли эти печальные слова сказаны тебе: «Не нашлось Ему места у тебя?»

«Я бы хотела попросить Его, чтобы Он вошел в мое сердце, — подумала Анита. — Интересно, что все это значит? Пастор говорил, что мы можем попросить Его войти в наше сердце. Интересно, могу ли я попросить Его?»

Аните показалось, что это очень хорошая мысль. Тут она незаметно огляделась по сторонам, чтобы увидеть, что же другие думают обо всем этом. И в этот момент она заметила Луку. Он сидел на другой

стороне вместе со своей матерью и сестрой Марией. Увидев его, она поняла, что не может пригласить Спасителя в свое сердце, потому что оно было полно ненависти к Луке. Конечно же, Спаситель не захочет жить в злом, непрощающем сердце. Ей придется или простить Луку и быть доброй, или же оставить Спасителя стоять за дверью. Прощать она не хотела и быть доброй — тоже нет, пока еще нет.

Аниту мучило еще одно воспоминание: она сломала вырезанного Лукой коня и лишила его приза. Он все еще думает, что это сделала кошка. Если бы Господь Иисус вошел в ее сердце, ей наверняка пришлось бы попросить у Луки прощения, а этого она не хотела. Проповедь кончилась. Анита почти ничего не запомнила, потому что была занята своими мыслями. Она так задумалась, что Данику пришлось подтолкнуть ее и указать, что пора уже идти вперед, чтобы получить медвежонка с елки.

Зал наполнился суматохой и разговорами. Дети перешептывались. Малыши гурьбой направились к елке. Господин Пиллет, дровосек, раздавал медвежат с елки. Когда подошла очередь Даника, он указал на самого верхнего смеющегося медвежонка.

— Пожалуйста, я хочу вон того, — сказал он, — вон того, наверху, пожалуйста. Я очень, очень хочу его!

В честь Рождества и из сострадания к искалеченному ребенку дровосек принес лестницу, раздвинул ребят и с большим трудом взобрался наверх, чтобы снять именно того медвежонка, которого пожелал Даник.

Даник ехал домой среди мерцающих звезд и блестящего снега, крепко прижимая к себе смеющегося медвежонка. Время от времени он поглядывал на румяную, веселую мордочку медвежонка и радостно улыбался. Казалось, что у него и у медвежонка была какая-то общая рождественская тайна, о которой никто другой не знал.

Глава 18

«СЕ, СТОЮ У ДВЕРИ И СТУЧУ»

День Рождества прошел. Даник спокойно спал в своей кроватке, отец ушел в коровник, а Анита с бабушкой сидели у теплой печки. Бабушка вязала белые шерстяные чулки своим внукам, Анита должна была починить свой фартук. Но фартук давно сполз на пол, а Анита, подперев подбородок руками, не отрываясь, смотрела в одну точку.

— Анита, — спросила вдруг бабушка, — ты хорошо провела Рождество?

— Спасибо, хорошо, — ответила Анита скорее машинально, зная, что именно таким должен быть ответ. Но потом она внезапно спросила:

— Бабушка, что имеется в виду, когда в Библии говорится, что Иисус стучит в дверь нашего сердца?

Бабушка отложила в сторону вязание, чувствуя за словами Аниты не праздное любопытство.

— Это значит, что Господь видит, насколько твоя жизнь полна злых дел и темных мыслей, — начала она. — Он пришел на землю и умер на кресте, чтобы понести на Себе наказание за эти злые дела и темные мысли вместо тебя. Затем Он воскрес, чтобы войти в твою жизнь и жить в тебе. Он хочет изгнать все твои злые мысли и наполнить тебя Своими — хорошими и добрыми. Это можно сравнить еще вот с чем: кто-то

стучит в дверь темного, грязного и пыльного дома и говорит хозяину: «Если тыпустишь меня, я вытру пыль, уберу грязь, рассею мрак и сделаю твой дом красивым и светлым». Но запомни, Господь Сам никогда не врывается в дом. Он только просит, чтобы Егопустили. Вот что означают слова: Иисус стучится в сердце. Ты должна сказать: «Да, Иисус, я нуждаюсь в Тебе, и я хочу, чтобы Ты вошел в мое сердце и жил во мне». Вот это и будет означать, что ты открываешь Иисусу дверь, чтобыпустить Его.

Анита пристально смотрела на бабушку. Она долго думала, а потом пододвинула свою скамеечку ближе и, облокотившись на колени бабушки, сказала:

— Бабушка, но если ты кого-то ненавидишь, ты ведь не можешь просить Иисуса войти в твое сердце?

— Если ты кого-то ненавидишь, — ответила бабушка, — это как раз показывает, как сильно ты нуждаешься в том, чтобы Иисус вошел в твое сердце. Чем темнее комната, тем больше она нуждается в свете.

— Но я не могу перестать ненавидеть Луку, — тихо сказала Анита.

— Я верю тебе, — ответила бабушка. — Никто своими силами не может искоренить в себе злые мысли. Тут никакие старания не помогут. Анита, если ты утром заходишь в эту темную комнату с закрытыми ставнями, говоришь ли ты себе: «Я должна сначала разогнать темноту, а потом открыть ставни ипустить солнце»? Разве ты тратишь силы на то, чтобы разогнать темноту?

— Конечно, нет, — ответила Анита.

— Тогда как же ты избавляешься от темноты?

— Ну, я просто открываю ставни, и тогда свет льется в комнату.

— И куда же девается темнота?

— Не знаю. Когда свет приходит, она исчезает.

— Точно так же происходит с твоим сердцем, когда ты просишь Иисуса Христа войти в него, — объяснила бабушка. — Он есть любовь. А когда любовь входит в твое сердце, то ненависть, эгоизм и неприветливость должны уступить ей место, точно так же, как и темнота уступает место входящему солнечному свету. Бессмысленно выгонять темноту самому. Это было бы точно так же, как гоняться за теньями в темной комнате. Напрасная трата времени.

Анита ничего не сказала на это. Она сидела неподвижно, устремив взгляд в одну точку. Потом подняла свой фартук и стала молча работать дальше. Вскоре она поднялась, поцеловала бабушку, пожелав ей спокойной ночи, и ушла в свою спальню.

Она долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, но мысли не давали ей покоя. «Это правда, — призналась она себе. — Если я попрошу Иисуса войти в мое сердце, я должна буду примириться с Лукой. А этого я не хочу делать! Мне придется признаться ему, что это я сломала его коня. А этого я никогда, никогда не смогу сделать! Я должна просто забыть про этот стук в дверь. Но ведь мне так ужасно не по себе. Я такая несчастная!»

Анита не знала еще, что человек, который слышит, как Иисус стучит в дверь, и не открывает ему, закрывается также от счастья. Она думала, что сможет найти счастье сама, после того как забудет о случившемся. Поэтому она перевернула свою теплую по-

душку на другую сторону и мысленно начала считать коз, резвящихся на лужайке, пока не заснула.

Во сне она увидела темный домик, без света и с крепко закрытой дверью. Была ночь и Кто-то шел по снегу к этому дому. Анита видела длинную дорожку Его следов. Путник постучал в дверь. Он стучал долго и терпеливо, но никто не открывал Ему. Он стал искать ручку двери, но ручки нигде не было. Ветер пронзительно выл и гнал по небу хмурые облака, но Путник не уходил. Он продолжал стучать и стучать. Он стучал так долго, что Анита проснулась. Но никто не открыл Ему, и в окнах не зажегся свет.

«Может быть, там никого не было», — подумала Анита. Но в глубине своего сердца она знала, что там кто-то был и не захотел подойти к двери.

Анита встала с постели, но тяжесть не оставляла ее. Она оделась и, подавленная, спустилась на кухню завтракать. Внизу было большое волнение: Даник потерял свою Белоснежку и не хотел завтракать, пока не найдется кошка.

— Белоснежка ведь всегда будит меня, — объяснял он взволнованно. — Она приходит и мурлычит, пока я не проснусь. Но сегодня ее не было. Вчера вечером, перед тем как я заснул, она вышла и после этого не вернулась.

Печально было смотреть на скорбь Даника. И все пошли искать Белоснежку. Отец обошел хлев, бабушка обыскала кухню сверху донизу. Даник сам облазил все вокруг в поисках своей кошки. Анита поднялась на верхний этаж и обыскала все спальни. Все напрасно — кошки нигде не было. Отец видел ее последний раз,

когда она осторожно семенила по мягкому снегу к хлеву. После этого ее никто не видел.

Это был несчастливый день. За обедом Даник лишился последней выдержки и, рыдая, объяснил, что не может есть, когда Белоснежка, наверное, голодная. Слезы одна за другой капали в суп, и никто не был в состоянии успокоить его. Отец и бабушка, казалось, были не очень обеспокоены пропажей кошки.

— Она вернется снова, Даник, — тихо сказал отец. — Она только спряталась на сегодня.

Солнце тоже в этот день не показывалось на небе. Низко нависшие серые облака окутали горы. Пошел густой снег. Ночью он замерзнет, и завтра будет сильный гололед.

Отец надел шапку, взял большие сани и поехал в лес за дровами. Бабушка задремала в своем кресле у печки. А Даник подошел к Аните и, прижавшись к ней, посмотрел прямо в глаза:

— Анита, — сказал он, — я хочу пойти спать.

— Но почему же? — удивленно спросила Анита. — Ведь еще совсем рано, только начинает темнеть, а ты еще не ужинал.

— Ну и что, — сказал Даник, — я хочу идти спать, Анита. Я хочу спать, потому что я хочу помолиться.

Анита рассмеялась.

— Ах, тебе не нужно ложиться спать, чтобы помолиться, — сказала она. — Ты можешь помолиться прямо сейчас, потом поужинать и идти спать, как обычно, в положенное время.

Но Даник покачал белокурой головкой.

— Нет, я хочу по-настоящему помолиться, в ночной рубашке. Пожалуйста, Анита, отнеси меня в постель.

— Ну, хорошо, — согласилась Анита и принялась раздевать его.

— Знаешь, Даник, — начала она снова, — не имеет никакого значения — в ночной рубашке ты или нет. Бог слышит тебя в любой одежде.

Она поцеловала его — он выглядел печальным, и уголки его рта вздрагивали. Когда Даник был одет в свою белую ночную сорочку, он преклонил колени и начал молиться за Белоснежку:

«Дорогой Бог, пожалуйста, благослови Белоснежку. Пожалуйста, найди ее и приведи ее поскорее домой. Сохрани ее от холода, голода и страха. Покажи ей сегодня дорогу домой. Пожалуйста, дорогой Бог. Аминь».

— А за других ты не хочешь помолиться? — спросила Анита удивленно.

— Нет, — сказал Даник, поспешно вставая с колен. — Нет, не сегодня. Я хочу, чтобы Бог сегодня вечером ни о ком другом не думал, кроме Белоснежки.

Немного подумав, он добавил:

— Позже ты за других можешь помолиться.

Предав Белоснежку в любящие руки Небесного Отца, он с уверенностью в сердце положил руки под голову и удобно устроился в своей кровати. Затем еще раз открыл глаза и сонным голосом позвал:

— Анита!

— Да, — ответила сестра.

— Анита, ты разбудишь меня, когда она придет, хорошо?

— Когда кто придет?

— Белоснежка же, конечно, — ответил Даник и при этих словах уснул.

Анита беспокойно ходила по комнате. Щеки ее горели, казалось, ей не хватает воздуха. Она открыла дверь и вышла на балкон. Снегопад прекратился. Западный ветер гнал облака и, завывая, вихрем кружил снег на полях. У стен дома он намел уже целые сугробы. Ветер был не очень холодным. Напротив, он приятно охлаждал ее горящие щеки, и Анита решила прогуляться к речке. Может быть, она даже встретит Белоснежку. Она накинула на себя пальто и вышла.

Было полнолуние. Луна заливала ярким светом всю долину, и было так светло, что можно было читать. Когда Анита достигла верхнего края луга, она оглянулась и увидела свои следы на снегу. Они в точности были похожи на следы Путника из ее сна. Только те следы тянулись гораздо дальше. Казалось, что одинокий Путник обошел всю землю, чтобы достичь маленького темного домика.

Глава 19

ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ СЕРДЦА

Анита брела все дальше и дальше, пока наконец не дошла до маленького моста, переброшенного через речку. Перила моста были обвешаны сосульками, а сам поток почти затих. Только чуть слышное журчание глубоко под глыбами льда говорило о том, что он еще жив.

Здесь, наверху, было очень тихо. Ветер успокоился, и мороз начал крепчать. Маленький мост был предельски скользким. Анита, мысли которой витали где-то далеко, не заметила льда под напорошенным снегом. Она внезапно поскользнулась и, вскрикнув, упала. У нее потемнело в глазах от боли, с минуту она лежала в снегу, не двигаясь. Затем она попыталась встать, но снова, вскрикнув от боли, упала: она подвернула ногу и не могла встать на нее. Боль в ноге испугала Аниту. Она была совершенно одна в этой отдаленной горной местности — вряд ли кто-нибудь пройдет уединенной дорогой этим вечером.

Становилось все холоднее. Если она не найдет какое-нибудь укрытие, то непременно замерзнет. Но вдруг она вспомнила, что немного выше, за следующим поворотом дороги, стоит домик, в котором живет молодой лесоруб со своей женой. Если ей удастся хоть ползком дотащиться до их двери, они на-

верняка отвезут ее на санях домой. Это недалеко, и она двинется в путь сейчас же.

С большим трудом Анита поползла по снегу, влоча за собой опухшую больную ногу. Каждое движение причиняло ей страшную боль, и через некоторое время она совсем обессилела: ее руки беспомощно утопали в глубоком снегу, глаза туманились слезами. Доберется ли она вообще до домика?

Когда она доползла до поворота дороги, то с облегчением увидела впереди домик. До него было совсем недалеко. Анита даже заметила тусклый огонек в окне. Но силы оставили ее. Присев на сугроб, она решила немного отдохнуть, однако холод заставил ее двигаться дальше. Шаг за шагом приближалась она к цели; когда же добралась до крыльца дома, ей показалось, что прошло несколько часов.

Анита негромко позвала, надеясь, что кто-нибудь выйдет и поможет ей подняться по ступенькам, но никто не вышел. Тогда она сама кое-как взобралась на крыльцо и совсем без сил упала у порога. Со вздохом облегчения она протянула руку и постучала в дверь. Никто не отвечал. Маленький домик казался таким же

молчаливым, как спокойный темный лес вокруг. Еще раз Анита подняла руку и постучала, на этот раз громче. Никакого ответа. В маленьком домике никто не двигался и не было слышно ни звука. В страхе она, шатаясь, приподнялась на одну ногу и изо всех сил начала колотить в дверь, так что заболели кулаки. Она кричала во весь голос и трясла ручку двери.

И тут до ее сознания дошла ужасная истина, она упала на порог, безутешно разрыдавшись. Дверь была заперта и дом был пуст. Свет в нем горел только для отвода глаз, чтобы отпугнуть воров. В доме же никого не было. На несколько мгновений Аниту охватила ужасная паника. Она выросла здесь, в горах, и часто слышала о людях, замерзших в снегу. Но потом она взяла себя в руки и начала обдумывать все спокойно и здраво. Свет в доме, вероятно, означал, что жильцы собирались вернуться тем же вечером. Если они ушли вниз в долину, они наверняка вернутся только к полуночи. А тогда, может быть, будет уже поздно. Она уже чувствовала холод в пальцах рук и ног. Может быть, если она немного отдохнет, то сможет поползти обратно. Но следующий домик был далеко отсюда, внизу, а сугробы были мягкими и глубокими. Как бы там ни было, но она еще немного подождет и потом попробует. Это была ее единственная надежда.

Беспомощно смотрела она на утопающую в снегу равнину. Справа были лес и речка, а слева бесконечные луга холмами спускались в долину. Маленькие изгороди, каменные стены и заборы — все было занесено снегом. Анита снова вспомнила свой сон. В том сне она видела длинную дорожку следов прямо к двери темного молчаливого дома. Первый раз она думала

спокойно и осознала чувство от безответного стука в закрытую дверь. Она стучала в дверь только несколько минут. А Господь Иисус продолжал стучать неделями и годами, она знала это. Она перестала стучать, потому что узнала, что дом пуст. Ну а что, если бы господин и госпожа Бердоф все это время спокойно сидели в доме? Если только предположить, что они слышали ее стук в темноте на улице, но, посмотрев друг на друга, просто сказали: «Кто-то стучит, но мы не впустим его. Сделаем вид, что мы ничего не слышим. Не будем обращать внимания». Ох, как Анита разозлилась бы на них! Как бы она возненавидела их за эту безжалостность. А ведь она сама точно так же обращалась с Господом Иисусом. Но Он не сердится на нее за это. Он продолжает любить, иначе Он перестал бы стучать. Бабушка говорила ей это.

Анита так погрузилась в свои мысли, что почти забыла о своем страхе и одиночестве. Вдруг она подняла голову и напряженно прислушалась. Она действительно слышала какой-то звук. Это был звук, хорошо знакомый каждому ребенку, выросшему в горах, звук лыж, скользящих по мягкому снегу. А затем до нее донесся голос поющего мальчика. Кто-то ехал на лыжах по лесу, откуда-то с гор. Через несколько секунд он должен появиться у поворота дороги и проехать мимо домика. Если он проедет быстро, то, наверное, даже не заметит ее.

Окутанная облаком снежной пыли, из-за поворота показалась маленькая фигурка.

Анита приподнялась на колени и закричала во весь голос, приложив руки ко рту:

— На помощь! Остановись и помоги мне!

Резким рывком лыжник повернул свои лыжи и остановился. Он расстегнул крепления и проворно побежал к домику.

— Что случилось? — громко спросил он. — Кто ты? Ты ранена?

Это был Лука. Он гостил у своего старого друга на горе и теперь возвращался домой. Крик Аниты настрожил его. Когда же он узнал ее, коленапреклоненную под лунным светом, он уставился на нее, словно увидел духа. Но Анита не задумывалась о том, кто это был. Она была слишком рада увидеть человека. В это время она забыла обо всем, кроме одного: что она найдена и спасена. Лука казался Ангелом, посланным с неба. Она протянула руки и ухватилась за его пальто, словно боясь, что он вдруг убежит.

— О Лука! — заговорила она дрожащим голосом. — Я так рада, что ты пришел! Я подвернула себе ногу и не могу идти. Я думала, что замерзну здесь, пока господин и госпожа Бердоф вернуться домой. Можешь ли ты отвезти меня домой, Лука? Мне так холодно.

В одно мгновение Лука укутал ее в свое пальто. Затем он присел около нее на корточки и начал растирать ее холодные руки.

— Я не смогу тебя взять с собой на лыжи, Анита, — ласково сказал он, — ты слишком большая. Но я могу доехать до дома за пять минут. Потом я сразу же вернусь с санками и одеялом. Через полчаса ты будешь уже дома.

Луку охватила внезапная радость. Ему хотелось бежать и смеяться от счастья. Желание его сердца исполнилось. Он мог что-то сделать для Аниты! Она нуж-

далась в нем. Может быть, она простит и забудет ту страшную ссору?

— Тебе не холодно будет без пальто, Лука? — спросила Анита тихим, измученным голосом.

При этих словах Лука снял еще и свой свитер и покрыл им голову Аниты. Он отдал бы ей и рубашку, но от нее было мало проку. Почувствовав пронизывающий его холод, Лука быстро побежал обратно к лыжам. Он обхватился руками, глубоко вдыхая ледяной воздух. Казалось, что болью, которую холод причинял ему, он хотел искупить какой-то огромный грех.

Вмиг он снова надел лыжи и, круто срезав поворот, стрелой помчался вниз. Радость так согревала его душу, что он перестал ощущать обжигающее дыхание морозной ночи. Спотыкаясь, он вбежал в дом, испугав мать видом своих голых рук и синего носа.

Оставшись одна, Анита плотнее укуталась в теплое пальто Луки. Минут через двадцать он должен вернуться. А за эти двадцать минут ей нужно многое обдумать и решить.

Прежде всего она была спасена. Лука очень вовремя вынырнул из леса и услышал ее крик о помощи. Значит, все это время, когда ей казалось, будто она совсем одна, Спаситель стоял у ее двери и заботился о ней. Он послал Луку, чтобы спасти ее.

Но главное, ей стал понятен смысл запертой двери. Правда, она еще не знала, что произойдет, если она сейчас же откроет дверь своего сердца. Но одно ей было совершенно ясно: она не может больше заставлять Спасителя стоять за закрытой дверью. Она

наклонила голову к заснеженному барьеру крыльца и закрыла глаза.

«Господь Иисус, — молилась Анита, — я теперь открываю дверь моего сердца. Прости, что моя дверь была так долго закрыта и что Тебе пришлось так долго ждать. Пожалуйста, войди теперь. Прости, что я не навидела Луку. Пожалуйста, помоги мне любить его. И если я должна рассказать ему о том маленьком коне, тогда, пожалуйста, дай мне для этого мужества. Я благодарю Тебя, что Ты послал Луку, чтобы спасти меня. Аминь».

Итак, Господь Иисус, Который так долго ждал у дверей Анитиногo сердца, вошел, чтобы простить ее грехи и сделать из нее нового человека. Вокруг не было никого, кто бы принял участие в только что совершившемся чуде. Даже сама Анита почти не чувствовала в себе никаких изменений. Но в небе имя Аниты было занесено той ночью в Божью книгу жизни и Ангелы радовались, что еще один человек на земле открыл дверь сердца своего и дал место в нем Спасителю.

Глава 20

ПЕРВЫЙ ШАГ К ПРОЩЕНИЮ

«Так, — думала Анита, — самое главное я сделала. Теперь я, кажется, знаю, что должно случиться дальше».

Сердце ее усиленно билось. Она снова и снова поглядывала на высокие горы и далекие звезды на небе, которые вселяли в нее мужество. Какими они были величественными, старыми и неизменяющимися! По сравнению с ними она сама и все ее переживания были такими малыми и незначительными. Все ее страхи и заботы вскоре пройдут, и она забудет про них. Но горы все так же будут стоять, и звезды так же будут светить на небе.

Маленькая черная фигура показалась из-за поворота. Лука бежал вприпрыжку, таща за собой санки. На нем было другое пальто. Он так запыхался, что почти не мог разговаривать.

— Идем, Анита, — проговорил он, задыхаясь, — я привез большие санки, чтобы ты могла вытянуть свою ногу. Через несколько минут мы будем дома.

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться, но Анита медлила.

— погоди, Лука, — сказала она быстро, но голос ее дрожал. — Прежде, чем мы поедем домой, я должна тебе что-то сказать. Лука, это не кошка скинула

твоего коня со стола, это сделала я. И я сделала это нарочно, потому что не хотела, чтобы ты выиграл приз. Все это из-за несчастья с Даником. Прости меня, пожалуйста, Лука.

Лука стоял неподвижно, онемев от удивления, и пристально смотрел на нее. И в то же время он внутренне радовался. Вместо того, чтобы рассердиться на Аниту, он почувствовал в душе необычное облегчение. Подобно ему, Анита тоже сделала что-то злое. Если он простит Аниту, то и ей легче будет простить его. Конечно, разбитый конь был просто пустяком по сравнению с искалеченной ногой Даника. Но несмотря на это, у них теперь было нечто общее, что сближало их. Лука хотел сказать ей об этом, но не находил слов. Он только неуклюже рассмеялся и робко проворкотал:

— Да не беда, Анита, не переживай. Залезай на санки.

Он заботливо укутал ее, сел впереди, и они вместе поехали вниз с горы. Засыпанные снежной пылью, они подкатили к крыльцу дома Бурни. Анита с трудом одолела ступеньки крыльца и, стоя на одной ноге, оглянулась на Луку. Он медленно поворачивался, чтобы уйти со своими санками. Анита открыла свое сердце любви Господа Иисуса. Это означало, что она также открыла его для Луки, потому что любовь Спасителя никого не исключает.

— Заходи, Лука, к нам, — позвала она. — Заходи. Бабушка будет так рада услышать, что ты нашел меня.

Она широко распахнула дверь, и Лука последовал за ней в дом. Увидев Аниту, бабушка радостно

вскрикнула. Все уже беспокоились о ней, и отец час тому назад пошел в горы искать ее. Бабушка собралась было побранить Аниту, но заметив, что она хромает, замолчала, помогла Аните добраться до дивана и пошла готовить холодный компресс.

Когда же она повернулась, то увидела Луку. Робко и неуверенно он стоял на пороге. Одно мгновение они стояли и смотрели друг на друга. Старые глаза бабушки умели читать лица детей как открытую книгу. На лице Луки она увидела столько раскаяния, столько страстной мольбы, столько робкой надежды и пробужденного мужества, как никогда раньше. Подойдя к нему, она положила на плечо руку и ввела его в тепло натопленную комнату, сказав при этом приветливым голосом:

— Заходи, садись и поешь вместе с нами.

Немного позже опять открылась дверь и вошел отец, стряхивая снег с тулупа. В поисках Аниты он заметил несущиеся с горы санки с двумя силуэтами и понял, что с Анитой все в порядке. Выслушав рассказ Аниты, он побранил ее немного за то, что она вечером ушла из дому так далеко. Затем он тоже присел к печке. Бабушка приготовила всем по кружке какао и куску хрустящего хлеба, намазанного золотистым маслом, с толстым ломтем сыра сверху.

Все сидели и молча ели. Это было спокойное и приятное молчание. После холодного лесного воздуха теплая печка успокаивающе действовала на всех. Лука сидел, подмигивая пламени. Ему хотелось, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Но молчание вдруг прервалось странным царапаньем в дверь.

— Это Белоснежка, — вскрикнула Анита и уже было вскочила, но больная нога заставила ее снова сесть. В это время бабушка, отец и Лука одновременно оказались у двери.

С высоко поднятым хвостом Белоснежка вошла в комнату, держа в зубах новорожденного слепого полосатого котенка. Она не обратила никакого внимания на присутствующих, но гордо направилась в спальню, где спал Даник. Там она вспрыгнула на перину и положила свою драгоценную ношу прямо около растрепанной золотистой головки. Затем она поспешила назад к двери и замыкала.

— Она возвращается за вторым, — сказал отец и выпустил ее.

— Тогда лучше оставим дверь открытой, — предложила бабушка, туже затягивая свою шаль на плечах.

Она попросила Луку принести ей выделанную шкурку косули, чтобы накинуть на колени. Так они все и сидели на сквозняке, пока Белоснежка, озабоченная, снова не появилась в дверях. В этот раз она принесла пятнистого котенка, белого с черным, и снова исчезла в темноте ночи.

— Надеюсь, что этот будет последним, — пробормотала бабушка, думая о сквозняке и переживая о том, хватит ли им теперь всем места в этом маленьком доме.

Остальные не сказали ни слова. Их взгляды были устремлены на дверь. Белоснежка могла делать все, что ей хотелось. Она снова показалась на пороге, ступая медленно и важно. По-видимому, ее работа была окончена. В зубах она несла чисто белого котенка —

точную копию себя самой. Она обняла котят своими передними лапами, удобно устроилась прямо на груди Даника и мурлыча начала лизать их, словно от этого зависела вся их жизнь.

— Лука, закрой, пожалуйста, дверь, — попросила бабушка, облегченно вздохнув. — А тебе, Петр, не мешало бы найти корзинку для всех этих кошек. Ребенок ведь может задохнуться.

Отец усмехнулся.

— Это, мать, мы утром сделаем, — возразил он. — Сегодня уж пусть остаются там, где лежат. Животные обычно чувствуют, где их любят, а где нет. С Даником же ничего не случится.

Он нежно убрал лапу Белоснежки с подбородка Даника и вышел, чтобы запереть коровник. Лука тоже встал, собираясь уходить. Он подошел к бабушке и протянул ей руку.

— Мне пора идти, — сказал он. — Спасибо, что вы разрешили мне зайти. Я надеюсь, что нога Аниты скоро заживет.

Бабушка, глядя ему прямо в глаза, на несколько мгновений задержала его руку в своих руках.

— Да, тебе пора идти, — сказала она. — Но приходи снова. Ты всегда будешь у нас желанным гостем.

Анита ничего не сказала о своем обещании разбудить Даника, когда Белоснежка вернется. Она боялась, что бабушка на это не согласится. Но сдержать обещание она должна. Дождавшись, когда бабушка удалилась на кухню мыть посуду, она подошла к постели мальчика.

— Даник, — прошептала она, убирая ему со лба влажные от пота волосы.

Даник вздохнул и вытянул руки из-под одеяла, но не проснулся.

— Даник, — немного громче позвала Анита и легонько ущипнула его.

Он открыл глаза и сонным взглядом посмотрел на нее.

— Посмотри, Даник, — сказала Анита, — она пришла и принесла тебе подарок.

Даник устался на кучку меха на своей груди, слишком сонный, чтобы удивиться, и не совсем уверенный, снится ему это или нет.

— Она принесла трех крыс, — проговорил он наконец.

— Да нет, Даник, — воскликнула Анита. — Это не крысы. Это три маленьких котенка. Она родила их в коровнике и теперь принесла тебе. Они твои, Даник. Подарок от Белоснежки.

Даник моргнул.

— Я знал, что она придет, — пробормотал он. — Я же просил Бога об этом.

— И я попросила сегодня Господа Иисуса войти, — прошептала Анита, склонившись над ним, — и Он вошел.

Это были две молитвы, услышанные за один вечер. Но Даник уже ничего не слышал. Он снова сладко уснул, не заметив, что кончик хвоста Белоснежки оказался у него во рту.

Глава 21

ПОЛНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Холодные компрессы бабушки оказались такими полезными, что на следующее утро, когда Анита проснулась, боль и опухоль почти прошли. Но ступать на ногу Анита пока еще не могла. Ночью снова пошел снег, и сугробы были такими глубокими, что отцу пришлось прокопать проход, чтобы зайти в коровник. День был не для игры на дворе. Но Аните, Данику и Белоснежке с тремя котятами не было скучно. Им было даже очень весело всем вместе в зале.

После обеда бабушка предложила им пойти поиграть на сеновале. Даник в корзинке отнес туда свою новую семью. Он устроил им там гнездо и весело кувыркался на сене. А Анита, устроившись в сторонке, раскрыла перед собой большую бабушкину Библию. Она начала листать ее. Ей хотелось найти тот особый стих, в котором Иисус стучится в дверь сердца, тот стих, что читал пастор. Она хотела выучить его наизусть. Долго искать ей не пришлось: пастор сказал, что стих этот из последней книги Библии. Вскоре она нашла его — двадцатый стих третьей главы книги Откровения: «Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и откроет дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мною». Анита повторяла про себя эти слова до тех пор, пока не выучила их на-

изусть. Ей только непонятно было здесь одно слово: «вечерять». При первой же возможности ей нужно спросить об этом у бабушки.

Затем она подперла голову руками и начала размышлять, наблюдая за Даником. Он кувыркался немного странно, так как здоровая нога его сгибалась в колене, а больная оставалась прямой. Мысли одна за другой проносились в голове Аниты. Она открыла дверь Господу Иисусу. Он вошел и теперь жил в ее сердце. Все случилось так, как ей говорила бабушка. Он вошел в ее сердце вместе с духом прощения и любви. От этого все угнетающие и злые мысли рассеялись, как тени перед светом, и простить Луку оказалось теперь совсем не трудным делом. В общем она уже не задумывалась над этим. Когда Иисус вошел в ее сердце, Он показал ей, насколько эгоистичной, не готовой любить и неверной была она сама. Теперь она беспокоилась о другом: сможет ли Лука простить ее? Она создалась ему, и он, казалось, вовсе не рассердился на нее. Но как бы там ни было, он потерял свой приз, и она чувствовала, что ей тут нужно что-то предпринять. Ведь оставались еще животные из Ноева ковчега. Если бы она принесла их учителю и все честно рассказала ему, учитель увидел бы, как красиво Лука умеет вырезать фигурки из дерева. Может быть, он дал бы Луке какой-нибудь другой приз?

Но тут ей стало страшно. Что же учитель подумает тогда о ней? А что скажут другие дети? Она решила все оставить, как есть, и больше об этом не думать. Как только она приняла это решение, то сразу почувствовала, что библейский стих уже не занимает ее и не радует. Она начала раскачиваться на перекладине и

кормить коров через щель, пока отец не зашел в коровник доить их. Анита спустилась к нему, уселась в ясли-кормушку и болтала с ним, пока он работал.

Стемнело рано. Дети пошли в дом ужинать, после чего Данику пора было идти спать. Укладывание Даника вызвало целый переполох, так как бабушка хотела, чтобы котята спали в хлеву, а Даник забрал их всех с собой в постель. В конце концов каждому пришлось немного уступить. Все согласились, что котята будут спать под кроватью. Все это вызвало столько разговоров, что бабушка, совсем обессиленная, едва добралась до своего кресла.

Анита поставила свой стульчик рядом. Только она успела уютно устроиться, как раздался стук в дверь. Ей пришлось опять встать, чтобы отпереть дверь. На пороге стоял Лука, робко и смущенно сжимая руки. Аните хотелось быть вежливой, но в этот момент она тоже смутилась. Оба стояли, неловко поглядывая друг на друга. Каждый ждал, чтобы другой заговорил первым. Удивленная этим долгим молчанием, бабушка подняла голову.

— Заходи, Лука, — сказала она. — Хорошо, что ты пришел. Анита, принеси еще один стул и садитесь оба.

Они послушно сели. Лука, объяснив, что пришел осведомиться о ноге Аниты, опять погрузился в молчание. А Анита, ответив, что чувствует себя уже намного лучше, также замолчала и уставилась в пол.

Бабушка строго взглянула на обоих поверх своих очков.

— Анита и Лука, — внезапно сказала она, — вам нужно покончить с этой глупой ссорой. Пора вести себя прилично. Лука, ты сделал очень нехорошее дело,

но сделал это не нарочно. И ты уже много настрадался из-за этого. Слезами горю не поможешь и потерянного не воротишь. Наберись смелости и начни жить заново. А ты, Анита, должна научиться прощать. Будь доброй и перестань считать себя лучше других.

— Я не считаю себя лучше других, — ответила Анита немного удивленно.

— Нет, ты считаешь так, — ответила бабушка. — Иначе тебе было бы не так трудно прощать другим.

— Но ведь я простила его, — ответила Анита. — Там, на горе, вчера вечером. И это было совсем не трудно, потому что я сделала ему тоже что-то плохое. Когда я рассказала ему об этом, он сказал, что прощает меня. Не так ли, Лука? Так что мы одинаково плохи.

— Да, — подтвердил просто Лука, — но твое зло было не таким страшным, как мое. Я могу вырезать другого коня, но я никогда не смогу вернуть Данику здоровую ногу. Кроме того, все говорят, что ты хорошая, тебя все любят, а меня никто не любит.

— Может быть, это только потому, что все знают, что ты сделал, — сказала Анита, — и никто не знает, что сделала я! Ты знаешь, Лука, я сегодня думала о том, что должна рассказать обо всем учителю. Но мне кажется, что у меня на это никогда не хватит смелости.

Так они сидели и разговаривали, а бабушка слушала. Ее присутствие их не смущало, и они продолжали говорить. Потом и она вступила в разговор.

— Анита, — спросила она, — как это получилось, что ты вдруг смогла простить Луку? Еще два дня на-

зад ты мне говорила, что никогда не сможешь этого сделать.

— Знаешь, бабушка, я открыла дверь своего сердца так, как ты мне объяснила. И потом все случилось, как ты говорила. Когда я попросила Иисуса войти в мое сердце, оказалось — простить нетрудно.

— Это меня радует, — сказала бабушка. — Я знала, что это случится, как только ты откроешь дверь. Когда Иисус со Своей большой любовью и прощением входит в наше сердце, в нем больше не остается места неприветливости, эгоизму и злым мыслям. Все это уходит подобно тому, как исчезает тьма, когда восходит солнце. Но любовь Иисуса изгоняет еще кое-что. Принеси-ка мне мою Библию, Анита.

Бабушка медленно начала перелистывать страницы, внимательно вглядываясь в текст, пока не нашла четвертую главу первого послания Иоанна. Она указала Аните на восемнадцатый и девятнадцатый стихи:

— Прочти вот это, Анита.

Анита медленно и отчетливо прочитала: «В любви нет страха. Но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас».

— Так оно и есть, — сказала бабушка. — Совершенная любовь изгоняет страх. Когда Господь приносит в наше сердце совершенную любовь, то эта любовь изгоняет из сердца неприветливость, эгоизм, а также и страх. Понимаете, в момент, когда мы искренне верим, что Он любит нас, нам нечего бояться. Если

мы знаем, что Он любит нас, то все в нашей жизни случается для нашего блага.

Анита и Лука сидели задумчиво, а потом взглянули друг на друга и улыбнулись. Анита встала и, подойдя к шкафику, достала оттуда свой пряник — рождественского медвежонка. Разломив его пополам в знак примирения, она подала одну половину Луке. Они сидели рядом. Лука счастливо жевал, а Анита все еще была задумчива и взволнована. Яснее, чем когда-либо раньше, она поняла, что ей нужно сделать. И все-таки ей так не хотелось этого делать!

Лука вскоре распрощался. Когда он вышел, Анита пожелала бабушке спокойной ночи и собралась идти спать.

— Анита, — напутственно сказала бабушка, — запомни: когда Иисус входит в сердце, Он входит только как Господин. Ты теперь должна делать то, что Он говорит тебе, а не то, что тебе самой хочется.

— Да, бабушка, — грустно ответила Анита.

Она пошла вверх в свою комнату и опустилась на колени. «Господь Иисус, — молилась она, — я хочу делать то, что Ты мне говоришь. Если я действительно должна рассказать об этом учителю, то дай мне, пожалуйста, мужества и помоги мне не страшиться».

Она легла в постель, с облегченным сердцем закрыла глаза и вскоре уснула.

Глава 22

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ПОСТУПОК АНИТЫ

На следующее утро Анита проснулась рано. Ставни были закрыты, и она не могла понять, который был час. Но тут она заметила маленький лучик света. Он прорезался сквозь щель в ставне и провел по полу яркую полосу света.

«Наверное, уже утро, — подумала Анита, — нужно открыть ставни и посмотреть, красиво ли небо?»

Она встала, раздвинула ставни, и свет залил всю комнату. Долина лежала еще в тени, но солнце, всходявшее над горами, уже освещало их домик. Снег ослепительно блестел, вершины гор были настолько яркими от этого блеска, что на них было больно смотреть. Свет, заливший комнату, наполнил ее сладкой, прохладной свежестью утра.

«Точно так говорила бабушка, — подумала Анита, — нет другого пути, чтобы разогнать тени в долине. Нужно только подождать, пока их разгонит солнце. А потом, даже если кто и хотел бы сохранить эти тени, не смог бы этого сделать. Ненависть, зло, непростение и страх признаться в неправде — это тоже тени. Но впустить Иисуса — это то же, что открыть ставни».

Мысль эта ей так понравилась, что она, снова забравшись под одеяло, продолжала размышлять, пока

не настало время вставать. Все еще немного прихрамывая, она, одевшись, спустилась вниз на кухню, где бабушка как раз варила кофе.

— Бабушка, — сказала она, — сегодня утром мне нужно сходить к учителю.

— А как твоя нога? — спросила бабушка.

— Я поеду на санках.

— А потом как ты вернешься?

— Я не знаю, уж как-нибудь вернусь. Во что бы то ни стало мне нужно поговорить с учителем сегодня утром. Это неотложное дело.

— О чем вы тут? — вмешался отец, у порога стряхивая снег с ботинок. — Если Аните нужно к учителю, она может поехать со мной. Я сегодня хочу повезти сыр к поезду. Я доведу ее на санях до дома учителя и заберу на обратном пути.

Лицо Аниты просветлело. Она не могла больше ждать. Если она отложит дело еще на один день, ею может снова овладеть ужасный страх.

Сидя рядом с отцом на санях, она не испытывала особой радости. На коленях Анита держала фигурки животных из Ноева ковчега, осторожно завернутые в платочек. Она не могла представить себе, что же она скажет учителю. Что, если он очень-очень рассердится на нее? Ведь это вполне могло случиться.

— Зачем тебе нужно к учителю? — спросил вдруг отец. — Надоело сидеть без заданий?

Анита прижалась к его плечу.

— Нет, — сказала она робко, — мне просто нужно ему кое-что рассказать. Это секрет, папа.

Она засунула свою ручку в его большую руку, державшую поводья, и он, добрый и мудрый мужчина,

только улыбнулся в ответ и не стал больше расспрашивать ее. Он был занятым человеком. С раннего утра до позднего вечера он трудился, чтобы заработать тяжелым крестьянским трудом необходимое для семьи. У него оставалось мало времени для серьезных бесед с детьми — это он предоставил бабушке. Но чем они жили, он знал, наблюдая за выражением их лиц и прислушиваясь к их разговорам. В коровнике или в тишине леса, когда он рубил дрова, он думал о своих детях и молился за них. Он знал, что долгое время его маленькая дочурка была несчастна. Он знал также, что что-то случилось с ней, после чего она обрела мир. Он радовался тому, что она снова счастлива, и решил ни о чем не расспрашивать.

Молча они ехали дальше, пока наконец не подъехали к белому дому, в котором жил учитель. Летом этот дом действительно выглядел белым, но сейчас, в сравнении с белизной снега, он казался грязным и серым.

— Тебе сходить, — сказал отец. — Я вернусь за тобой примерно через полчаса.

Он двинулся дальше, а Анита с бьющимся сердцем пошла по тропинке к дому. Она долго стояла у крыльца, не осмеливаясь постучать. Может быть, она так и осталась бы стоять, пока отец не забрал бы ее на обратном пути, но учитель увидел ее через окно и сам открыл ей дверь.

— Заходи, заходи, — приветливо сказал он, приглашая ее в маленькую комнату, в которой они часто сживали, занимаясь уроками.

Он любил своих учеников. Ему недоставало их во время каникул. Поэтому он был рад, когда кто-нибудь заходил к нему. Анита сразу же подошла к столу

и разгрузила свой платочек. Она расставила в ряд всех животных Ноева ковчега.

— Лука сделал их, — решительно заговорила она. — Разве они не красивы?

Учитель подошел к столу и с интересом принялся рассматривать их.

— Они очень красиво вырезаны, — наконец сказал он. — Лука просто молодец. Я и не представлял себе, что он так хорошо может вырезать. Почему же он ничего не принес на конкурс?

— Он хотел, — твердо сказала Анита. — Об этом я и пришла поговорить с вами. Он вырезал замечательного коня, но я поломала его, когда Лука не видел. Я жалею теперь о содеянном и пришла спросить, нельзя ли это поправить, чтобы Лука смог все-таки получить приз?

Учитель молча смотрел на нее. Ее щеки горели, а глаза смотрели в пол.

— Но у меня нет другого приза, — сказал он наконец. — Было ведь всего два. Один получил Петр, а другой — ты.

— Тогда Лука должен получить приз, который достался Петру. Ведь приз давался за самую лучшую работу, а работа Луки намного лучше, чем работа Петра.

— О нет, — ответил учитель. — Этого я не могу сделать. Петр получил свой приз заслуженно. И мы не можем его забрать. Если ты действительно хочешь, чтобы Лука получил приз, ты должна отдать ему свой. Это же по твоей вине он не получил его, не так ли?

— Да, это так, — согласилась Анита.

Целых три минуты она просидела молча, размышляя. Ее призом была красивая книга с видами всех гор Швейцарии. Она лежала в выдвижном ящике комода, завернутая в бумагу, и была самым ценным достоянием Аниты. Конечно, она просто могла бы сказать: нет. Учитель никогда бы не стал принуждать ее отдать книгу. Но бабушка ведь рассказывала ей о совершенной любви. Господь Иисус со Своей совершенной любовью жил в ее сердце, и Он не захотел бы, чтобы она удерживала что-то для себя.

— Я согласна, — наконец сказала Анита.

— Хорошо, — ответил учитель.

Он знал, что за эти минуты Анита одержала большую победу.

— Принеси мне свою книгу, когда снова начнутся занятия. Я вручу ее Луке перед всем классом и разрешу детям посмотреть на вырезанных им животных.

Анита была согласна, но робко взглянула на учителя, чтобы узнать, что же он теперь о ней думает. Наверное, он решил, что она очень и очень скверная девочка. Но учитель только улыбнулся ей, и Анита распрощалась с ним совершенно уверенная, что отношение учителя к ней не изменилось.

Пустая телега тряслась по неровной заснеженной дороге. Анита ехала обратно домой. Когда она поднялась по ступенькам на крыльцо, то обернулась и остановилась. Даник с котятами на руках подошел и стал рядом с ней. Перед ними расстилалась прекрасная долина, освещенная солнцем. Анита посмотрела вниз, на сверкающие крыши домов и серебряные ручьи подо льдом, ощутила теплую ручку Даника в своей руке и вдохнула полной грудью. «Еще сегодня утром вся до-

лина была полна теней, — подумала она, — а теперь все залито солнечным светом». Она знала, что точно так же было и в ее сердце. Иисус вошел в него и наполнил его любовью, светом и мужеством.

Лука и Анита бодро шагали в гору. Они никогда еще не возвращались из школы вместе. Но теперь все было иначе. Этот день был счастливым для Луки. Без долгих объяснений учитель сказал детям, что во время каникул ему удалось увидеть очень красивые фигурки, вырезанные из дерева, и что он решил выдать еще один приз. К всеобщему удивлению, был вызван Лука, и учитель вручил ему приз. Анита, ожидавшая, что учитель расскажет классу всю историю, чуть не упала в обморок. Но увидев, что он не собирается этого делать, облегченно вздохнула.

Затем все дети окружили Луку и стали громко восхищаться маленькими резными животными. Громче всех восхищался веснушчатый Петр. Он искренне заявил, что на его счастье эти фигурки были сданы так поздно, иначе он никогда не получил бы первый приз. Все с этим дружно согласилось. Потом всем захотелось посмотреть книгу, которую Луке вручил учитель. Девочки удивились:

— Это же точно такая книга, как у Аниты.

Анита, волнуясь, ожидала, что Лука признается им, что это и есть ее книга. Но он только спросил:

— Правда? — и незаметно подмигнул Аните.

Теперь они шли вдвоем из школы домой. Когда все другие дети скрылись из виду, Лука протянул книгу Аните.

— Получить приз было приятно, — сказал он, — но я не могу оставить его себе. Правда, Анита, я не могу. Это твоя книга, я просто не могу отобрать ее у тебя.

Анита покачала головой.

— Нет, ты должен оставить ее себе, — сказала она. — Учитель дал ее тебе, она теперь твоя.

— Хорошо, — сказал Лука, — в таком случае она будет принадлежать нам обоим. Мы разделим ее. Допустим, она будет у меня этот месяц, а у тебя — следующий, а потом опять у меня.

Лицо Аниты просветлело: ей очень хотелось иметь эту книгу.

— Отлично, — ответила она. — Если ты так хочешь, то я согласна. В первый день каждого месяца мы будем меняться.

Так и было решено: первого числа каждого месяца в пять часов после обеда владелец книги должен был относить ее в домик соседа и класть на стол. Это было правильное решение. Потому что каждый раз обмен книги напоминал бы им, что источник счастья — это прощение, готовность помогать друг другу, делиться друг с другом.

— Пойдем сюда, сядем на это толстое бревно и посмотрим картинки, — предложил Лука.

Они счистили снег с бревна, уселись, положили на колени книгу и начали перелистывать ее. Лука еще никогда не видел ничего подобного. Он очень любил горы, изучал разные книжки-путеводители. И теперь он показывал Аните разные пути подъема в горы.

— Это самый лучший подъем на Матерхорн, — сказал он, показывая пальцем путь. — По этому пути я первый взберусь на эту гору.

Анита, болтая ногами, сидела рядом и думала, как бы ей тоже хотелось быть мальчишкой, чтобы вместе с Лукой взбираться на горы. Долго сидели они так под лучами ясного полуденного солнца, под чистым голубым небом, на фоне снежных вершин. Было так хорошо вместе рассматривать картинки. Они совсем забыли о времени, как вдруг вблизи раздался обиженный детский голосок:

— Анита, бабушка разрешила мне пойти тебе на встречу. Обед давно готов, и я уже пообедал.

Это был Даник. Он стоял возле них, тяжело опираясь на свои костыли. Он устал и раскраснелся от долгой ходьбы. Чувствуя себя виноватой, Анита спрыгнула с бревна.

— Даник, — вскричала она озабоченно, — тебе же нельзя так далеко ходить. Как ты теперь вернешься домой? Нам сейчас же нужно возвращаться.

Медленно поднимались они втроем в гору. Даник страшно устал — он никогда еще не заходил так далеко на своих костылях. Так как за каждым следующим поворотом дороги он ожидал увидеть свою сестру, то ковлялся все дальше и дальше и зашел так далеко. Лука пожалел его и, подняв, посадил себе на плечи, а Анита понесла костыли. Лука отнес Даника прямо к дверям дома. Но шли они всю дорогу молча. Какая-то натянутость возникла между Анитой и Лукой. Оба они думали о том, что, несмотря на их примирение, Даник оставался хромым и ничто не сможет дать ему новую ногу: ни прощение, ни примирение.

— У меня нога болит, — ныл Даник, и Анита понесла его по ступенькам крыльца в дом. — Положи меня на кровать, Анита.

Она отнесла и положила его на кровать, отдав ему всех его котят. Потом она села рядом. Отец опять вышел во двор работать, а бабушка, побранив ее немного за опоздание, пошла на кухню. Анита тоже присоединилась к ней. Бабушка стояла у стола и снимала с молока сливки. Анита принялась помогать ей.

— Что случилось, Анита? — спросила вдруг бабушка. — Почему ты такая печальная?

Анита молчала. Наконец она не выдержала и сказала:

— Бабушка!

— Да, внучка?

— Бабушка, ты ведь говорила, что если Иисус войдет в мое сердце, Он разгонит все мои злые мысли о Луке и поможет мне любить его. На прошлой неделе все было хорошо. Но когда я вижу, что у Даника болит нога, и думаю о том, каким крепким он был раньше, тогда все старые мысли приходят снова.

— Это не удивляет меня, — ответила бабушка. — Каждый день в твое сердце будут стучать злые, эгоистичные мысли. Они хотят снова вернуться в твое сердце. Не пытайся освободиться от них собственными силами. Проси Иисуса рассеять их Своей любовью. Размышляй о любви Иисуса всегда и везде. Читай о любви Иисуса в Библии. Если сердце будет наполнено этой любовью постоянно, то там просто не найдется места плохим мыслям.

— Где именно в Библии говорится о любви Божией? — спросила Анита.

— О любви говорит вся Библия, — ответила бабушка. — По вечерам мы сейчас читаем Евангелие от Марка, не так ли? Там ведь каждая страница дышит любовью Иисуса: Его любовью к ученикам, Его любовью к врагам, Его любовью ко всем бедным и страдающим людям, Его любовью к маленьким детям. Начни читать внимательно всю историю про Иисуса и размышляй о том, как Он любил. И запомни, что как раз вот эта любовь и вошла в твое сердце, когда ты просила Господа Иисуса войти.

— Хорошо, — ответила Анита рассеянно, а про себя подумала: «Я начну сегодня и потом каждое утро, как встану, буду читать по одной истории о любви Иисуса».

Глава 23

СЕРЬЕЗНОЕ РЕШЕНИЕ

Лука шагал домой, погрузившись в тяжелые мысли. Жалкий вид уставшего Даника очень опечалил его. Аните было проще: она смогла заплатить за свою несправедливость и все исправить. Но у него все выглядело иначе. Исправить ногу Даника невозможно.

«Почему она простила меня и почему она стала совершенно другой?» — спрашивал он себя уже сотый раз. Сначала он думал, что это только потому, что он нашел ее там, наверху, в снегу, но потом понял, что за этим скрывается что-то большее. Она говорила о какой-то двери, которую она открыла Иисусу, а бабушка говорила о любви, которая изгоняет самолюбие и жестокость. Горный старик тоже говорил о милосердии и прощении. Может быть, когда открываешь дверь, — что бы это ни значило, — милосердие и прощение заходят вместе с любовью? Может быть, они говорили об одном и том же? Во всяком случае, Анита очень изменилась с тех пор, как открыла дверь Иисусу. Какой гордой и непримиримой она была раньше! А теперь она стала приветливой и скромной. Это заставило Луку подумать о том, что Иисус Христос был не только Кем-то, Кто жил очень давно, во

времена библейских историй, но был Тем, Кто мог делать чудеса и сегодня.

Он шел медленно, но вскоре подошел к крыльцу своего дома. Полчаса тому назад, когда они с Анитой сидели на бревне, небо было синим и спокойным. А теперь огромные тучи сгущались над горами, и подул холодный ветер.

— Будет буря, — сказал Лука сам себе.

Скот в хлеву беспокойно топтался, предчувствуя перемену погоды. Лука быстро вошел в дом.

— Садись к столу, — сказала мать, — ты сегодня что-то очень поздно. Хорошо, что после обеда нет занятий, тучи сгущаются, и будет метель. Что там за книга у тебя?

— Это приз, — ответил Лука. — Учитель дал его мне за мою работу. Он увидел несколько моих фигурок во время каникул.

— Правда? Это очень справедливо, — сказала мать. — Знал ли он что-нибудь о поломанном коне?

— Да, — сказал Лука и поспешил перевести разговор на другую тему.

Ему не хотелось отвечать на мамины вопросы, потому что ему не хотелось выдавать Аниту. Его мысли продолжали стремиться к ней и позже, когда он, сидя в зале, строгал над газетой. Его мать была занята на кухне, и ему никто не мешал.

«Я попросила Иисуса войти», — сказала она ему. А потом бабушка помогла им найти некоторые стихи в Библии. Может быть, и он смог бы найти их? Он подошел к полке и взял большую семейную Библию, покрытую пылью. Мама читала ее не часто, и он мало что знал из Библии, только то, чему он научился в

школе. Он не знал, где записан тот бабушкин стих, но запомнил, что это было где-то в конце. Найти его он так и не смог, но он нашел много других стихов. Он нашел Евангелия и истории, о которых он уже слышал в школе: об Иисусе-Исцелителе, о том, как Он слепых делал зрячими, исцелял прокаженных, воскрешал мертвых. Да, он нашел там одну историю, как Иисус исцелил хромого человека, после чего тот мог свободно ходить.

«Встань, возьми постель свою и иди», — сказал ему Иисус.

Если Иисус действительно живет и сегодня и изменил сердце Аниты, почему бы Ему не исцелить и Даника, чтобы тот снова ходил? Лука давно уже не молился. Когда он был совсем еще маленьким мальчиком, он иногда говорил заученные молитвы вместе с матерью.

Теперь он пробрался в коровник и проворно полез по лестнице на сеновал. Он опустился на колени на том же месте, где почти год назад лежал, заливаясь слезами. Правда, он все еще не понимал, что это значит: открыть дверь Иисусу. Но в этот момент он верил, что Бог присутствует здесь и слышит его молитву. Из глубины сердца он начал молиться, чтобы Бог исцелил Даника и сделал так, чтобы он мог ходить, как раньше. Лука пробыл наверху довольно долго. Потом спустился в сарай и подоил коров. Когда он открыл дверь, чтобы отнести ведра с молоком в дом, волна снега, поднятая ветром, чуть не сбила его с ног. Мать стояла у окна в кухне и озабоченно наблюдала за начинавшейся вьюгой.

— Приближается пурга, — сказала она, — тебе, наверное, придется взять фонарь и пойти навстречу сестре. Сегодня рано стемнело.

Только она сказала это, как дверь внезапно распахнулась, и, совсем запыхавшись, на пороге появилась Мария. Снег примерз к ее волосам и прилип к пальто, но она смеялась.

— Ну и трудно же было мне шагать вверх, на холм. Совсем выбилась из сил, сопротивляясь ветру, — говорила она, снимая с себя промокшие сапоги и пальто. — Я так устала, думала, что ты, Лука, выйдешь мне навстречу с фонарем. Мама, ужин готов? Я умираю с голоду.

Они все уселись за стол. Щеки Марии все еще горели, как красные яблоки. Она возбужденно болтала:

— Ну и день у меня был сегодня. Беспрерывно люди приходили и уходили из гостиницы. Как они в такую погоду занимаются спортом, я не представляю. Я просто с ног сбилась. Но некоторые из них хорошо раскошелились. Посмотри, мама, — и она вытащила из кармана ассигнацию и протянула ее матери.

Госпожа Марель с радостью взяла ее. Как и ее ближайšie соседи, она с большим трудом сводила концы с концами на своей маленькой ферме. Мария, как хорошая дочь, регулярно приносила домой свой заработок.

— Кто дал тебе так много? — поинтересовалась мать.

— О, один очень славный господин, — щебетала Мария, — и я думаю, что он даже очень известный. Жена директора гостиницы рассказывала мне о нем за обедом. Он замечательный хирург и может излечить

любой перелом. Он работает в больнице внизу у озера. Люди со всей Швейцарии едут к нему, и он вылечивает их.

При этих словах у Луки чуть не остановилось сердце от волнения. Он приподнялся над столом.

— Мария, — вырвалось у него, — смог бы этот врач исцелить Даника Бурни?

Мария с удивлением посмотрела на своего брата. Она не подозревала, что он все еще беспокоится о маленьком Данике Бурни.

— Я не знаю, — ответила она. — Его пришлось бы отвезти в больницу у озера, чтобы врач обследовал его. Но на это у Бурни никогда не хватит денег. Такие знаменитые врачи требуют очень большой платы, Лука. Все коровы Бурни столько не стоят.

«В больницу у озера, внизу», — пронеслось у него в голове. Луке, который никогда еще не выходил за пределы своей долины, это казалось концом света. Но он попытался снова:

— Мария, а они не могли бы отвезти Даника в гостиницу завтра утром?

— Врач уезжает завтра рано утром первым поездом, а багаж его уже сегодня увезли на вокзал.

— Но тогда, Мария, они могли бы отвезти Даника сегодня вечером.

Серьезность брата тронула Марию.

— Нет, Лука, — сказала она с сожалением. — Кто же повезет ребенка в такую погоду? Кроме того, последний поезд уже давно ушел, а перевал в такую ночь весь занесен снегом. Это невозможно. И вообще, я уже сказала тебе, что у Бурни нет таких денег. Перестань мучиться из-за Даника, Лука. Не нарочно же ты

столкнул его. И между прочим, он совершенно счастлив, прыгая на своих костылях и получая все, что хочет, от своей бабушки.

Лука ничего не ответил на это. Сестра же принялась рассказывать о других посетителях гостиницы и о том, что сказала официантка дворнику и что сказал директор повару. Лука не слышал ни слова. Он принял серьезное решение.

Но на его пути стояло три препятствия. Во-первых, врач потребует большой платы, а у Луки не было денег. Но тут он вспомнил о горном старике. У него ведь была большая сумма денег, его только нужно было уговорить, и он отдаст их. Во-вторых, перевал наверняка засыпан снегом, но ведь можно было попробовать. В случае, если он не справится, то все же попытается сделать все, что может. В-третьих, согласится ли врач приехать сюда? Оставит ли он поезд, на котором собирался ехать в свою знаменитую больницу, чтобы на местном поезде уехать в противоположную сторону с мальчишкой, которого вообще не знает, и идти в такую погоду, в пургу, чтобы посетить какого-то крестьянского ребенка?

Все это было очень сомнительно. Но, может быть, он согласится на это? Мария же говорила о нем, что он очень хороший врач.

— Я поел, мама. Спасибо, — сказал Лука. — Я пошел к себе наверх.

Глава 24

НЕОБЫЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Лука вошел в свою комнату и начал быстро собираться. Он вытащил из шкафа свой тулуп, нахлобучил на уши теплую заячью шапку и надел свои самые крепкие сапоги. Затем он написал записку маме, сообщая ей, что вернется только утром. На цыпочках он спустился по ступенькам на кухню, наполнил свои карманы хлебом и сыром и захватил коробок спичек. Затем он тихо отодвинул засов на задней двери дома и прокрался к хлеву. Там на стене висел большой фонарь. Лука зажег его, и свет фонаря немного его ободрил. Он постоял, раздумывая, взять ли с собой лыжи или нет? Но потом решил, что для лыж уже слишком темно.

Открыв заднюю дверь хлева, он ступил на заснеженный луг. Ему удалось уйти незамеченным, и необычное приключение началось. Сильный порыв ветра чуть не опрокинул его. Если уже здесь такой сильный ветер, то что будет на перевале? Ветер мог сдуть его куда-нибудь и похоронить в сугробе. Но это его пока еще не волновало. Об этом он успеет подумать, когда достигнет перевала. Теперь главное — добраться до старика.

Зайти в лес было просто спасением. Несмотря на сильное раскачивание деревьев и треск веток, он

почувствовал себя здесь в безопасности. Кроме того, на лесной дороге снег был не так глубок, как в открытом поле. Лука зашагал быстрее. Продвигаться вперед стало легче, он уже не увязал в снегу. Все дальше и дальше уходил он, пробираясь между высокими деревьями, пока наконец не увидел впереди ободряющий желтый свет в окнах домика горного старика. Приближался конец первой части его путешествия.

Собрав все свои силы, чтобы противостоять ветру, он снова вышел в открытое поле и, дойдя до домика, постучал в дверь.

— Кто там? — раздался настороженный голос старика.

— Это я, Лука.

Дверь мгновенно открылась, и старик втащил его внутрь.

— Лука, мальчик мой! — воскликнул он, удивленно уставившись на него. — Что привело тебя сюда в такую погоду и в такое время? Может быть, что-то случилось?

Лука сел на скамью у стены, чтобы перевести дыхание. Ему было очень страшно просить у старика денег, но выхода не было.

— Вы как-то говорили мне, — начал Лука, глядя в лицо старика глазами, полными мольбы, — что у вас есть много денег, которые вы отдали бы тому, кто в них очень нуждается. Я нашел того, кто в них действительно нуждается. Если бы вы отдали мне ваши деньги, то, я думаю, можно было бы вылечить Даника Бурни.

— Как это? — спросил старик, внимательно глядя на мальчика.

— В гостинице, где работает моя сестра, остановился врач, — объяснил Лука. — Он лечит хромых людей и может вправлять поломанные кости. Я теперь иду к нему, чтобы попросить его прийти и осмотреть Даника. Но моя сестра говорит, что он потребует много денег.

— Ты хочешь идти сейчас? — переспросил старик. — В такую погоду? Что ты придумал? Ты с ума спятил, малыш! В такую погоду ты не перейдешь через перевал.

— Я перейду, — упрямо сказал Лука. — Пурга началась только несколько часов назад, и свежий снег еще не очень глубок. Если я потороплюсь, то, может быть, смогу пройти. Но без денег все это бесполезно.

Старик ответил не сразу. Казалось, он боролся с собой.

— Я отдал бы тебе мои деньги, если бы я хоть немного знал этого врача, — сказал он наконец. — Я не хочу их просто так потратить или потерять. Откуда мне знать, честен ли он? А имя его тебе хоть известно?

— Его зовут господин Гивет. Моя сестра говорит, что он очень известный человек.

— Господин Гивет, — старик повторил имя.

При этом его голос странно изменился. Ничего больше не сказав, он повернулся, вытащил из одного из своих резных ящиков ключ и открыл им маленький шкафчик, висевший над кроватью. Оттуда он вытащил старый носок, набитый денежными бумажками.

— Возьми это и отдай все господину Гивету. Скажи ему, что они все принадлежат ему, если он вылечит этого ребенка. Скажи ему... Скажи ему, Лука, что это уплата долга, — сказал он, и голос его слегка задрожал.

Лука взглянул на старика, но удивляться было некогда. Сунув всю пачку за пазуху, он застегнул рубашку и тулуп и направился к двери.

— Спасибо, большое-пребольшое! — сказал он быстро. — Я потом приду к вам и расскажу, чем все кончилось.

Старик подошел к двери, чтобы проводить его, и высоко поднял фонарь, освещая дорогу. Лука сделал несколько шагов, как вдруг старик громко позвал его.

— Лука!

Лука побежал обратно.

— Да, дедушка?

— Не забудь мой наказ!

— Нет, нет, — ответил Лука. — Я должен сказать, что это уплата долга. Я не забуду, до свидания, дедушка!

Он отправился снова, вглядываясь в темноту. Но тут старик опять позвал его.

— Лука!

Мальчик снова побежал назад. Эта задержка начала выводить его из терпения.

— Да, что еще?

— Ничего не рассказывай ему обо мне, хорошо? И не говори ему моего имени, слышишь, Лука!

— Я даже и не знаю вашего имени.

— И не говори ему, где я живу.

— Нет, дедушка, нет, — ответил Лука.

В спешке он даже не задумался над странным поведением старика.

— Я скажу ему, что это уплата долга. До свидания.

Лука спешил назад, проваливаясь в глубоком мягком снегу, боясь, как бы старик не вернул его еще раз. У опушки леса он обернулся и махнул фонарем. Несмотря на падавший снег, он смог рассмотреть на пороге дома черный силуэт старика, который все еще стоял у открытой двери с фонарем. Лука должен был торопиться. Снег валил и валил, и вскоре перевал будет непроходимым, а может, через него уже и сейчас не пройти? По крайней мере, пешком через него, наверное, не пройдешь! Поэтому он решил заскочить домой и захватить свои лыжи.

Спотыкаясь и увязая в снегу, Лука миновал последний луг. К счастью, коровник был еще открыт, и с чрезвычайной осторожностью Лука вошел внутрь. Он только успел снять со стены лыжи, как вдруг с проти-

воположной стороны распахнулась дверь и в коровник с зажженным фонарем вошли его мать и Мария. Лука поставил лыжи у стены и бросился на грязный пол, спрятавшись за самой большой коровой.

— Его и здесь нет, — сказала мать с тревогой в голосе, освещая все вокруг фонарем. — Я думаю, ты права, Мария! Он вбил себе в голову эту идею — добраться до того врача. Он, наверное, уже шагает по горной дороге. Вот глупый парень, даже лыж с собой не взял. Удастся ли нам уговорить господина Бурни поехать вслед за ним? Пешком ведь он не мог уйти далеко!

— Я думаю, что это будет самое лучшее, — согласилась Мария. — Господин Бурни быстро догонит и остановит его, прежде чем Луке удастся дойти до опасного места. Пойдем сейчас же и попросим его.

Они быстро вышли из коровника, а Лука, прячась за коровой, вскочил на ноги. Ему нельзя было терять ни секунды. Им понадобится две-три минуты, чтобы надеть пальто и ботинки, а затем — четверть часа, чтобы в такую погоду добраться до дома Бурни. Еще десять минут, чтобы рассказать о случившемся, а затем — еще пять минут на сборы в дорогу самого господина Бурни. У Луки было полчаса в запасе, и этого должно было ему хватить. Но, с другой стороны, он был всего лишь двенадцатилетним мальчиком, а господин Бурни был сильным и умелым мужчиной, который мог ходить на лыжах намного лучше его.

Очень осторожно Лука выбрался из коровника, зажег снова свой фонарь, который успел вовремя погасить, когда услышал движение засова. Затем он стал на лыжи и закрепил их. Он отправился в путь, держа

фонарь перед собой и низко склонив голову; снег слепил глаза. Спустившись вниз по лугам, он быстро достиг леса и укрылся в нем от ветра. Здесь он смог поднять голову, и смотреть вперед стало легче. Затем дорога повела его по нижним лугам, окружавшим деревню. Здесь ветер был не таким сильным, и Лука мог ехать быстрее.

Село выглядело безлюдным, но Лука с опаской оглядывался по сторонам, боясь, как бы кто не заметил его и не поинтересовался его намерениями. Но в такую бурную ночь все сидели дома. В долине, в которой лежало село, ветер немного утих, и маленький растрепанный мальчишка наслаждался затишьем и чувствовал себя немного увереннее при виде света в окнах домов. Вскоре он пересек погруженную в тишину базарную площадь с замерзшим колодцем. Скользя дальше, мимо молочной фермы, мимо вокзала, он вышел на мост через речушку.

Здесь он остановился, чтобы перевести дыхание. Он доехал до самой низкой точки долины. Отсюда дорога пойдет прямо в гору до самого перевала, лежащего между двумя высокими горами. Тут Лука боязливо оглянулся, чтобы посмотреть, не догоняет ли его господин Бурни. Но вокруг не было ни души. И вдруг он почувствовал себя ужасно одиноким. Ему хотелось видеть вокруг себя маленькие домики села с теплым светом в окнах. На секунду он даже пожелал, чтобы господин Бурни догнал его. Но он тут же отбросил все эти мысли и начал взбираться на гору. Снег был здесь не очень глубоким. Взяв лыжи на плечи, Лука продвигался вперед без особых затруднений. Он слышал вой ветра где-то в лесу, но пурга начала уже затихать.

Подъем давался медленно, и Лука почувствовал сильную усталость, когда дошел до леса. Ему снова стало страшно, так как этот лес был ему незнаком. Он не знал его так, как знал свой лес. Этот лес казался чужим и загадочным. Лука даже не был точно уверен, на правильном ли он пути. Если нет, то он мог внезапно очутиться на краю обрыва. Откуда-то издалека к нему слабо доносился шум горного водопада, смешанный с воем ветра. Лыжи становились все тяжелее и тяжелее.

Три часа Лука поднимался по лесу вверх. Страх его все возрастал. Ему приходили на ум слышанные прежде истории о страшных опасностях в горах — о снежных лавинах, предательских сугробах и падающих льдинах. Он вспомнил о сенбернарах, наученных разыскивать погибших путников. Но таких собак в этой местности не было. Сердце его сильно забилось. Он остановился и стал спрашивать себя: достигнет ли он вообще цели или же ему придется просто погибнуть здесь в горах? Пока еще он мог повернуть обратно. На мгновение он присел и удивился, раньше эта мысль не приходила ему в голову. Как просто было снова надеть лыжи и поехать по извилистой лесной дороге вниз, домой. «Я сделал все, что мог, — сказал бы он дома, — но я не смог добраться». Бурни, несомненно, даже эту его попытку посчитал бы геройством.

Ветер опять усилился, и большие деревья гнулись и скрипели. Он был почти уже на вершине горы, и здесь кончался лес. А что, если на открытой снежной равнине перевала ветер подхватит его и бросит на скалы, как пушинку. Зубы его начали стучать, и он заплакал.

— Мне так страшно, — всхлипывал он, — дальше я не могу. Я знаю, что если пойду, то умру на перевале. Ах, если бы только господин Бурни нашел меня!

Наклонившись уже, чтобы надеть лыжи, он вдруг вспомнил тот счастливый момент, когда вместе с Анитой сидел у огня и бабушка говорила с ними о страхе. «Совершенная любовь изгоняет страх, — прозвучали в его голове слова. — Если мы действительно верим, что Христос любит нас всецело, нам больше нечего бояться». Лука привстал, все еще держась за крепления лыж. Эти мысли как бы сковали его. Значит, он был не один. Бабушка говорила, что Иисус любит его. И если Он любит его, то никогда не оставит Свое дитя одного в темноте и опасности. И ему показалось, что Кто-то, Кто намного сильнее ночи, бури и страха, приблизился к нему, взял его за руку и указал на дорогу вверх.

Лука снова вскинул лыжи на плечи и зашагал дальше.

«Совершенная любовь изгоняет страх», — повторял он про себя снова и снова. И на самом деле это было так. У него исчез всякий страх, и это все потому, что он перестал чувствовать себя одиноким.

Он вышел из леса на открытое место. Одна мысль была у него теперь: как пройти через эту равнину? Ледяной ветер дул прямо в лицо. Его ноги по колено погружались в мягкий рыхлый снег. Он выбрался с большим трудом из снега, укрылся под деревьями и пристегнул лыжи. Затем, наклонившись как можно больше вперед, чтобы защитить лицо от встречного ветра, стал шаг за шагом продвигаться вперед. К счастью, снег перестал валить и небо выглядело уже не

таким черным. Время от времени луна проглядывала сквозь бешено несущиеся облака. И тогда, поднимая на мгновение голову, Лука видел сбоку от себя высоко поднимающиеся скалы. По ним он определил, что если будет продвигаться прямо вперед, то выйдет прямо на перевал.

Идти становилось все труднее. Да и силы его были на исходе. Вдруг сильный порыв ветра сбил его с ног, и он, задыхаясь, упал в снег.

«Я больше никогда не смогу встать», — подумал Лука. Он так обессилел, что ему было все равно, встанет он или нет. Но тут он снова вспомнил о той совершенной любви и по-детски, чувствуя близость Спасителя, вместо молитвы просто протянул вверх руки, ожидая, чтобы Он его поднял. Через несколько минут у него снова появилось немного сил, и он приподнялся. Тут он заметил, что равнина впереди плавно спускается вниз. Лука прошел через перевал!

Сердце его радостно забило. Но нужно было еще спуститься вниз. Теперь он был благодарен встречному ветру, потому что его ноги слишком устали и окоченели, чтобы управлять лыжами. Если бы не встречный ветер, он съезжал бы вниз с огромной скоростью, а это было опасно. Теперь же он съезжал медленно, присев на корточки. От этого ноги его совсем занемели. Он сидел на лыжах и съезжал на них, как на санках. Он до того замерз, что уже не чувствовал холода. Ему казалось, что он вот-вот уснет. Какая-то сонная апатия окутала его тело. Но в это время он почувствовал резкий толчок и сразу же пришел в себя. Тут он заметил, что застрял в большом сугробе. Выбравшись из него, Лука стряхнул с себя снег и

оглянулся. Он снова находился около леса. Как он сюда добрался, он не помнил. Он ничего не мог вспомнить о спуске с перевала. Минуты это были или часы, но Господь, в Своей совершенной любви, вывел его Сам на это место.

У ног его, извиваясь меж стволов, спускалась узкая лесная дорога. Теперь он знал, что он на правильном пути, и ободрился. И хотя вокруг было очень темно, он уже не боялся. Он тронулся в путь, но должен был ехать очень осторожно, так как дорога была извилистая и запросто можно было свалиться в сугроб или удариться о ствол дерева. В открытом поле ветер вымотал его, но здесь, в лесу, Лука был защищен от него. Большого пока он и не желал. Здесь было тихо и спокойно. И теперь вдруг Лука почувствовал, как сильно болят пальцы на руках и ногах. Но он сжал зубы и, стараясь смотреть только вперед, съезжал все дальше вниз. Иногда он останавливался и присаживался на лыжи отдохнуть.

Приближалось утро. Облака на небе совсем рассеялись, и показалась луна. Ее свет пробивался сквозь заснеженные ветви деревьев и пятнами ложился на снег. Когда Лука выехал из леса, перед ним открылась глубокая равнина. Впереди виднелись тихие заснеженные поля в серебряном блеске, а дальше... А дальше виднелся темный город. Через полчаса он будет там и постучится в дверь гостиницы.

Глава 25

ВСТРЕЧА С ВРАЧОМ

В это утро господин Гивет проснулся очень рано. Первым делом он подумал о том, что в долине тихо, значит, метель улеглась. Во-вторых, он вспомнил, что сегодня он поедет домой. Это его обрадовало. Он был болен и на неделю приехал в горы, чтобы отдохнуть. Теперь он чувствовал себя окрепшим и готовым к работе. Сегодня первым поездом он поедет вниз, к озеру, и к обеду будет уже дома. Что это будет за встреча! Какой шум поднимут дети! Он улыбнулся при воспоминании о них. Крепкий и коренастый Марк, веселая, кудрявая Эльза, серьезный и спокойный Павел и недавно родившаяся Клара — они были его радостью и сокровищем. Затем мысли перешли к их матери. Она была такой же веселой и кудрявой, как Эльза, хотя к концу дня веселье сменялось усталостью. Если бы найти кого-нибудь, кто бы мог помогать ей по дому! Как только он приедет домой, нужно будет что-то предпринять.

Он встал, оделся и, несмотря на то, что ему было уже около сорока, стал весело посвистывать во время бритья. Едва он закончил бриться, как кто-то тихо постучал в дверь.

— Войдите, — сказал господин Гивет немного

удивленно, ведь только половина шестого утра — слишком рано для заказанного им завтрака.

Дверь открылась, и вошел ночной швейцар. У него был растерянный и немного удивленный вид, будто он хотел сказать о чем-то странном и необъяснимом.

— Извините, господин, — начал он, — вы, случайно, не ожидаете никакого гостя?

— Гостя? — переспросил господин Гивет, еще больше удивляясь. — В такой ранний час и в такую погоду? Я никого не жду.

— Видите ли, — снова начал швейцар, — тут вот какое дело. Четверть часа тому назад я услышал тихий стук во входную дверь. Когда я открыл ее, то увидел стоящего на ступеньках мальчика с лыжами на плечах, лет около двенадцати. Он был белым, как стена, больше похожим на привидение, чем на ребенка. «Я хочу видеть господина Гивета», — сказал он мне без всякого приветствия и сразу же опустился на порог, привалившись головой к косяку. «Но паренек, — говорю я ему, — как ты можешь приходить в такую рань и вызывать кого-то для разговора? Господин Гивет еще спит». — «Тогда я подожду его», — говорит он мне, а голова его склоняется к коленям. Но я не мог смотреть на ребенка в таком состоянии. Я взял у него лыжи, завел в комнату и усадил за стол. «Откуда ты пришел?» — спрашиваю его. «Из Придорей», — отвечает. «Как так? — удивился я. — Первого поезда ведь еще не было». — «Я перешел через перевал», — сказал он.

И чем больше я смотрел на этого мальчишку, тем больше я ему верил. Теперь он сидит в зале. А проходя

мимо вашей двери, я увидел свет и решил зайти к вам и спросить, не хотите ли вы сами поговорить с ним?

— Да-да, я поговорю с ним, — ответил господин Гивет. — Но в том, что он перешел через перевал, я что-то очень сомневаюсь. Даже горные проводники не смогли бы пересечь перевал этой ночью. Там, наверху, творилось такое...

Швейцар пожал плечами и повел господина Гивета вниз. Но войдя в зал, оба вскрикнули и бросились к мальчику: Лука упал со стула и лежал на полу без сознания. Врач поднял мальчика на руки.

— Я отнесу его в свою комнату, — бросил он испуганному швейцару. — Принесите мне несколько гренок и горячего кофе, только быстро!

Наверху в комнате он положил мальчика в постель. Сняв с него промокшие сапоги и носки, стал растирать его ооченевшие ноги. Затем он стянул с него заледневшую одежду и укутал в одеяло. Тем временем в дверях показался запыхавшийся швейцар с грелками и дымящимся кофе. Врач обложил мальчика грелками. Не открывая глаз, Лука устало вздохнул.

— Так, хорошо, мой мальчик, — сказал врач. — Скоро тебе станет лучше.

Когда через несколько минут Лука открыл глаза, он увидел над собой озабоченное лицо мужчины. Он никак не мог понять: где это он? Ему было тепло и уютно и очень хотелось спать. Ему не хотелось двигаться, но было интересно узнать, кто этот мужчина с таким приветливым лицом.

— Кто вы? — прошептал он.

Но мужчина не торопился с ответом. Он приподнял Луку и дал ему попить горячего кофе. Мальчик глотал

очень медленно, каждый глоток причинял сильную боль. Покончив с кофе, он спросил снова:

— Кто вы... и где я?

— Я господин Гивет, — ответил врач. — Ты, кажется, хотел меня видеть?

Лука тупо уставился на него. Он до того устал, что совсем забыл, зачем он сюда пришел. Но под действием тепла и кофе он постепенно начал приходить в себя и наконец спросил:

— Это вы великий и знаменитый врач?

— Нет, я просто врач.

— Но вы можете делать хромым детей здоровыми?

— Это зависит от причины хромоты. Иногда я это могу сделать.

— Он хромой, — медленно произнес Лука, — потому что упал с обрыва. Он ходит на костылях, и у него один ботинок с очень толстой подошвой.

— Кто это? — спросил пораженный врач.

— Маленький Даник Бурни. Ему шесть лет. Он живет по соседству со мной. Поэтому я пришел спросить вас, сможете ли вы вылечить его? У меня достаточно денег, чтобы заплатить вам.

— Но как ты узнал обо мне?

— Моя сестра рассказала мне о вас вчера вечером. Она работает в этой гостинице.

— Как же ты в такую метель добрался сюда?

— Я перешел через перевал на лыжах.

— Ты не мог этого сделать, мальчик. В такую погоду это невозможно.

— Но я перешел, — повторил Лука. — Другой дороги нет.

Это правда. Другой дороги ночью действительно не было. Врач смотрел на мальчика, не веря своим ушам. В это время рука Луки скользнула под рубашку и вытащила туго набитый чулок.

— Вот, господин, — сказал он, — будет ли этого достаточно, чтобы вылечить его?

Врач вытряхнул содержимое чулка. При виде такой суммы денег у него вырвался возглас удивления.

— Мальчик, — сказал он твердым голосом, — прежде всего я должен знать, откуда у тебя столько денег. Знаешь ли ты, сколько здесь?

— Нет, — ответил Лука устало, — но сестра говорила, что вы много потребуете за лечение. Хватит ли этого?

— Здесь слишком много, — ответил врач. — Но откуда они у тебя?

— Один старик, с которым я дружу, дал их мне, — сонно пробормотал Лука.

Его глаза слипались, и казалось, не было силы, способной удержать их открытыми.

— Он просил передать вам, что это уплата долга и чтобы вы взяли все.

— Кто этот старик? — спросил господин Гивет. — Скажи мне это и тогда можешь спать. Как его зовут?

— Я не знаю. Пожалуйста, — взмолился Лука, — он взял с меня обещание не говорить вам о нем.

При этом глаза его закрылись, он устало склонил голову и крепко уснул. Врач Гивет оказался в затруднительном положении. Через сорок пять минут отходил его поезд. Но мальчик, лежавший перед ним, рискнул жизнью, чтобы прийти к нему. Все это могло закончиться трагически. И теперь он не смел разоча-

ровывать такую решимость и отвагу, отказавшись помочь маленькому калеке.

Он осторожно вышел из комнаты, спустился вниз к телефону и позвонил своей жене.

— Это ты, Марта? — начал он. — Дорогая, я очень сожалею, но приехать домой смогу только поздно вечером. Произошло нечто необычайное...

И доброму сердцу своей жены он доверил всю эту трогательную историю.

На обратном пути его чуть не сбила с ног подлетевшая к нему девушка. Ее глаза были красны, в лице не было ни кровинки. Она судорожно схватила его за руку.

— О господин, — плакала она, — швейцар только что сказал мне, что мой маленький брат цел и невредим, что он у вас наверху. О господин, мы с матерью

уже думали, что он лежит где-нибудь под сугробом. О господин...

Врач усадил ее рядом с собой в зале и попытался добиться от нее каких-нибудь толковых объяснений. Но она ни о чем не могла говорить, только об ужасной ночи, которую они с матерью пережили. Господин Бурни всю ночь искал Луку. Они сказали ему, что Лука ушел пешком, и он потратил много времени, обыскав опушку леса и все сугробы. Ведь это невероятно, чтобы ребенок мог пройти пешком через занесенные снегом поля и перейти через перевал. Ветер и пурга замели все следы. На лесной дороге господин Бурни нашел несколько следов, но они терялись у опушки леса. Господин Бурни безрезультатно обшарил все сугробы и рано утром возвратился назад ни с чем.

О Данике Мария смогла сообщить врачу Гивету очень мало. Она была слишком расстроена, чтобы работать сегодня. Теперь, узнав, что Лука нашелся, ей хотелось немедленно отвезти его домой. Она намеревалась сейчас же позвонить на почтамт в свое село, чтобы оттуда послали кого-нибудь к ним с доброй вестью — успокоить мать. Но врач Гивет и слышать не хотел о возвращении Луки. Он предложил, чтобы Мария возвращалась одна, а когда мальчик прощется, они приедут с ним поездом. И попросил ее, чтобы кто-нибудь с санями ждал их на вокзале — Лука еще слишком слаб для пешего пути. Мария согласилась с доктором и поспешно ушла.

Господин Гивет вошел в свою комнату. Лука лежал в том же положении, в котором его оставили. Но лицо его немного порозовело, и выглядел он гораздо лучше. Господин Гивет сел рядом с ним и задумался. Его

не оставляла мысль: каким образом этот мальчик стал обладателем такой крупной суммы денег? Кем был тот старик и что это за странные слова — «уплата долга»? Он решил тщательно исследовать все это дело.

Глава 26

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Лука проснулся только к обеду. Он снова долго не мог вспомнить, где он. Все его суставы болели, но это была тихая боль, ведь пока ему не нужно было двигаться. Господин Гивет услышал шорох и подошел к кровати.

— Ну, — спросил он ласково, — как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, спасибо, — ответил Лука и тут же, вспомнив, что он спал, с тревогой добавил: — Будет ли у вас еще время посмотреть маленького мальчика, о котором я вам рассказывал?

— Да, — ответил врач, присаживаясь возле него. — Мы поедем после обеда. Я позвоню сейчас, чтобы сюда принесли обед на двоих. А пока мы будем есть, ты сможешь рассказать мне все, что ты знаешь о том маленьком мальчике и старике, который дал тебе эти деньги.

— О старике я вам ничего не могу рассказать, господин, — тихо ответил Лука, — потому что я обещал ему ничего не говорить. Это секрет, и, кроме меня, больше никто не навещает его. Все, что я мог вам сказать, я сказал. Это уплата долга. И это все, господин. Он так добр ко мне, и я не могу не сдержать своего обещания.

— Ну хорошо, — сказал врач. — Ты можешь сдерживать свое обещание. Я не буду больше тебя спрашивать о нем. Расскажи мне о маленьком калеке. Когда и как это случилось?

Врач заметил, что при этих словах Лука замешкался и сильно покраснел. Он ответил не сразу. Ему не хотелось рассказывать новому человеку о случившемся. Но так как врач все равно узнает правду от семьи Бурни, то лучше пусть он узнает ее от него. И Лука ответил:

— Это была моя вина. Произошло это прошлой весной. Я дразнил его. Я сделал вид, будто хочу бросить его котенка в горный поток, а потом не нарочно действительно уронил его. Даник попытался спасти котенка, но упал со скалы и сломал себе ногу. С тех пор он не может ходить нормально, а только на костылях. И я думал, может быть...

Губы его задрожали, и голос перешел в шепот.

Но для врача этого было достаточно. Он любил и понимал детей. В этих коротких и обрывочных словах он смог уловить всю трагедию. Он понял, что этот усталый мальчик, лежавший перед ним на кровати, горько наказан за совершенный проступок.

— Лука, — сказал он, — мы поедем вместе к Данику. Очень может быть, что Бог посредством тебя излечит его. Ты знаешь, Лука, у тебя есть много хорошего, за что ты можешь благодарить Бога. Я думаю, что Он особенно охранял тебя прошлой ночью, иначе ты ни за что не перешел бы через перевал.

— Да, я знаю это, — ответил робко Лука. — Ведь только вчера я молился, чтобы Бог помог Данику. А потом, когда я услышал о вас, я подумал, что это от-

вет на мою молитву. Но когда я был в лесу, мне стало очень страшно и я чуть было не повернул назад. Но я вспомнил то, что я слышал на Рождество, и решил идти дальше.

— Что ты вспомнил? — ласково спросил господин Гивет.

— Я вспомнил один стих из Библии, который бабушка Даника читала нам, — медленно начал Лука. — Я точно не помню его, но в нем говорится о том, что совершенная любовь изгоняет страх. И потом бабушка сказала, что любовь Иисуса совершенна. После этого мне больше не было страшно, и я пошел дальше. Я не помню точно, как там все было наверху, но я благополучно спустился вниз.

— Да, — сказал врач, — и я думаю, что ничто другое, а только совершенная любовь Господа сохранила тебя в той пурге. Она удалила от тебя страх и повела тебя по правильному пути. Он был очень, очень добр к тебе, Лука. Давай сейчас поблагодарим Его за это.

Лука зарыл лицо в подушку, а господин Гивет опустился на колени у кровати и начал молиться. Он поблагодарил Спасителя за Его совершенную любовь, которая сильнее пурги и бури и которая направляла шаги Луки в темноте и спасла его от страха и смерти. Затем он помолился о маленьком Данике и о том, чтобы Бог дал ему как врачу необходимую мудрость, чтобы вылечить хромую ногу мальчика.

Лука, лежа в постели, тоже молился, но только про себя.

«Господь Иисус, — говорил он из глубины своего сердца, — Ты был так близок ко мне на горе, и я не

боялся. Не уходи больше от меня. Я хочу открыть свою дверь, как Анита. Пожалуйста, войди».

* * *

Господин Бурни сам приехал на вокзал на своей упряжке и повез Луку и врача Гивета к себе. Жители деревни высыпали из своих домов, чтобы посмотреть на проезжающего доктора. К этому времени все уже знали о происшедшем. Слава врача возрастала по мере того, как новость передавалась из уст в уста. Дети думали, что стоит ему только прикоснуться к больной ноге — и маленький Даник Бурни мгновенно исцелится. О Луке говорили как об отважном герое. Но он ничего не слышал — ослик в упряжке шагал быстро и его колокольчики громко звенели. Лука сидел в санях, прислонившись спиной к господину Гивету. Он и шага не мог сделать, и его на руках вынесли из вагона. Его мускулы до того онемели, что отказывались работать. Но несмотря на усталость, он был полон радости и надежды. По мере приближения к дому Бурни струны его сердца, подобно колокольчику, позванивали все веселее и веселее.

Господин Бурни сидел молча. Он чувствовал ответственность за такого важного человека, сидевшего в его санях. Он немного побаивался, как бы резвый ослик не перевернул упряжку на каком-нибудь крутом повороте. Это с ним случалось довольно-таки часто. Сани были большими, а дорога очень узкой. Он беспокоился и о деньгах. Конечно, он отдаст последний грош на лечение Даника, но того, что он имел, было явно мало для такого знаменитого доктора. Может быть, этот доктор примет от него молодого вола в качестве платы?

К счастью, они доехали до дома без всяких приключений. Господин Бурни помог врачу сойти с саней. Затем он взял измученного Луку в свои сильные руки, отнес его в дом и посадил на диван в зале. Он был так рад видеть Луку живым после беспокойной ночи, проведенной в поисках. Бабушка, Анита и Даник сидели около печки на стульях. Они выглядели немного странно, будто собрались фотографироваться. На них была праздничная одежда, и сидели они неподвижно и чинно. Казалось, что они сидят вот так очень долго, ожидая редкую в здешних местах знаменитость.

Когда господин Гивет вошел в зал, Анита и Даник разом посмотрели на бабушку и быстро поднялись на ноги. Бабушка, не вставая из-за своего ревматизма, просто кивнула головой вместо приветствия. Данику врач совсем не понравился. Он думал, что знаменитый человек будет одет в красный кафтан, подобно добрым волшебникам из Анитиной книжки, а еще у него будет большая белая борода и сидеть он будет на белом коне. Господин же, который вошел в комнату, оказался простым и обыкновенным человеком. Даник очень разочаровался и обиженно выставил нижнюю губу.

Врач присел на стул подальше от этой чопорной группы, а потом улыбнулся всем. У него была такая добрая и широкая улыбка, что Даник забыл о своем разочаровании и улыбнулся ему в ответ. Господин Гивет засунул руку в карман, вытащил оттуда конфету и протянул ее мальчику.

— Хочешь конфетку, Даник? — спросил он.

Даник засиял от счастья и тотчас же кивнул своей

белокурой головкой. Конфета была намного лучше красного кафтана и белого коня.

— Иди ко мне и возьми ее, — сказал врач, внимательно наблюдая за тем, как Даник ковылял через комнату, направляясь к нему.

Он поднял его к себе на колени и протянул конфету. Врачу сразу же понравилась эта семья. Ему понравилась бабушка, которая теперь, подавшись вперед, следила за ним пронизательным взглядом. Этот взгляд как бы говорил: это мой ребенок, смотри, не обижай его, а то придется иметь дело со мной. Ему нравился отец с его честным, открытым лицом и сутулой от работы спиной. Ему нравилась эта аккуратная девочка с длинными белокурыми косами. Но больше всех ему нравился синеглазый мальчишка, сидевший у него на коленях и громко сосавший конфету. Он заметил также, что в этой семье нет матери, и недоумевал, старая ли женщина или маленькая девочка содержали дом в таком порядке.

— Нога болит? — спросил врач у Даника.

— Нет, — ответил Даник, — только иногда, когда я хожу без костылей. На моих костылях есть медвежьи головы, — похвастал он. — Хотите посмотреть?

— Очень даже хочу, — ответил врач.

И снова он внимательно наблюдал за всеми движениями Даника.

— Я могу делать большие прыжки на своих костылях, — снова похвалился Даник. — Хотите, чтобы я сделал один большущий прыжок?

— Да, сделай, пожалуйста, — попросил врач.

— Осторожно, Даник, не наткнись на стулья, — предупредила бабушка, которая обычно запрещала ему прыгать дома.

Анита быстро убрала с пола двух котят. Никто ведь не мог знать, где Даник приземлится. Прыжок получился очень удачным, и врач захлопал в ладоши.

— Отлично, — сказал он, — ты прыгаешь совсем, как кенгуру в зоопарке. Ну а теперь иди ко мне без костылей.

Даник поковылял к нему, улыбаясь и приволакивая хромую ногу. Врач улыбнулся ему в ответ и, снова усадив его к себе на колени, сунул еще одну конфету.

Только теперь наблюдавшая за всем бабушка повернулась к Аните.

— Анита, — сказала она, — завари чай и принеси сюда коробку с пряниками.

Казалось, что бабушка, прежде чем пригласить гостя к столу, должна была удостовериться, заслуживает ли он этого. А пока Анита готовила чай, врач Гивет положил Даника на стол. Он долго крутил, поворачивал в разные стороны и внимательно осматривал ногу мальчика. Когда он окончил, чай уже был готов, и бабушка пригласила его попить вместе с ними. Он принял приглашение, сел вместе со всеми за стол и, казалось, совсем погрузился в свои мысли.

— Ну, — сказала наконец бабушка с надеждой в голосе, — сможете ли вы помочь ему?

В ожидании ответа глаза всех устремились на врача. Один только Даник жадно смотрел на тарелку с пряниками. Старшие забыли подать ему пряник, а протянуть руку и взять он боялся — это бы рассерди-

ло бабушку. Пряники эти были очень вкусными, а бабушка пекла их только один раз в месяц.

Господин Гивет не сразу ответил на вопрос бабушки. Вместо ответа он повернулся к Данику.

— Даник, — сказал он, — ты бы хотел бегать, как все другие мальчики?

Даник немного замешкался с ответом. Он не знал, что ответить. Ведь он был единственным мальчиком в деревне, у которого были медвежьи костыли, и это придавало ему важности и выделяло среди других. Но потом он вспомнил, что скоро весна, скоро будет выгон скота в горы. Он сможет пойти со всеми только в том случае, если будет бегать, как все дети. Гонять коз было так интересно и весело, что Даник подумал, что, может быть, и неплохо снова быть нормальным мальчиком. Поэтому он сказал:

— Да, я бы хотел. Бабушка, а теперь можно мне пряник?

Но ему никто не ответил. Лука и Анита сидели бледные, держа свои чашки в руках и совершенно забыв про чай. Все, не отрывая глаз, смотрели на врача.

— Даник, — снова обратился врач к мальчику. — Где твоя красивая кошка?

— Она в сарае, — ответил Даник. — Хотите посмотреть на нее? У нее теперь есть три котенка.

— Да, пожалуйста, — ответил врач, и Даник поплелся искать Белоснежку.

Проходя мимо стола, он взял с тарелки два пряника, но никто, казалось, и не заметил этого. Как только за Даником закрылась дверь, врач повернулся к отцу.

— Я думаю, что смогу помочь вам, — очень серьезно сказал он. — Точно я это смогу сказать позже, когда увижу рентгеновский снимок. Мне кажется, что кость срослась неправильно и поэтому одна нога короче другой. Мне придется снова сломать ее и вытянуть в правильное положение. Но для этого нужна будет операция и после этого продолжительное лечение в больнице. Отдадите ли вы его в больницу?

Отец нервно потер руки и беспомощно посмотрел сначала на бабушку, потом на Аниту. Уже одно это слово «операция» звучало ужасно, кроме того, он слышал, что операции могут быть очень дорогими. В таком случае он не сможет заплатить за нее.

— Сколько же это будет стоить? — спросил он наконец.

— Операция вам ничего не будет стоить, — ответил врач. — Лука уже за все заплатил. Мне некогда объяснять, потому что ваш маленький сынишка сейчас вернется. Отдадите ли вы его в больницу? Мы должны решить это немедленно.

— Да, — ответила бабушка за отца.

— А когда? — поинтересовалась Анита.

— Завтра утром, — ответил врач. — Я уезжаю первым поездом и возьму Даника с собой.

— Куда это я поеду на поезде? — внезапно раздался тонкий голосок.

Даник так тихо вошел через заднюю дверь, что никто и не заметил его. Он стоял теперь возле врача с полными руками котят и с сияющей улыбкой. В поезде он был всего лишь один раз в жизни, да и то лишь десять минут, но запомнил это надолго. Никто не от-

ветил на его вопрос, все продолжали смотреть на врача.

— Куда, бабушка? — еще раз спросил Даник.

Врач повернулся к Данику.

— Даник, ты поедешь со мной к озеру. Ты побудешь у меня некоторое время, и я думаю, что смогу исправить твою ногу. Поедешь со мной?

Даник подозрительно посмотрел на врача.

— И Анита, и бабушка, и папа, и Белоснежка, и котята? Они все тоже очень хотят поехать со мной.

— О нет, Даник, — ответила Анита, — мы не можем все поехать. Ты на этот раз должен поехать один. Господин врач будет заботиться о тебе, и ты скоро вернешься домой.

Но сказав это, Анита сама чуть не расплакалась. Результат ее слов был потрясающим. Даник бросился вместе с котятами в объятья Аниты и разразился громкими воплями. Никогда дом Бурни не видел такого отчаяния! Анита обнимала и целовала его, бабушка хлопала в ладоши и трясла его, а отец совал в сжатые кулачки пряники. Но ничто не помогало. Все члены семьи беспомощно смотрели друг на друга. Врач понял, что если он сейчас не предпримет что-нибудь, все достигнутое будет потеряно. Он повернулся к бабушке.

— Умеет ли девочка присматривать за детьми? — громко спросил он.

— Она вырастила Даника, — так же громко сказала в ответ бабушка.

— Тогда пусть она едет вместе с братиком, — снова крикнул врач, стараясь перекрыть вопли Даника. — Она сможет помогать моей жене.

— Даник, — закричала Анита, тряся его изо всей силы, чтобы он услышал, — я тоже еду с тобой!

Даник мгновенно перестал кричать, три раза всхлипнул и улыбнулся.

На этот раз врач не улыбнулся в ответ. Он поднял мальчика к себе на колени и серьезно сказал ему:

— Ты очень избалован, Даник. Если ты приедешь ко мне в больницу, тебе придется делать то, что тебе скажут, без всяких капризов и криков.

Даник радостно захлопал в ладоши.

— И Анита тоже, — и снова улыбнулся.

Он знал, что выиграл и на этот раз.

Врач опустил Даника на пол.

— Я хотел бы отвезти домой Луку, если вы одолжите мне свои сани, — сказал он. — Теперь же я говорю вам всем — до свидания! Анита и Даник встретят меня завтра на вокзале в половине девятого. Пусть возьмут вещей на два-три месяца. Анита по утрам будет помогать моей жене, а по вечерам — ходить в школу. Послеобеденное время она сможет проводить со своим братом.

Отец благодарно пожал руку врачу и потер лоб. События развивались с такой быстротой, что он, казалось, не поспевал за ними и только сейчас начал осознавать, что целых два месяца, начиная с завтрашнего дня, ему придется жить без Аниты и Даника в одиночном пустом доме. Спотыкаясь, он пошел в коровник доить коров. Ему нужно было заняться привычным делом, чтобы прийти в себя.

Бабушка распрощалась с врачом у двери. Она несколько мгновений держала его руку в своей.

— Вы — хороший человек, — сказала она внезапно. — Бог воздаст вам за доброту.

Врач Гивет посмотрел на эту старую мужественную женщину, и глаза его вдруг затуманились. Он уже оценил ее, увидев в окружении двух внучат в чистом мирном доме, в котором она была как бы ангелом-хранителем. Он видел ее любовь и стойкость, которые вдохновляли ее на непосильный для нее труд. Он понял ее скромную жертвенность, с которой она отпускала детей, потому что это было им во благо. И понял вдруг, что стоит лицом к лицу с одной из святых Бога.

— Вы тоже, — добавил он, — добрая и любящая женщина. И вам обязательно будет за это воздаяние.

Господин Гивет сам повез Луку домой и на руках внес его к матери. Она выглядела очень расстроенной и сердитой на сына.

— Ты непослушный мальчишка, Лука! — возмущенно сказала она. — Уйти просто так и заставить нас так волноваться! Как ты мог такое сделать? Ты у меня получишь!

Она приняла его из рук врача, помогла ему подняться наверх и уложила в постель. Потом вернулась, села за стол и, закрыв лицо фартуком, разрыдалась.

— Успокойтесь. У вас очень храбрый сын, — сказал господин Гивет.

— Он очень непослушный, — возразила госпожа Марель, но внутренне она так гордилась им и была так рада, что он вернулся домой невредимым, что заплакала еще сильнее.

Они с Марией все утро пекли любимые пряники Луки. Весь дом был наполнен вкусным запахом печенья. Они пригласили врача отобедать вместе с ними, но он отказался, сказав, что у него есть еще одно очень важное дело, а времени в обрез.

— Я слышал, — начал он немного неуверенно, — Лука знает здесь одного старика. Можете ли вы сказать мне, где он живет?

— Старика? — переспросила Мария. — О да, это, наверное, тот горный старик, который учит Луку резать по дереву. Они проводят вместе много времени. Что Лука нашел в этом старике — не знаю. Люди говорят, что он очень странный.

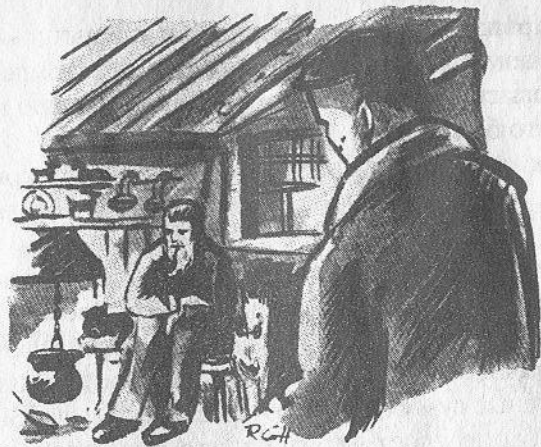
— Можете ли вы объяснить мне, как добраться до его дома? — спросил врач.

— О, конечно, — ответила Мария удивленно. — Тропинка к нему ведет прямо через лес наверх, в гору. Но я бы на вашем месте не ходила сейчас. Эта тропинка занесена снегом после такой пурги.

— У меня к нему дело, — коротко ответил господин Гивет. — Может, вы могли бы указать мне эту тропинку? На обратном пути я зайду попрощаться с Лукой.

Господин Гивет взбирался по тропинке, и ему казалось, что он никогда не видел такого красивого леса. Ветви деревьев склонялись под тяжестью снега, а шишки сверкали льдом и тихо звенели.

«Непостижимо, — думал он, — этот человек живет здесь, в тиши и безмолвии леса, наблюдая, как осень сменяет лето, а весна — зиму, постигая тайны гор и лесов...»

Его сердце учащенно забилось, когда он подумал о встрече с этим стариком. Выйдя из лесу, он увидел на заснеженной опушке небольшой домик. Снег покрывал домик почти доверху. Но старик расчистил небольшую дорожку к своей двери. Казалось, что он ожидал гостя. Господин Гивет приблизился к дому, тихо постучал в дверь и, не дождавшись ответа, отворил ее.

Старик сидел к нему спиной. У печки, нагнувшись, он строгал дерево. Коза и кошка лежали сбоку. Господин Гивет приблизился к нему и сел на стул по другую сторону печки.

— Ну что? — спросил старик, все еще не поднимая глаз. — Все обошлось благополучно, Лука?

— Это не Лука, — тихо ответил господин Гивет.

Старик встрепенулся и поднял глаза. Несколько минут они так и сидели, глядя друг на друга. Казалось, что каждый видел духа, сознавая в то же время, что это была действительность.

— Я пришел, чтобы вернуть вам эти деньги, — сказал наконец господин Гивет. — Мне не нужны деньги за помощь тому ребенку. Если будет возможно, то я сделаю это бесплатно.

— Лука не сдержал своего обещания, — прохрипел старик и, опершись подбородком на палку, уставился в огонь.

— Лука сдержал свое обещание, — ответил господин Гивет. — Он мне не сказал ничего, кроме того, что эти деньги были даны ему одним старым человеком и что они были уплатой долга. Но я не принимаю такие крупные суммы денег от крестьянских детей без того, чтобы не удостовериться, что они заработаны честным путем. Мне нетрудно было узнать от других людей, кто вы и где живете.

За этим снова последовало долгое молчание.

— Это все, что вы пришли мне сказать? — спросил наконец старик.

И в голосе его вдруг послышались нотки старости, усталости и безнадежности.

В это время господин Гивет внезапно встал и, подойдя, опустился на колени у ног этого старого человека.

— Нам нет нужды больше притворяться, — сказал он. — Мы узнали друг друга. Отец, я пришел забрать тебя домой. Я пришел сказать, как нам всем не доставало тебя и как мы все ждем тебя.

Глава 27

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР ДОМА

Несколько часов спустя Анита в шерстяной шапочке и теплой кофте сидела в большом кресле-качалке в комнате Луки. А Лука полулежал в постели. Лицо его было бледным и усталым, однако он был весел и счастлив.

— Расскажи мне обо всем, — попросила Анита. В ее голосе было удивление и восхищение. — Все говорят, что ты совершил геройский поступок. Лука, расскажи мне все с самого начала, как там было на перевале?

Лука радостно вздохнул. Его называли смелым, было так приятно слышать это. Ему не терпелось рассказать всю историю. Но почему-то все вдруг показалось ему очень далеким и трудно было рассказывать о событиях минувшей ночи. Все представлялось сном. Лука не осознавал, что из-за непомерного напряжения, пытки холодом и усталостью его разум не запечатлел многого из этого рискованного путешествия.

— Ну, — начал он, — сначала я пошел к старику и попросил у него денег. Потом надел лыжи и поехал вниз в долину. Затем перебрался через речку и прошел лесом до самого верха. Там был сильный ветер. Оттуда я съехал вниз на другую сторону.

— Это я все понимаю, — нетерпеливо перебила его Анита. — Иначе бы ты никогда не добрался туда. Расскажи мне все по-настоящему, Лука. Были ли у тебя какие-нибудь приключения? Было ли тебе страшно? Приходила ли к тебе мысль, что ты сейчас погибнешь? И как там, наверху, все выглядит?

Несколько мгновений Лука сидел молча. Все послеобеденное время он мечтал поговорить с Анитой. Теперь ему представилась такая возможность, но он не знал, как начать.

— Да, — заговорил он медленно, барабанив пальцами по одеялу. — Мне было очень страшно наверху, недалеко от перевала. Я почти уже решил вернуться назад. Анита, помнишь, как ты говорила мне, что очень ненавидела меня, и как ты просила Иисуса войти в твое сердце, и как Он заменил твою ненависть любовью?

— Да, — быстро ответила Анита, — конечно, я это помню. Но почему ты сейчас об этом спрашиваешь, Лука?

— Потому что, — продолжал Лука, немного стесняясь, — что-то подобное случилось со мной, когда мне стало страшно. Я вспомнил стих, которому твоя бабушка научила нас: «Совершенная любовь изгоняет страх». Я попросил Иисуса изгнать страх. Потом я сразу перестал так сильно бояться.

— Правда? — спросила Анита, глубоко заинтересованная. — Тогда я думаю, что Иисус вошел в твое сердце точно так же, как и в мое. И ты перестал бояться точно так же, как я перестала ненавидеть. Наверное, это все то же самое, Лука: боимся мы, или ненавидим других людей, или обманываем — что бы там ни

было, но если Иисус входит в наше сердце, там больше не остается места для всего этого.

— Да, — согласился Лука, — я думаю, что в том стихе слово «страх» можно заменить любым другим: эгоизм, неправда, лень, ненависть. Одним словом, можно сказать, что совершенная любовь изгоняет все злое. Когда Иисус входит в сердце, то Его совершенная любовь тоже входит вместе с Ним, ведь так?

— Да, я думаю, что это так, — подтвердила Анита.

Они сидели, подперев подбородки руками и тихо разговаривали, не замечая сгустившихся сумерек. Никто из них не догадался включить свет, было так хорошо говорить в этих сумерках.

Анита шла домой по освещенному луной снегу. Ей казалось, что могучие горы заключали ее в свои объятия. Вдруг до ее сознания дошла мысль, что это ее последний вечер дома. От этой мысли комок подкатил к горлу и глаза затуманились слезами. Она быстро побежала домой и, тяжело дыша, влетела в кухню. Отец все еще был в коровнике, но бабушка сидела у стола, пришивая пуговицы к Анитиному фартуку. На столе лежали две стопки одежды, приготовленной им на утро. Даник крепко спал в кровати со всеми котятками поверх одеяла. Так как это была его последняя ночь дома, ему разрешили взять их к себе.

— Бабушка! — Анита со слезами бросилась в ее объятия.

Бабушка дала ей возможность выплакаться. Затем она пододвинула небольшой стульчик, Анита села, облокотившись о колени бабушки, и начала вслушиваться в то, что она говорила ей. А бабушка говорила

о доме, в котором Анита будет жить, о работе, которую ей придется делать, и о радости, которая придет к ней после, когда Даник снова станет здоровым. Бабушка говорила с такой уверенностью и восторгом, что Анита прониклась ее словами. Она даже не догадывалась о том, что испытывает сама бабушка, говорившая себе: «Что я буду делать завтра вечером и все последующие вечера, когда стульчик у моих ног будет пуст и в той постели в углу никто не будет спать?»

Было уже поздно. Утром придется рано вставать. Анита поднялась и взяла с полки большую Библию. Вечером, перед сном, она читала ее бабушке вслух.

— Сегодня мы прочитаем тринадцатую главу первого послания к Коринфянам, — сказала бабушка, когда Анита положила большую книгу ей на колени. — Я бы хотела, чтобы ты запомнила слова этой главы на все время своего отсутствия.

Анита начала читать, а когда закончила, бабушка сказала:

— Я бы хотела, чтобы четвертый стих этой главы ты запомнила и увезла с собой. Прочитай его еще раз, Анита.

Анита еще раз медленно и вдумчиво прочитала этот стих: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится».

Бабушка сложила руки на раскрытой Библии и посмотрела на Аниту через очки.

— Послушай меня, — начала она. — Ты попроси Спасителя войти в твое сердце. И Он вошел в него и принес Свою любовь с Собой, ту любовь, о которой мы только что читали. Тебе придется смотреть за ма-

ленькими детьми. Но ты ведь сама еще ребенок. Они не всегда будут хорошо относиться к тебе. Часто ты будешь злиться, у тебя не будет хватать терпения, ты будешь горячиться. Но любовь Иисуса долготерпит и оказывает милость. Приноси к Иисусу все плохие мысли и чувства, и ты заметишь, что они быстро оставят тебя. И еще, ты будешь жить в большом доме, Анита. Ты увидишь там много красивых вещей, которых ты сама никогда не сможешь иметь. Иногда ты будешь испытывать недоброжелательность и зависть. Но запомни, что любовь Иисуса в твоём сердце никогда не завидует. И если твое сердце наполнено Его любовью, там не будет места недовольству. Ты будешь маленькой служанкой детям семьи Гивет. Я не думаю, что они будут внимательны к тебе. Иногда тебе захочется, чтобы они увидели твою работу и похвалили тебя за нее. Но запомни, что любовь Иисуса не превозносится, не гордится. Его любовь поможет тебе делать свою работу молча и честно, независимо от того, замечает ее кто-нибудь или нет. Храни свое сердце, наполненное любовью Иисуса. Читай о ней и думай о ней. А когда плохие мысли постучатся к тебе, не старайся изгонять их сама. Попроси Спасителя действовать вместо тебя и сказать злым мыслям, что нет им у тебя места, потому что твое сердце наполнено любовью Христа. И тогда этим мыслям придется уйти.

Анита внимательно слушала бабушку, перебирая пальцами свои косы. Затем она встала, поцеловала ее и побежала в коровник, чтобы провести с отцом последние полчаса перед сном.

Ранним утром, когда долина была еще в туманной дымке, а вершины гор уже засеребрились, вся семья

поехала на вокзал. Они приехали пораньше, боясь опоздать на поезд, и стояли на перроне, ожидая господина Гивета, который появился через двадцать минут. Анита в одной руке держала большую коричневую сумку, а другой она крепко ухватилась за руку отца. Даник притих и казался сегодня каким-то стеснительным. Он все время прятался за спинами и не хотел, чтобы его обнимали, когда наступило время прощаться.

Поезд отошел уже далеко, когда Анита поняла причину его поведения. Она вдруг заметила, что под пальто у Даника что-то шевелится.

— Даник, что у тебя там, под пальто? — спросила она в изумлении, видя, как пальто поднимается.

Даник покраснел.

— Я... только одного, Анита, — смущенно пролетал он.

— Кого одного? — спросила Анита, бросив тревожный взгляд на врача.

Но господин Гивет, углубившись в книгу, не прислушивался к их разговору.

— Только вот этого, — объяснил Даник и расстегнул пуговицы пальто.

На мгновение оттуда показались усы и мордочка белого котенка. Он

высунулся и тут же снова укрылся в своем убежище.

— Даник, — громко сказала Анита, — ты очень непослушный мальчик. Бабушка же сказала тебе, что в больницу не принимают котят. Я не знаю, что мы теперь будем с ним делать.

Даник отвернулся к окну и ничего не ответил. Он не мог придумать никакого оправдания своему непослушанию и только нежно прижимал к себе котенка, а тот, свернувшись в клубок, запыхтел, как маленький паровоз. И ни Даник, ни котенок не чувствовали себя виновными в совершенном преступлении.

Глава 28

ДАНИК В БОЛЬНИЦЕ

Когда они приехали в город, Даника сразу же положили в больницу. Его повели в большую палату, полную хромых детей, таких же, как он. Медсестра в отделении выглядела очень усталой. Даник посмотрел вокруг и решил, что не мешало бы всех развеселить. Он прошелся по всем палатам, предлагая продемонстрировать на своих костылях прыжки кенгуру. Его старания оправдались. Ему понадобилось меньше часа, чтобы сделать друга каждого. Белого котенка поместили в корзинке на кухне. Ему позволялось быть вместе с Даником только во время посещений.

Прибытие Аниты в город было не таким веселым. Госпожа Гивет ласково приняла ее в своем доме. Это была молодая, красивая и веселая женщина. Когда же Анита осталась одна в приготовленной ей комнате на верхнем этаже, она подошла к окну и посмотрела на улицу. За окном были серые дома, растаявший снег и темное, хмурое небо. Она немного так постояла, потом бросилась на постель и горько зарыдала, вспоминая большие сугробы снега, белые вершины гор и ясное небо у себя дома. В таком состоянии госпожа Гивет нашла ее полчаса спустя, когда пришла узнать, как Анита устроилась. Ничего не сказав, она снова незаметно вышла и вернулась с малышкой Кларой на

руках, которую положила на кровать возле Аниты. Это было самое лучшее, что она могла сделать в данной ситуации. Минут через пять Анита уже сидела, улыбаясь девочке, гугукающей на ее коленях. А еще через минуту она уже сама весело смеялась.

Ей было хорошо и весело в доме госпожи Гивет. Утром она помогала ей присматривать за детьми, после обеда проводила время с Даником, а вечером делала свои уроки. Дети, правда, не всегда слушались ее, и приходилось иногда звать на помощь госпожу Гивет. Когда Анита сердилась или бывала нетерпеливой, она вспоминала напутствие бабушки. «Любовь долготерпит, милосердствует», — повторяла она про себя, когда Марк отказывался завязывать свои ботинки, когда Эльза разливала молоко по всему полу, а Павел толкался и падал в грязь. Постепенно любовь Иисуса начала делать ее терпеливее, добрее, покладистее. Она все чаще могла говорить нежно и сдерживать свое раздражение.

Даник пролежал в больнице неделю, дожидаясь дня операции. И когда его повезли в операционную, он был в радостном и бодром настроении, не страшась даже наркоза. Но проснувшись после операции, он очень расстроился из-за того, что конец его кровати был поднят вверх и к его ноге был подвешен железный груз. Нога очень болела, у него была высокая температура, и его тошнило. Он громко заплакал, зовя Аниту. Когда же к нему подошла медсестра, он от расстройства даже ударил ее своей ручонкой, потому что это была не Анита. Всю эту неделю Даник должен был лежать на спине с грузом на ноге. Ему было плохо, он температурил.

Анита приходила к нему каждый день, читала ему, рассказывала о белых парусниках на озере за большими стеклянными окнами палаты. Разговорами она пыталась отвлечь его, помогая ему забыть о сильной боли в ноге. Но Даник был несчастен всю эту неделю. Темные тучи низко висели над озером. Дни казались ужасно длинными. Только одно утешало Даника в это время — картина, висевшая на противоположной стене комнаты. Под ней было что-то написано, но Даник еще не умел читать. И когда он уставал от боли в ноге, уставал от рассказов, уставал от хмурого озера и других детей, он тогда просто смотрел на картину, и она никогда не надоедала ему. На этой картине был изображен Иисус Христос. Он сидел на большом камне посреди луга. Вокруг Него стояли дети, собранные со всего мира. Они открыто смотрели Ему прямо в лицо. На траве у Его ног сидел чернокожий мальчик, а на Его коленях — маленький индус. Рука Иисуса лежала на плече девочки в синем платье. А вокруг были дети из Китая, Африки, России и других стран.

Только через неделю после операции Даник и Анита по-настоящему смогли поговорить об этой картине. День этот был такой же хмурый. Темные тучи висели над озером, и сумерки спустились очень рано. В палате горел свет, другие дети уже спали, а Анита все еще сидела возле Даника. Она оставалась у него теперь немного дольше, потому что Даник очень скучал по ней. Он лежал, закинув руки за голову. Его светлые волосы были зачесаны назад, подальше от горячего лба. Он выглядел таким несчастным, ему так сильно хотелось спать, но боль в ноге мешала заснуть.

Даник снова посмотрел на картину и на надпись внизу.

— Что там написано, Анита? — спросил он.

— Там написано: «Пусть дети приходят ко Мне», — ответила Анита.

— Я знаю эту историю, — прозвучал усталый слабенький голосок. — Бабушка рассказывала ее мне. Дети эти из Библии? Какая у них смешная одежда!

— Нет, — ответила Анита. — Это дети не из Библии. Это дети со всего мира: Индии, Африки, а маленькая девочка в синем платье, наверное, из Швейцарии.

— Почему? — спросил Даник.

— Я думаю, потому, что к Иисусу могут приходиться все дети мира, а не только те, о которых упоминает Библия.

— А как это? — снова спросил Даник.

— Я точно и не знаю, как это тебе объяснить. Ты просто говоришь Иисусу, что ты хочешь к Нему прийти, Даник. И ты — там. Я думаю, что Иисус тогда берет тебя на руки, точно так же, как Он брал на руки детей, когда жил на земле. Ты и сейчас можешь видеть Его.

— Да, это так хорошо, — ответил Даник и тут же добавил: — Ой, Анита, моя нога очень болит и мне хочется спать!

Он начал плакать и метаться по подушке. Анита расправила его подушку, подала попить воды, и он снова лег, устало всхлипывая.

— Спой мне что-нибудь, — попросил он.

Анита начала петь очень тихо, боясь кого-нибудь разбудить.

«Я устал, иду к покою,
Боже, очи мне закрой
И с любовью будь со мною,
Будь Хранитель верный мой.

И сегодня, без сомненья,
Я виновен пред тобой:
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой».

Даник закрыл глаза. Через несколько минут, уже в полусне, Данику показалось, что он снова видит ту картину. Но на коленях Иисуса сидел теперь не индийский ребенок, а худой маленький мальчик с загорелым лицом и выгоревшими на солнце волосами и смотрел прямо в глаза Иисусу. А на траве у Его ног лежала пара костылей с вырезанными на них головами медвежат.

— Это я, — прошептал Даник и заснул с улыбкой на лице.

Пока Даник спал, произошли некоторые важные события. Во-первых, пришел врач Гивет и снял один из грузов с его ноги. Во-вторых, у Даника снизилась температура. А в-третьих, подул теплый южный ветер. Он разогнал тучи, и небо прояснилось.

Даник все спал, и спал, и спал. А когда проснулся, ему показалось, что он вошел в новый мир. Он долго лежал молча, все обдумывая. Ему было хорошо и прохладно, а нога перестала болеть. Большие стеклянные окна палаты были открыты, и Даник впервые смог увидеть сверкающие в лучах солнца синие воды озера, высокую гору по другую его сторону и лазурное небо с маленькими белыми облачками, которые плыли, подгоняемые южным ветром. Они напомнили Данику маленьких козлят, скачущих по по-

лю, на котором уже растаял снег и начали цвести нарциссы.

— Я скоро выздоровею, — сказал Даник сам себе, вдыхая свежий весенний воздух.

С улицы доносился запах земли, влажной после теплого дождя. Даник закрыл глаза, осознав в глубоком приливе радости, что скоро весна. Лежа вот так, и прислушиваясь, он вдруг услышал пение птички. Она пела так звонко, как будто возвещала о большом пробуждении. «Идет, идет, идет, — пела птичка. — Тебе будет скоро лучше, лучше, лучше».

Дверь палаты открылась, и вошла Анита с раскрасневшимися от быстрой ходьбы щеками. Она обычно забегала на минутку после завтрака, чтобы узнать о самочувствии Даника.

— Даник! Какой сегодня прекрасный день! — воскликнула она. — Посмотри на озеро и на гору по твоей стороне, и на парусники.

Даник поднял голову.

— Анита, где мои медвежьи костыли?

— Здесь, Даник, в твоём шкафчике. Зачем они тебе?

— Видишь вон того маленького мальчика в углу, — сказал Даник. — Я думаю, что ему они понравятся. Отдай их.

— Но зачем? Ведь тебе самому хочется иметь их, не так ли?

— Да, но они мне больше никогда не понадобятся. Я выздоровею и буду бегать без всяких костылей!

Он был прав.

Глава 29

БЛАГОПОЛУЧНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

В долине у озера и наверху в горах время шло и неделя сменялась неделей. Снег начал таять. Маленькие ручьи переполнялись водой и превращались в бурные потоки. На полях появились первые цветы. Скот в хлевах начал беспокойно топтаться и проситься на свободу. Южные ветры проносились над долинами и разносили пряный запах хвои.

Весна поднималась в горы!

Бабушка была занята весенней уборкой дома, отец — новорожденными телятами. И это было замечательно, потому что, занятые делом, они не так сильно скучали по детям. Но каждый новорожденный теленок с розовым носиком очень напоминал отцу о Данике. Бабушка часто присаживалась и погружалась в грезы. Ей казалось, как наяву, что она слышит стук костылей по ступенькам крыльца. Она слышала веселый голосок маленького мальчика. Потом, очнувшись, она снова оказывалась одна в пустом молчаливом доме. И тогда, в который раз, она спрашивала себя, когда же они наконец вернутся?

Лука скучал не меньше их. Каждый раз, идя домой, он думал о том, как бы было хорошо, если б рядом с ним шла Анита. В школе он больше не чувствовал себя одиноким и несчастным. Своим переходом через

перевал он показал всем, как он страдал от случившегося. И дети приняли его снова в свою компанию. Да и сам Лука очень переменялся. В ту ночь, когда он попросил Спасителя войти в его сердце, он понял, что жизнь его должна измениться. Прежние чувства раздражительности, подавленности и отчужденности не могли больше оставаться в его сердце, которое было открыто для любви Иисуса.

Лука заметил, что, если он держался близко к Господу — молился, читал Библию каждый день, — любовь была сильнее раздражительности и лени. Он становился новым человеком, который мог сдерживать гнев, когда его дразнили, и который не отказывался делать грязную работу.

Часто после школы он заходил к бабушке Бурни и помогал ей по дому. Они стали друзьями. И бабушка не знала, что бы она делала без него. Он колдовал дрова, ходил в магазин и приносил почту из деревни. Последнее он особенно любил, потому что письма обычно были от Аниты и бабушка всегда просила его прочитать их вслух. Иногда в них бывали картинки от Даника. Бабушка бережно хранила их в своей Библии, часто раскладывала на столе и рассматривала. К концу февраля у нее уже была целая коллекция картинок под названиями: «Я в постели», «Я не в постели», «Я гоняюсь за козами», «Я принимаю лекарство», «Я и медсестра», «Я и Анита», «Я и белый котенок». Бабушке они казались одна лучше другой, хотя на последней трудно было разобрать, кто был «я» и кто — белый котенок.

У Луки было еще одно переживание. Его друг, горный старик, собирался покинуть горы и переехать

вниз, к озеру, чтобы жить вместе со своим сыном, господином Гиветом. Об этом отец с сыном договорились в тот день, когда впервые встретились и узнали друг друга. Старик собирался уехать в начале марта. За день до его отъезда Лука пришел к нему, чтобы помочь упаковать вещи.

Старик отдал козу, кошку и курей другим крестьянам и продал почти все свои маленькие деревянные фигурки. Но домик свой он решил не продавать, чтобы время от времени возвращаться сюда.

— Я часто буду приезжать сюда, Лука, — объяснил он. — Я не могу расстаться с горами надолго. Я живу немного там, а как услышу зов гор, вернусь на время.

Он молча посмотрел вокруг, и его взгляд остановился на голых полках хибарки.

— Несколько своих фигурок я везу в подарок детям, — заметил он. — Они им понравятся. Но одну, Лука, я предназначил тебе. Я думал, что не смогу расстаться с этой фигуркой. Но все же решил отдать ее тебе. Обращайся с ней бережно.

Лука в ожидании посмотрел на старика.

— Дедушка, я был бы очень рад получить от вас одну на память, — ответил он. — Она бы напоминала мне о вас. Кроме того, я, может быть, смогу скопировать ее.

Старик подошел к тумбочке и достал оттуда подарок для Луки. Он вложил фигурку в руки мальчика и наблюдал за тем, как Лука изучал ее. На первый взгляд она выглядела просто: это был деревянный крест, сделанный из двух кусков дерева. Но перекладина креста была привязана к столбу искусно выре-

занными веревками. Во многих местах они были завязаны в узлы. Это была изысканно тонкая работа. Пальцы Луки осторожно и почти с благоговением прошли по мастерски сделанному кресту. Затем он сияющими глазами посмотрел на своего старого учителя:

— Какой чудесный подарок! — воскликнул он. — Я не могу себе представить, как вы вырезали веревку, не поломав дерева?

Потом он немного стеснительно добавил:

— На таком вот кресте был распят Иисус, да?

— Да, — просто ответил старик. — Я вырезал его в ночь, когда умер крестьянин, у которого я работал. В ту ночь он говорил мне о любви и милости Божией, и в ту ночь я тоже поверил в прощение Божие. Однажды мы с тобой уже говорили о том, как любить. Крест — это место, на котором родилась совершенная любовь.

Тут Лука словно что-то вспомнил:

— Совершенная любовь? — повторил он. — О ней как раз и говорит бабушкин стих. Об этом мы с Ани-той говорили в последний вечер перед ее отъездом.

— Это правда, — согласился старик. — Ты еще часто будешь слышать об этой любви. Совершенная любовь — это любовь, которая продолжает делать добро до тех пор, пока ничего больше не остается делать. Это любовь, которая продолжает страдать до тех пор, пока не иссякнет страдание. Поэтому Иисус, умирая на кресте, сказал: «Совершилось». Не осталось больше ни одного греха, который не мог бы быть прощенным, ни одного грешника, который не смог бы быть спасенным. И это все благодаря искупительной

смерти Иисуса Христа. Его любовь была совершенной.

Старик, казалось, забыл о присутствии Луки и говорил как бы сам с собой, но Лука все равно продолжал слушать.

Вскоре он попрощался со стариком и пообещал прийти утром, чтобы по дороге в школу помочь отнести чемодан на вокзал.

Теплый южный ветер гулял между деревьями, и капли тающего снега, весело стуча, падали с веток. Лука спешил домой, чтобы написать письмо Аните и передать с горным стариком. Первым делом он осторожно повесил свой маленький крест над кроватью, затем побежал на кухню за ручкой и бумагой.

Кухня была в полном беспорядке. Мама возилась с коровами, и у нее не было времени помыть посуду и вынести мусор. Лука обычно помогал ей. Но сегодня ему было не до посуды — он очень спешил. Поэтому он решил удалиться в свою спальню, чтобы без всяких помех написать письмо. «Мама позже сама все уберет», — думал он. Лука быстро поднялся в свою комнату и, устроившись на полу, только было собрался писать, как вдруг его взгляд скользнул вверх и остановился на маленьком деревянном крестике на стене. Он задержался на нем на одно-два мгновения, вспомнив снова то, о чем говорил старик. «Совершенная любовь...» Почему в нем снова звучали слова: «Совершенная любовь продолжает делать добро до тех пор, пока ничего больше не остается делать»?

Луке захотелось хотя бы немножко быть похожим на Спасителя и тоже любить совершенной любовью. Лука покраснел, медленно встал и спустился на кух-

ню. Когда полчаса спустя его мать вошла в дом, кухня выглядела чистой и убранной, а счастливый Лука сидел за столом и писал.

На следующее утро, еще затемно, он встал и пошел наверх, к дому старика. Они спустились вместе, оставив одинокую хибарку ожидать возвращения хозяина. Когда они вышли из лесу, туман рассеялся, запели петухи и солнце осветило самые высокие вершины.

Старик уезжал поездом, который зимой увез Аниту и Даника.

— Я вернусь, когда начнут цвести нарциссы, — напомнил он Луке, с тоской глядя на горы. — Ты напиши мне, когда они начнут цвести здесь, в долине. Тогда у меня будет достаточно времени, чтобы поспеть к их расцвету в горах. Не забудь, Лука!

Ответ Луки потонул в шуме колес отходящего состава. Через несколько минут поезд скрылся за изгибом дороги.

Вскоре после этого Лука принес бабушке письмо с почты. Он знал, что это письмо от Аниты, и поэтому спешил скорее передать его. Он с громким топотом взбежал по ступенькам на веранду, возвещая хорошую новость. Бабушка поспешила ему навстречу.

— Прочитай мне его, Лука, — сказала она, устроившись на солнышке.

Бабушка сложила руки, закрыла глаза, чтобы выслушать с полным вниманием. Это было совсем короткое письмо, и Лука прочитал его на одном дыхании:

«Дорогие папа и бабушка! Даник и я послезавтра приезжаем домой. Даник уже совсем здоров. Мы никак не можем дождаться, чтобы снова увидеть вас. Да-

ник просит, чтобы вы непременно принесли Белоснежку на вокзал. Любящая вас Анита».

Вместе с письмом была небольшая записка от госпожи Гивет. В ней было указано точное время прибытия поезда. В конверте также был рисунок Даника под названием: «Я на пути домой в поезде».

Бабушка всплакнула, но только совсем немножко. Она вытерла слезы и решила быть сильной бабушкой, потому что впереди было много приготовлений.

— Лука, сходи и отдай это письмо господину Бурни, — сказала она. — А потом помоги мне немного. Нам нужно порядком поработать, чтобы приготовиться к приезду детей.

Отец, прочитав письмо, издал какое-то непонятное восклицание, машинально почесал затылок и, первый раз в своей жизни, опрокинул ведро с молоком.

День выдался ясный и теплый. Был выходной, и в школе не было занятий. Лука проснулся с восходом солнца и пошел собирать весенние цветы. Он красиво расставил их в небольшой вазочке на столе и затем отправился на вокзал. Он шел медленно, потому что у него было в запасе много времени и ему надо было о многом подумать.

Бабушка, господин Бурни и Белоснежка поехали упряжкой. Такого красивого весеннего утра не было еще никогда. Поля вокруг были невероятно зелены и усыпаны цветами. Воздух звенел колокольчиками животных, которые только недавно вышли из зимних загонов на свободу. Маленькие козлята прыгали на лугах. Лес был полон запахов, и белые вершины гор так ярко сверкали на фоне голубого неба, что глазам было больно смотреть. «Этот день совсем не похож на поза-

прошлогодний», — подумал про себя Лука. Охапка цветов напомнила ему о том кошмарном дне. Какой это был темный, печальный день! Одно только воспоминание о нем омрачило его радостное настроение. Это ведь была его вина, что им вообще пришлось уезжать отсюда. Может быть, они не так уж и рады будут снова увидеть его? Анита написала, что Даник здоров, но Луке не верилось. Он стоял один в стороне, засунув руки в карманы, и боялся этой долгожданной встречи. Он даже подумал, что лучше было бы ему сюда не приходиться.

На перроне была довольно большая толпа народа. Отец стоял, устремив взгляд туда, откуда из-за поворота должен был показаться поезд. Бабушка возилась с Белоснежкой: кошка с розовым бантиком на шее, казалось, хотела вырваться и побежать навстречу поезду.

— Идет, идет! — воскликнул отец.

И все двинулись вперед, все, кроме Луки. Он чувствовал себя все более напряженным и смущенным.

Поезд подошел к перрону, и Анита с Даником, возбужденные и радостные, показались в окне: им не терпелось выйти из поезда. Даник устремил взгляд на любимые лица и заметил Луку, стоявшего отдельно. Его любящее маленькое сердечко хотело поскорее обнять всех. Он спрыгнул с поезда и, пробравшись сквозь толпу, побежал прямо к Луке.

— Посмотри, Лука! — закричал он. — Я могу ходить. Твой врач, которого ты нашел мне, вылечил меня совсем, и я могу бегать, как будто бы никогда и не ломал ногу. Смотри, бабушка! Смотри, папа! Я бегаю без костылей. Посмотри, Белоснежка, вот твой коте-

нок. Разве он уже не большой, бабушка? Почти такой, как и Белоснежка.

Белоснежка и котенок просто возненавидели друг друга. Они шипели, прыгали и царапали один другого. Данику и бабушке едва удалось их разнять. Люди смеялись. Поезд отходил от перрона. Анита крепко ухватилась за папу: ей больше ни за что не хотелось покидать его.

Только Лука отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Его почтили больше всех: его грех был прощен и забыт навсегда. Даник мог снова ходить, как будто бы никогда и не падал.

И вдруг Лука заметил, что орешник у перрона расцвел. Вчера на нем были только голые ветки. Но весна предъявила свои права, и голое дерево вспыхнуло ярко-розовыми цветами.

Пора метелей миновала,
Земля цветами убралась
И птичьих песен дождалась.

